

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. В. Друговейко-Должанская, М. Б. Попов

СОВРЕМЕННОЕ
РУССКОЕ ПИСЬМО

ГРАФИКА, ОРФОГРАФИЯ, ПУНКТУАЦИЯ

Терминологический словарь

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 81.161.1
ББК 81.2Рус-4
Д99

Рецензенты: д-р филол. наук, д-р ист. наук, вед. науч. сотр. А. А. Бурыйкин
(Словарный отдел Ин-та лингвист. исследований РАН);
канд. филол. наук, доц. А. И. Рыко (С.-Петербург. гос. ун-т)

*Рекомендовано к публикации Учебно-методической комиссией
по УГСН 45.00.00 Языкознание и литературоведение
Санкт-Петербургского государственного университета*

Друговойко-Должанская С. В., Попов М. Б.

Д99 Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация: Терминологический словарь. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019. — 190 с.
ISBN 978-5-288-05942-1

Терминологический словарь представляет собой учебный справочник, в который включены статьи, расположенные в алфавитном порядке и содержащие толкования важнейших грамматологических терминов, необходимых для понимания учебных и научных текстов по теории и истории современного русского письма.

Словарь рассчитан в первую очередь на студентов-русистов филологических факультетов классических университетов, но может быть использован магистрантами и аспирантами, изучающими русский язык. Кроме того он будет полезен школьным учителям-словесникам и всем интересующимся русским письмом, его историей и теоретическими проблемами грамматологии.

УДК 81.161.1
ББК 81.2Рус-4

Издание осуществлено при финансовой поддержке фонда «Русский мир», проект № 1672Гр/П-246-17.

ISBN 978-5-288-05942-1

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2019
© Друговойко-Должанская С. В.,
Попов М. Б., 2019

Предисловие

Терминологический словарь является учебным пособием по теории и истории современного русского письма и вместе с учебником и хрестоматией избранных научных работ входит в учебно-методический комплекс для высших учебных заведений Российской Федерации «Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация». По своему содержанию данный учебно-методический комплекс в целом соответствует программе курса «Современный русский язык (Письмо. Графика. Орфография)», который читается для студентов-русистов 1-го курса бакалавриата на филологическом факультете СПбГУ.

Терминологический словарь представляет собой совокупность статей, расположенных в алфавитном порядке. Словарные статьи содержат толкования (дефиниции) важнейших терминов, необходимых для понимания учебных и научных текстов по теории и истории русского письма, а во многих случаях — более или менее подробные комментарии к ним. В словарь включены как традиционно используемые и общепринятые в лингвистике термины, значение которых в научных и даже учебных текстах зачастую специально не оговаривается (*алфавит, буква, графика, орфография, принцип орфографии* и т. п.), так сравнительно недавно появившиеся термины (*графон, метаграфемика, эмограмма, эмотикон* и т. п.). Разумеется, в словаре учитывается многозначность некоторых терминов, причем приоритет отдается значениям, важным именно для данного курса (ср. *абзац* как часть текста, обладающая смысловым и композиционным единством, и *абзац* как отступ в начале строки; *умлаут* как фонетическое изменение в германских языках и *умлаут* как диакритика). Другой тип многозначности представляют термины, которые по-разному толкуются разными лингвистами (*графема, аллограф, морфологический принцип орфографии* и др.). Такие случаи оговариваются в словаре лишь по мере необходимости, поскольку предусмотреть детали трактовок терминов разными лингвистами не представлялось возможным.

Для подобных терминов в словаре предлагается такое их понимание, к которому склоняются авторы словаря. Таким образом, статьи терминологического словаря дают толкования в основном собственно лингвистических терминов и понятий, относящихся к предметной области грамматики и русского письма. Вместе с тем авторы сочли необходимым включить в словарь некоторые фонетические термины (*звуковые изменения, орфоэпия, ударение, фонема, чередования фонем* и т. п.), а также термины, связанные с историей русского языка (*древнерусский язык, старославянский язык, редуцированные гласные /ѣ/ и /ь/, переход /е/ в /о/* и др.), которые представляются важными для понимания проблем теории и истории русского письма. Заимствованные термины, а в отдельных случаях и термины русского происхождения сопровождаются этимологической справкой.

Данный терминологический словарь выполняет в первую очередь справочную функцию. Он призван помочь студенту в освоении теоретического материала учебника и хрестоматии, входящих в учебно-методический комплекс «Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация», и предназначен для аудиторной и внеаудиторной самостоятельной работы студентов бакалавриата филологических факультетов университетов. Вместе с тем авторы надеются, что словарь может быть полезен магистрантам и аспирантам, изучающим проблемы теории и истории русского языка, а также школьным учителям-словесникам и всем интересующимся современным русским письмом, его историей и теоретическими проблемами грамматики.

Список сокращений

- амер. — американский вар-т англй-ского языка
англ. — английский
бел. — белорусский
болг. — болгарский
букв. — буквально
вар-т — вариант
венг. — венгерский
визант. — византийский
вин. — винительный (падеж)
внеш. — внешние
внутр. — внутренние
вр. — время
глаго. — глаголический
гр. — греческий
дат. — дательный (падеж)
дв. — двойственное (число)
диал. — диалектный
др.-гр. — древнегреческий
др.-рус. — древнерусский
ед. — единственное (число)
ж. — женский (род)
зв. — звательный (падеж) / звательная (форма)
им. — именительный (падеж)
инф. — инфинитив
исл. — исландский
исп. — испанский
итал. — итальянский
кир. — кириллический
кратк. — краткая форма (прилагательного)
л. — лицо
лат. — латинский
лит. — литовский
литер. — литературный
м. — мужской (род)
мак. — македонский
мн. — множественное (число)
н.э. — наша эра, новая эра
накл. — наклонение
напр. — например
наст. — настоящее (время)
нем. — немецкий
неправ. — неправильный, неправильно
нескл. — несклоняемый
нид. — нидерландский
норв. — норвежский
п. — падеж
повел. — повелительное наклонение
пол. — польский
полн. — полная форма (прилагательного)
предл. — предложный (падеж)
прил. — прилагательное
притяж. — притяжательный
прич. — причастие
прош. — прошедшее (время)
псл. — праславянский
р. — род
род. — родительный (падеж)
рус. — русский
с. — средний (род)
серб. — сербский
скл. — склонение
скр. — санскрит
см. — смотри
совр. — современный
ст.-сл. — старославянский
страд. — страдательный (залог)
сущ. — существительное
твор. — творительный (падеж)
укр. — украинский
устар. — устаревшая форма
фин. — финский
фр. — французский
хорв. — хорватский
ц.-сл. — церковнославянский
ч. — число
чеш. — чешский

АББРЕВИАТУРА [итал. *abbreviatura* ‘сокращение’ от лат. *abbrevio* ‘сокращаю’] — существительное, образованное из усеченных слов, представляющих единое наименование или часто повторяющееся словосочетание, или из усеченных составляющих исходного сложного слова, напр.: *ЕГЭ* (*единый государственный экзамен*); *АиФ* («*Аргументы и факты*»); *ГорСЭС* (*городская санитарно-эпидемиологическая станция*); *бионика* (*биология + электроника*); *БТР* (*бронетранспортер*) и т. д. Последний компонент аббревиатуры может быть представлен неусеченным словом: *завкафедрой* (*заведующий кафедрой*), *госавтоинспекция* (*государственная автомобильная инспекция*) и т. п.

Сокращением по начальным буквам образуются аббревиатуры инициального типа, которые имеют разное прочтение: 1) в соответствии с алфавитным названием буквы — алфавитные: *ДТП* /dɛtɛpɛ/ — *дорожно-транспортное происшествие*; *КВН* /kavɛn/ или /kavɛnɛ/ — *Клуб веселых и находчивых*; 2) по начальным фонемам — звуковые: *МКАД* (мкад) /mkat/ — *Московская кольцевая автомобильная дорога*; *ПРО* — *противоракетная оборона*; 3) комбинация того и другого — буквенно-звуковые (звуко-буквенные): *ГИБДД* /g'ibɛdɛdɛ/ — *Государственная инспекция безопасности дорожного движения* и др.

Произношение большинства буквенных аббревиатур соответствует произношению алфавитных названий соответствующих букв (см. **Названия букв**): буква *л* произносится как /ɛl/, а *н* — как /ɛn/. Напр., *неопознанный летающий объект* — *НЛО* /ɛnɛlɔ/ (не /ɛnɛlɔ/); *индивидуальный налоговый номер* — *ИНН* /ɛɛnɛn/ (не /ɛɛnɛn/).

В некоторых аббревиатурах произношение отдельных букв не совпадает с их официальным названием, напр. буква **ф** («эф») в аббревиатурах *ФБР* (Федеральное бюро расследований) и *МФШ* (Московская фонологическая школа) произносится как /fɛ/ — /fɛbɛɛr/ и /ɛmfɛšá/.

Есть аббревиатуры, имеющие варианты произношения: *ФСБ* — /efezbé/ и допустимо /feezbé/, *МХАТ* /mxat/ (по начальным фонемам) и /emxaté/ (по названиям букв).

АБЗА́Ц [нем. *Absatz* ‘отступ’ от *absetzen* ‘отставлять в сторону, смещать’] — 1. Часть текста между двумя такими отступами, обладающая смысловым и композиционным единством; композиционная единица письменного текста. 2. Отступ вправо в начале строки печатного или рукописного текста (*красная строка*).

При делении текста на абзацы (в 1-м значении), абзац (во 2-м значении) выступает в роли неалфавитного (небуквенного) знака письма — своего рода «знака препинания», отмечая завершение одного смыслового отрезка текста и начало нового. Графически вычленяя фрагмент текста и тем самым привлекая внимание к микротеме каждого фрагмента, автор задает и определенный *ритм* текста, который подчинен коммуникативному замыслу. Таким образом, абзацное членение помогает не только осмыслить композиционную структуру текста, но и постичь авторский замысел.

А́ВТОРСКАЯ ОРФОГРА́ФИЯ — сознательное нарушение орфографических норм, используемое как стилистический прием и служащее одним из средств графической выразительности, языковой игры.

Для современной русской орфографии характерна высокая степень стандартности, и потому соблюдение обязательных норм правописания зачастую не дает пишущему возможности отразить нюансы различий в значении или стилистической окраске употребляемых им языковых единиц. См. об этом в стихотворении Андрея Полякова «Орфографический минимум»: *Акация, хочу писать **окация**, / но не уверен, что возьмут / ломать слова, когда канонизация / литературы, где людей живут.*

Стилистически оправданное отступление от орфографической нормы имеет специальное терминологическое обозначение — **графон** (см.) или **орфографический троп** (см.).

Как правило, авторская орфография призвана не столько эпатировать читателя, сколько разными написаниями одного и того же слова обозначить различия в их значениях. Так, напр., А. Блок настаивал на том, что при издании его стихотворений следует сохранять написания *жолтый* и *жёлтый*, поскольку первое прилагательное слу-

жило у поэта синонимом мещанского самодовольства (*И в жолтых окнах засмеются, / Что этих нищих провели*), тогда как второе было просто обозначением цвета (*Медлительной чредой нисходит день осенний, / Медлительно крутится жёлтый лист*).

В исключительных случаях авторская орфография может базироваться на сознательных теоретических установках пишущего, по тем или иным причинам негативно относящегося к сложившимся нормам правописания. Так, А. Солженицын утверждает, что основные принципы применяемых им написаний основаны не на индивидуальных предпочтениях, а на принципиальной установке большей части общества. Напр., писатель полагает, что в уменьшительном суффиксе *-ёнк-/-онк-* после шипящих под ударением следует писать *ё* у существительных женского рода (**бумажёнка, *девчёнка*) и *о* — у существительных мужского рода (*мальчонка, мужичонка*); что не нужно фонетическим написанием затемнять смысл морфемы (и предлагает писать **черезильно, *низсылал* и **предъизбрать*, а не *черессильно, ниссылал* и *предызбрать*); что не следует упускать различий там, где можно их сохранить, поскольку «задача языка — как можно меньше уподоблять и смешивать, как можно тоньше различать» (и потому писать слитно союз *нето* и раздельно — указательное местоимение с отрицанием *не то*: *Нето сказал, нето собирался только*, но: *Не то, мой друг, не то. Не то сказал*) и др.

Однако намеренные отступления от орфографического стандарта, выполняющие стилистическую задачу, позволительны лишь в том случае, когда и автор текста, и его адресат владеют языковыми нормами на достаточно высоком уровне.

АВТОРСКАЯ ПУНКТУАЦИЯ — стилистически значимые особенности пунктуационного оформления текста, демонстрирующие отклонение от современных норм постановки знаков препинания и направленные на передачу его ритмики или экспрессии.

Употребление авторских знаков препинания можно свести к двум основным случаям: 1) употребление писателем пунктуационных знаков, не предусмотренных пунктуационной системой данного языка, и 2) разного рода отклонения в использовании существующих пунктуационных знаков.

У В. Ф. Одоевского, напр., встречаются такие знаки препинания, как 5-, 6-, 8-, 9- и 10-точия, знак *¿* (как в испанском, где этот знак с XVIII в. используется в начале вопросительного предложения: *¿Qué*

haces? ‘Что ты делаешь?’ и ¡¿*Qué haces?!* ‘Что ты делаешь!’) и пр. Напр.: ¿*Что же покойник-та, крепостной, что ли, ваш был?.....* Использование нескольких тире подряд характерно для А. Ремизова, Б. Пильняка, Саши Соколова и др.: *А на странице тринадцать печатались некрологи — — — как вдруг налетевший сквозняк затушил свечу, и я принужден был прервать составление записок* (Саша Соколов). В современные художественные тексты в качестве пунктуационных знаков могут вводиться различные компьютерные и математические символы.

Значительно чаще авторская пунктуация связана с разного рода отклонениями от действующих правил постановки знаков препинания. Стремление автора художественного текста передать ритм фразы может привести к появлению знаков препинания в позициях, которые не регламентированы правилами пунктуации или даже прямо этим правилам противоречат. Ср. использование тире в следующих примерах: *Мать — творит, она — охраняет, и говорит при ней о разрушении — значит говорит против нее* (М. Горький); *Закат — погас* (М. Горький); *Ничего не хочу и — шабаш* (М. Горький); *А она для него — такая уж маленькая, что он ее тоже — просто не видит* (М. Цветаева); *Он чего-то вдруг очень устал. И — хорошо, что он остался один в кабинете, спокойнее как-то* (В. Шукшин). В приведенных примерах тире используется для передачи особого, разорванного ритма повествования. Ненормативное употребление тире может быть также связано с расширением тех функций, которые ему предписываются пунктуационной системой языка; ср. употребление тире вместо запятой в следующих примерах: *Он приехал в феврале — когда она уже совсем похоронила в себе всякую надежду увидеть его хоть еще один раз в жизни* (И. Бунин); *Как дитя — собою радость рада* (М. Горький). Среди писателей, особенно любивших тире, можно назвать А. Блока, М. Горького, М. Цветаеву и др.

К авторской пунктуации относится не только ненормативное использование знаков препинания в художественных целях, но и использование знаков препинания в тех случаях, когда их постановка обязательна. Напр.: *...долго не появлялась все деревянное грубое но лакированное потом вошла ты Курт четверо солдат с овчаркой ты бросила руны Гретхен сказала отлично полное благоприятствование...* (В. Сорокин); *Лечу стрелой насквозь большую жизнь чей незабвенный образ я веду за ручку до которой сам дошел своим умом когда с него сходил на землю где сегодня прохожу по делу о хищениях*

по складу души своей где был я проведен кладовщиком как ясельный младенец чьими устами истину как мед да пить дать (В. Строчков). Отсутствие знаков препинания в тексте становится свидетельством устранения автора от попытки передать ритм фразы и расчленить ее на синтаксически замкнутые отрезки. Так, в стихотворении В. Строчкова каждое слово оказывается способным входить во множество сочетаний: *вести образ жизни — вести за ручку — дойти до ручки — дойти своим умом — сходить с ума* и т. д.

В целом можно утверждать, что авторская пунктуация представляет собой разные случаи нарушения существующих пунктуационных правил либо сложившейся практики употребления знаков препинания, однако эти нарушения и отклонения носят осознанный характер: автор пытается таким образом сделать пунктуационные знаки дополнительным каналом передачи информации в тексте, повысить их функциональную нагрузку. От авторской пунктуации следует, таким образом, отличать пунктуационные ошибки людей, недостаточно хорошо владеющих правилами русской пунктуации.

АДЕКВАТНОФОНЕМНОЕ НАПИСАНИЕ — написание буквы (или буквосочетания) в словоформе, при котором фонема (или сочетание фонем), независимо от позиции — сильной или слабой, передана буквой (или сочетанием букв), предназначенной для этой фонемы (сочетания фонем) в системе **графики** (см.). Напр., в слове *пять* /rʲatʲ/ буква **я** употреблена в одном из двух своих графических значений (см. **Главные значения букв**) — /a/ (с одновременным указанием на мягкость предшествующего согласного), соответственно написание **я** в этой словоформе — адекватнофонемное. В слове *яма* /'jama/ написание буквы **я** тоже является адекватнофонемным, так как ее звуковое значение совпадает с одним из графических, а именно /ja/. Адекватнофонемны и написания остальных букв словоформы *пять* (**п** — /rʲ/, **ть** — /tʲ/). В словоформе *пяти* /rʲi tʲi/ написания букв **п**, **т** и **и** — адекватнофонемные, а написание **я** — неадекватнофонемное (см. **Неадекватнофонемное написание**), так как буква **я** не имеет в соответствии с правилами русской графики звукового значения /i/. Буква **я** употреблена здесь в своем орфографическом значении (см. **Второстепенные значения букв**), которое появляется только в орфографии.

Адекватнофонемными могут быть написания букв в их как графических, так и орфографических значениях, причем написания по

правилам орфографии могут быть адекватнофонемными и неадекватнофонемными. Так, в словоформе *сток* /stok/ написание буквы **к** адекватнофонемно, но **к** выступает в своем орфографическом значении, так как в этом слове **к** пишется по правилам орфографии, а не графики, хотя это ее орфографическое значение совпадает с одним из графических значений **к**. В слове *стог* /stok/ написание буквы **г** неадекватнофонемно и тоже выступает в орфографическом значении.

В том же значении, что и термин «адекватнофонемное написание» (термин В. Ф. Ивановой), используется традиционный, но менее точный термин «фонетическое написание».

АЗБУКА [от старых названий двух первых букв кириллицы — **а** «аз» (др.-рус. азъ) и **в** «буки» (др.-рус.); калька с гр. ἀλφάβητος (= *alphábētos*) (**α** «альфа» и **β** «бета/вита»)] — 1. То же, что **алфавит** (см.), обычно о кириллическом алфавите (см. **Кириллица**). 2. Букварь, учебное пособие для начального обучения чтению (у восточных славян первая такая азбука была напечатана Иваном Федоровым в 1574 г. во Львове).

Термин «азбука» (др.-рус. азъбуѡкы) встречается в русских текстах с XIII в., в то время как прямое заимствование из греческого — «алфавит» — с XV в.

АКÚТ [лат. *acutus* ‘острый, резкий’] — 1. **Острое** ударение (лат. *accentus acutus*) — один из видов тонического ударения в древнегреческом языке, обозначаемое знаком (´) над гласным (наряду с **облеченным** ударением, обозначаемым знаком (¨)): ср. гр. δημός /dēmós/ ‘жир’, но δῆμος /dēmos/ ‘народ’. 2. Нисходящая интонация современного литовского языка, которая в прабалтийском была восходящей. 3. Восходящая интонация в праславянском и раннем древнерусском языках (псл. *vólja ‘воля’). 4. Диакритический знак (´), имеющий разное значение в письменностях разных языков, напр. во французском обозначает закрытое /e/: фр. *dé* /de/ ‘игральная кость’ и *dès* /de/ ‘с, от’, в чешском — долготу гласного: чеш. *dráha* ‘дорога’ — *drahá* ‘дорогая’ и др.

В русском письме акут — один из **диакритических знаков** (см.), указывающий на место основного ударения словоформы. Знак акута ставится над гласной буквой, обозначающей ударный гласный. Последовательное употребление этого знака принято в учебных текстах (напр., предназначенных для изучающих русский язык как иностранный) и в неодносложных заголовочных словах энциклопедических

словарей. В обычных текстах знак ударения употребляется выборочно: для предупреждения неправильного понимания слова (*бóльшая, чудно́, про́клятый, подрéзать*; для разграничения формы относительного местоимения *что* и союза *что* в сложных синтаксических конструкциях: *Я пришел к тебе с приветом / <...> / Рассказать, что отовсюду / На меня весельем веет, / Что не знаю сам, **что́** буду / Петь, — но только песня зреет. — А. Фет), — или для указания на правильное ударение в недостаточно хорошо известном слове, в том числе в имени собственном (*апóкриф, Ферма́*).*

В русской орфографии при необязательности употребления буквы *ё* (см.) знак акута над *е* может также использоваться для обозначения произношения /e/ в отличие от ударного /o/ после мягкого согласного: ср. *всё /f's'e/ — всѣ /f's'o/, нѣбо /n'eba/ — нѣбо /n'oba/* и т. п. Некоторые лингвисты считают, что использование *е́* не для обозначения ударения, а в функции «не-ѐ» может быть полезно при издании классики для указания на правильное чтение *е*: ср. *Орел, любимец гордый грома, / Свой к небу правит быстр полёт; / Он, кажется, достигнет дома, / Отколь исходит солнца свет* (Я. Княжнин).

В современном церковнославянском языке (см.) постановка знаков ударения, которые заимствованы из греческого письма, обязательна. Используется три вида и соответственно три знака ударения, которые в церковном произношении не различаются, но могут использоваться для различения омофонов (см. **Дифференцирующие написания**): *острое* (акут — *цáръ* им. ед.), *тяжелое* (гравис — *царѣ́* род. ед.) и *облеченное* (циркумфлекс — *цáръ* род. мн., *царѣ́* им. дв.).

АЛЛОГРА́Ф [от гр. ἄλλος (= *allos*) ‘другой’ и γράφω (= *graphō*) ‘пишу’] — вариант графемы, который, наряду с другими ее вариантами, имеет одно и то же звуковое значение в омонимичных словоформах, различающихся на письме только вариантами графем (ср. *дом* и *Дом*, *дом* и *дом*, *дом* и *ДОМ*, *дом* и *дом*, *дом* и *дом* и т. п.). Некоторые лингвисты предлагают рассматривать строчные и прописные варианты букв в качестве самостоятельных графем, а не аллографов одной графемы, так как они обеспечивают существенные для системы современного русского письма различия (см. **Графема**).

АЛЛОФОН [от гр. ἄλλος (= *allos*) ‘другой’ и φωνή (= *phonē*) ‘звук’] — конкретная реализация фонемы, ее вариант (см. **Фонема**).

АЛФАВИТ [гр. ἀλφάβητος (= *alphábētos*), образованное от названий первых двух букв греческого алфавита — **α** «альфа» и **β** «бета/вита»] — упорядоченная совокупность основных знаков письма — **букв** (см.). Русский алфавит называют также **азбукой** (см.). Если слово *азбука* (др.-рус. **азъбуоуки**) встречается в русских текстах с XIII в., то *алфавит* — с XV в.

Алфавит в качестве аспекта письма включает как минимум следующие признаки: 1) буквенный состав, 2) порядок букв, 3) начертания и 4) названия букв. Особую проблему составляет еще один из возможных признаков алфавита — звуковые значения букв. Не все лингвисты считают, что они даны в самом алфавите (см. **Алфавитное значение буквы**). Без знания буквенного состава алфавита и начертаний букв невозможен сам процесс письма и чтения, а знание порядка букв в алфавите необходимо для пользования словарями, справочниками, различными каталогами, где информация расположена в строгом алфавитном порядке.

Современный русский алфавит насчитывает 33 буквы (см. также **Буква ё**), которые располагаются в строго определенном порядке от **а** до **я**.

Назначение букв алфавита предназначены для того, чтобы обозначать на письме звуки речи, точнее — **фонемы** (см.). Если исходить из того, что количество гласных звуков должно совпадать с количеством гласных букв, а состав согласных звуков — с составом согласных букв звуков русского языка, то обнаружится, что современный алфавит не удовлетворяет этому требованию, поскольку, во-первых, в нем не хватает букв для обозначения парных мягких согласных фонем, а во-вторых, имеется избыток букв для гласных: на 6 гласных фонем приходится 10 букв. Такое положение возникло исторически в результате изменений в звуковом строе русского языка, в котором резко возросло количество согласных фонем (за счет появления парных мягких согласных) и сократилось количество гласных. Современное русское письмо регулирует возникший дисбаланс между буквами и звуками (фонемами) с помощью **слогового принципа графики** (см.).

Исторически русский алфавит представляет собой развитие древней славянской **кириллицы** (см.). В процессе исторического развития на русской почве в кириллице произошли существенные изменения в составе (современный алфавит почти на четверть меньше по сравнению с первоначальной кириллицей, но пополнился тремя новыми буквами: **э, й, ё**), начертаниях (кардинальные изменения

произошли в период Петровской реформы азбуки) и названиях букв (процесс начался в XVIII и в целом завершился в начале XX в.), а также в их звуковых значениях (это результат звуковых изменений на протяжении всей письменной истории русского языка).

АЛФАВИТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ БУКВЫ — звуковое значение буквы, которое в большинстве случаев (кроме **й** «и краткое») связано с ее названием в алфавите (см. **Алфавит, Буква, Названия букв**). Если учесть, что буквы алфавита предназначены для обозначения фонем, то алфавитное значение буквы — это ее фонемное значение. Так, алфавитное значение буквы **я** — сочетание фонем /ja/, которое проявляется в написаниях *яма* /jáma/, *заявка* /zajáfka/, *семья* /s'im'já/. У буквы **я** есть и другие значения. В **графике** (см.) у нее имеется значение /a/ с дополнительным указанием на мягкость предшествующего согласного: ср. *пяť* /p'ať/, *любя* /l'ub'a/. Звуковые значения /ja/ и /a/ (с указанием на мягкость согласного) обычно называют главными (графическими), в противоположность второстепенным — орфографическим) звуковыми значениями буквы **а**, вытекающими из слогового принципа русской **графики** (см.). Второстепенными (орфографическими) звуковыми значениями буквы **я** будут в таком случае /ji/ и /i/ (ср. *объявить* /abjiv'ít'/ и *пяти* /p'it'i'/). Некоторые лингвисты считают, что буква в алфавите представляет собой чисто начертательный символ, только потенциально имеющий звуковое значение, а конкретные звуковые значения — главные и второстепенные — она получает в графике и орфографии. При таком подходе буквы не имеют алфавитных звуковых значений.

АЛФАВИТНОЕ ПИСЬМО́ (см. Буквенно-звуковое письмо)

АПОСТРО́Ф [фр. *apostrophe* от гр. ἀπόστροφος (= *apostrophos*) 'обращенный в сторону или назад'] (') — небуквенный надстрочный знак в виде запятой, который в разных алфавитных системах письма используется в разных функциях. В русском письме имеет ограниченное применение и употребляется:

- 1) для присоединения к слову особых элементов в собственных именах иноязычного происхождения, напр.: *О'Кейси*, *д'Артаньян*, *Кот-д'Ивуар* (ср.: *Шарль де Костер*). В словах, производных от таких имен собственных, апостроф не пишется: *дартаньяновский*;

- 2) для отделения русских окончаний и суффиксов от передаваемой латинскими буквами предшествующей части слова, напр.: *пользоваться e-mail'ом, сообщить sms'кой*;
- 3) для замещения пропущенного звука в так называемых редуцированных формах; в ряде языков используется регулярно (напр.: англ. *can't (cannot)*, фр. *l'homme (le home)*), в русском — лишь окказионально, напр.: *на б'шке* (И. Сельвинский), *быва'т, ину н'ру случа'тся* (В. Даль);
- 4) для замены разделительного твердого знака: *с'ехал, под'езд* (такое употребление апострофа не соответствует современным нормам письма: оно возникло вследствие реформы орфографии 1917–1918 гг., упразднившей написание буквы **ъ** на конце слов, и просуществовало до 1928 г.); в украинском и белорусском письме — в разделительной функции в связи с отсутствием **ъ** в украинском и белорусском алфавитах (ср. укр. *м'ясо* 'мясо', укр. *з'їзд* 'съезд', бел. *аб'ява* 'объявление', бел. *вераб'і* 'воробы', бел. *двух'ярусны* 'двухъярусный');
- 5) для указания на мягкость согласного звука в фонетической транскрипции: [i't'] (*лечь*), [n'a'a] (*няня*);
- 6) в художественной литературе — после **г** для передачи картавого произношения /г/ (ср. *до утг'а, нг'ошу* и т. п.).

БЕГЛЫЕ ГЛАСНЫЕ — гласные фонемы, которые участвуют в чередованиях с нулем звука: *угол /úgal/ — угла /uglá/, день /d'en'/ — дни /dn'i/, сто /sto/ — сотня /sót'n'a/, сотня /sót'n'a/ — сотен /sót'in/, ко мне /ka-mn'ě/ — к тебе /k-t'ib'e/* и т. п. Беглыми могут быть фонемы /o/, /a/, /e/ и /i/, однако на письме эти гласные в соответствии с правилами русской орфографии обозначаются буквами **о** и **е** (ё); исключением является правописание суффиксов притяжательных прилагательных (*лисий — лисьего*) и некоторых категорий существительных (*гостья — гостий*), где пишется **и**. Беглые гласные встречаются в корнях, суффиксах и приставках в словах различных частей речи, но главным образом в корнях и суффиксах существительных, а также довольно широко в предлогах.

Беглость гласных — это одна из разновидностей исторических чередований (см. **Чередования фонем**), которая появилась в результате древнерусского звукового изменения — падения **редуцированных гласных /ъ/ и /ь/** (см.; см. также **Ер, Ерь**). В современном языке чередование беглых гласных превратилось в продуктивное морфо-

нологическое средство образования форм определенных категорий слов: ср. *дуб* — *дуба* → *дубок* — *дубка* → *дубочек* — *дубочка*, *молодец* — *молодца* → *молодчик* — *молодчика*; *шпиргалка* — *шпиргалок* как *пчелка* — *пчелок* и т. п., а в ряде случаев — и в средство стилистической дифференциации значений слов: ср. *встать со стула* — *восстать против несправедливости* и т. п.

Учитывая, что беглыми (за редкими исключениями) могут быть только **о** и **е**, но не **и**, нетрудно понять логику известного школьного правила: для верного выбора гласных в суффиксах *-ек* и *-ик* существительные нужно просклонять, и если гласный при склонении выпадает, то следует писать **е** (*замочка* — *замочек*), а если беглости гласного не наблюдается — **и** (*ключика* — *ключик*). Однако иногда понятие беглости гласных распространяется на любые чередования гласных с нулем звука, и в число беглых включается здесь также **и** — напр., в корнях с чередованием типа *-бир-/-бер-/-бр-* (*собирать* — *собрать*), суффиксах притяжательных прилагательных (*волчий* /vólč'ij/ — *волчьего* /vólč'jiva/) и т. п.

БЕСПОВЕРОЧНЫЕ (БЕСПРОВЕРОЧНЫЕ, НЕПРОВЕРЯЕМЫЕ) НАПИСАНИЯ — тип написаний, которые в рамках действия морфологического принципа орфографии (см.) невозможно проверить по опорным написаниям (см.). Противопоставлены *проверяемым*, или *косвенно-проверяемым* написаниям. Обычно невозможность проверки связана с отсутствием чередования в соответствующей морфеме: напр., в русском письме фонема /a/ в безударной позиции может быть обозначена и буквой **а**, и буквой **о** (ср. *трав***а**, *сапог***о**, *вод***а**, *вокзал***о**), однако в словах *трав***а** и *вод***а** написание **а** или **о** проверяется по опорному написанию, которое представлено в этих морфемах под ударением (*трав***ы**, *вод***ы**), а в словах *сапог***о** и *вокзал***о** такая проверка невозможна в силу отсутствия чередования безударного гласного с ударным и, соответственно, опорного написания. В словах *сапог***о** и *вокзал***о** фонема /a/ в безударной позиции обозначается буквами **а** и **о** по традиции, т. е. в этом случае действует не морфологический, а традиционный принцип орфографии. Соответственно, написание **г** в *сапог* — проверяемое (ср. опорное написание в *сапога*), а **к** в *вокзал* — бесповоротное (как ни изменяй слово, последний согласный морфемы, обозначаемый буквой **к**, не окажется перед гласным). Бесповоротными, таким образом, могут быть как адекватнофонемные, или фонетические (*карман*, *здоровье*, *идет*), так и неадекватнофонем-

ные, или нефонетические (*вокзал, сдоба, лестница*) написания. Бесповерочные написания представлены не только в корнях, но и в суффиксах (*-тель: истребитель, слушатель* и т. д.; *-ск-: монашеский, фактический* и т. д. и т. п.), приставках (*пред-: предпослать, предрасположить* и т. д.), окончаниях (*-ов: домов, столов* и т. п. и т. д.); бесповерочным является и написание **е** и **о** в соединительных гласных: *теплоход, путешествие* и т. п. (опорным нельзя считать написание **о** в заимствованных словах типа *термометр, физиоблог, филолог* и под.).

БОЛЬША́Я БУ́КВА — то же, что прописная буква (см. **Прописная и строчная буквы**).

БУ́КВА — графическое средство для обозначения фонем и их сочетаний, основная единица **буквенно-звукового письма** (см.). Понятие буквы как знака буквенно-звукового письма противостоит понятию **иероглифа** как знака словесного (словесно-слогового, иероглифического) письма, который обозначает не звуки, а слова и морфемы, т. е. языковые единицы, обладающие, в отличие от звуков речи, не только планом выражения, но и планом содержания (см. **Тип письма**). Буквы одной письменности составляют ее **алфавит** (см.), где каждая буква имеет свой порядковый номер (ср. *я — 33-я буква русского алфавита*).

Вследствие того что фонемы служат для образования, а соответственно, и различения звуковых оболочек слов, буквы также выполняют различительную функцию. Каждая буква отличается от других букв алфавита характерным для нее начертанием, названием и звуковым значением. Поскольку алфавиты обычно заимствуются, буквы разных письменностей могут совпадать по начертанию (ср. рус. *а, В, с* и англ. *a, B, c*), но принципиально различаются системой звуковых значений (ср. англ. (амер., разг.) *Vac* ‘бакалавр’ /bæk/ и рус. *Vac* /vas/).

В идеале каждая буква должна соответствовать одному звуку речи (фонеме). В этой идеальной ситуации письмо не нуждается в **орфографии** (см.) как системе правил, регулирующих выбор буквы для обозначения на письме звука речи. Однако даже если отвлечься от других разделов орфографии (определяющих написание строчных и прописных букв, слитных и раздельных написаний и т. п.) и ограничиться только проблемой передачи фонем, такое соотношение букв и фонем возможно лишь в тот момент, когда письменность для какого-либо языка изобретается. Некоторые лингвисты полагают, что

это имело место при возникновении первого славянского алфавита — **глаголицы** (см.), созданной Кириллом Философом (см. **Старославянский язык**). Однако обычно письмо заимствуется, что изначально осложняет соотношение букв и звуков (ср. появление в древнейшей кириллице дублетных букв **о** и **ѡ**, взятых из греческого алфавита, где они служили обозначением разных фонем — /o/ краткого и /o:/ долгого, в славянском не различавшихся), которое, кроме того, меняется в ходе дальнейших звуковых изменений. Так, вследствие звуковых изменений коренным образом изменили свое значение буквы **ѣ** и **ѥ**, которые первоначально обозначали особые звуки (так называемые редуцированные гласные), а теперь имеют совершенно иную функцию: буква **ѣ** (мягкий знак) теперь обозначает мягкость предшествующего парного согласного или используется как разделительный знак (наряду с **ѣ**).

В древности для многих народов было характерно представление о символическом значении знаков письма, и в частности букв. У славян уже в IX–X вв. возникло представление о сакральном характере древнейшего славянского алфавита, что обосновывалось в первую очередь тем, что он был создан святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием для перевода богослужебных книг. С сакральностью **глаголицы** (см.) связано и использование креста в качестве начертания ее первой буквы **Ѧ** (а «аз») в виде креста. Крест в начале алфавита, по-видимому, означал молитвенное заклинание *Во имя Отца и Сына и Святого Духа*. Сакральный характер алфавита подчеркивается существованием у славян азбучной молитвы, где первые слова каждого стиха следовали в алфавитном порядке. Взгляд на буквы алфавита как на «культурный код» народа встречается и в более поздние времена. Именно поэтому до сих пор такое сопротивление обычно встречают попытки даже незначительных реформ национального алфавита, графики и орфографии (см. **Реформа орфографии**).

БУКВА Ё — 7-я буква современного русского алфавита. В соответствии со **слоговым принципом графики** (см.) используется, во-первых, для обозначения фонемы /o/ с одновременным указанием на мягкость предшествующего согласного (ср. *лёд* /l'ot/), а во-вторых, для передачи сочетания фонем /jo/ после согласного (*льёт* /l'jot/) (см. также **Буква й**).

Буква **ё** — самая молодая буква русского алфавита — была кодифицирована в начале XIX в. В первоначальных глаголице и кириллице

необходимости в такой букве не было, так как в древних славянских языках отсутствовали сочетания мягких согласных с фонемой /o/, однако нужда в такой букве появилась в русском языке после изменения /e/ в /o/ (*ледъ* /l'edъ/ > /l'ót/). После завершения перехода /e/ в /o/ в основном сохранялось традиционное написание с *е*, однако предпринимались разные более или менее удачные попытки передать этот переход наличными графическими средствами (ср. такие написания, как *лодь*, *льодъ*, *леодъ*, *лиодъ*). В 1735 г. для передачи /o/ после парных мягких согласных был введен диграф *іѳ*, и наряду с традиционным *ледъ* стабилизировалось написание типа *лиѳдъ*, *слиѳзы* и т. п. Еще до официального утверждения буквы *ё* она была введена в типографскую практику Н. М. Карамзиным (1797). Распространенная версия о том, что буква *ё* была утверждена в 1783 г. Академией наук во главе с Е. Р. Дашковой, не только не подтверждается документальными свидетельствами, но и прямо им противоречит.

Согласно изданным в 1956 г. «Правилам русской орфографии и пунктуации» *ё* обязательна для употребления лишь в следующих случаях: 1) когда необходимо предупредить неверное чтение и понимание слова, напр.: *узнаём* в отличие от *узнаем*, *всё* в отличие от *все*; *совершённый* (причастие) в отличие от *совершенный* (прилагательное) и т. д.; 2) когда надо указать произношение малоизвестного слова, напр.: *река Олёкма*; 3) в специальных текстах: букварях, школьных учебниках русского языка, учебниках орфоэпии и т. п., а также в словарях для указания места ударения и правильного произношения. Непоследовательность при использовании этой буквы служит источником множества орфоэпических ошибок, поэтому в новой редакции правил русской орфографии и пунктуации (2006 г.) к формулировкам орфографического свода 1956 г. было добавлено, что рекомендуется употреблять букву *ё* для указания правильного произношения слова — либо редкого, недостаточно хорошо известного, либо имеющего распространенное неправильное произношение, напр.: *сёрфинг*, *флёр*, *щёлочка*, в том числе и для указания правильного ударения, напр.: *побасёнка*, *осуждённый*, *новорождённый*; а также в собственных именах — фамилиях, географических названиях, напр.: *Конёнков*, *Неёлова*, *Катрин Денёв*, *Дежнёв*. При этом по желанию автора или редактора любая книга может быть напечатана последовательно с буквой *ё*.

БУ́КВА Й — 11-я буква современного русского алфавита. Официальное название буквы — «и краткое» — не соответствует, строго

говоря, ее звуковому значению, так как она обозначает согласную фонему /j/.

На письме буква **й** начинает использоваться с XV в. Ее начертание основывается на форме гласной буквы **и**, к которой добавлен особый надстрочный знак — **краткая**, или **кратка**, (см. **Кратка**) — указывающий на неслоговой характер звука, т. е. фактически на то, что это согласный /j/, а не гласный /i/. Благодаря этому знаку буква **й** стала именоваться «и с краткой». В церковных текстах использование **й** становится обязательным с XVII в., однако в **гражданский шрифт** (см.) она проникает лишь четверть века спустя после его создания в процессе Петровской реформы азбуки 1708–1710 гг. Она была введена Академией наук в 1735 г., но до орфографической реформы 1917–1918 гг. (см. **Реформа орфографии**) не включалась в состав алфавита, так как ее рассматривали как вариант буквы **и**.

В соответствии со **слоговым принципом графики** (см.) буква **й** пишется практически только после гласных на конце слова и перед согласными, т. е. фактически обозначает /j/ в конце слога (*бой, бойкий, войско, пойдет* и т. д.). В ограниченном числе заимствований используется в русском письме и перед гласными (*Йошкар-Ола, Нью-Йорк, Йордан Йовков, йод, йот, майор, Йемен, конвейер, секвойя, Майами* и т. д.). В последнем случае использование буквы **й** противоречит слоговому принципу графики (должно было бы быть ****ёт, **маёр, **Нью-Ёрк** и т. п.), однако способствует передаче на письме заимствований в том виде, какой они имеют в языке-источнике (*йот* — от лат. *jot* ‘название 10-й буквы базового латинского алфавита’, *майор* — от лат. *major* ‘старший’, *Нью-Йорк* — от англ. *New York*, *Хэйан* ‘период в истории Японии’ — изображается двумя иероглифами 平 хэй ‘мир’ и 安 ан ‘спокойствие’ и т. д.). Впрочем, эта тенденция не проводится последовательно (ср. японские имена собственные Ёдзи, Тоёда, Ёримити и др.).

БУКВА МЯГКИЙ ЗНАК — **ь**, 30-я буква современного русского алфавита. Нынешнее название сменило старое — «ерь» (см. **Ерь**), которое буква имела в древней глаголице (ѣ) и кириллице (ѣ). Наименование «мягкий знак» буква **ь** получила благодаря своей основной функции — служить обозначением на письме мягкости предшествующего парного согласного (*цѣнь /сѣр’/, дѣнь /дан’/, лѣзь /лѣс’/; ср.: *цѣп /сѣр/, дѣн /дан/, лѣз /лѣс/*). Однако буква **ь** двузначна, так как в соответствии со **слоговым принципом графики** (см.) она используется не*

только для обозначения мягкости согласного, но и (подобно букве **ъ**) в качестве разделительного знака:

- перед буквами **е, ё, и, ю, я** внутри слова, но не после приставок (*портъера, серьёзный, соловьи, вьюга, крестьянин*);
- в некоторых иноязычных словах перед буквой **о** (*почтальон, шампиньон*).

Как разделительный знак **ь** не указывает на мягкость согласного. Так, напр., слово *вьюга* может читаться и как /v'júga/, и как /vjúga/, слово *воробьи* также имеет два произносительных варианта: /varab'jí/ и /varabjí/ и т. д.

После непарных по твердости/мягкости согласных использование **ь** не связано с передачей фонемного состава слов. Так, **ь** после шипящих на конце существительных 3-го склонения (*ночь, мощь, рожь, мышь* и т. п.) не указывает на мягкость согласных. В первых двух примерах (*ночь, мощь*) употребление **ь** с точки зрения слогового принципа графики является избыточным: согласные /č'/ и /š':/ всегда мягкие, поэтому специально отражать их мягкость с помощью буквы **ь** нет необходимости (*ночь* /poč'/ и *мощь* /moš':/, но *ключ* /kl'uč'/ и *плащ* /plaš':/). В третьем и четвертом примерах (*рожь, мышь*) написание **ь** даже противоречит слоговому принципу графики: непарный по твердости/мягкости согласный /š'/, который в соответствии с морфологическим принципом орфографии обозначен в одном случае буквой **ж**, в другом — **ш**), произносится всегда твердо (*рожь* /roš/, *мышь* /myš/, но *нож* /noš/, *камыш* /kamyš/), функцией же **ь** в соответствии со слоговым принципом является указание на мягкость согласного.

В приведенных словоформах **ь** пишется по аналогии со словами 3-го склонения, основа которых оканчивается на парный согласный (*ель, медь, топь* и т. п.; ср. *ел, мёд, топ* и т. п.). Именно они составляют основной массив существительных этого типа склонения. Таким образом, **ь** служит графическим показателем существительных 3-го склонения. Употребление **ь** с данной целью легло в основу принципа морфолого-графических аналогий (см. **Морфолого-графических аналогий принцип орфографии**), в соответствии с которым **ь** после шипящих пишется также у глаголов в неопределенной форме (*течь, стеречь, стричь* — по аналогии с *лежать, красить, быть* и др.), у наречий (*вскачь, настечь* — по аналогии с *вкривь, вдругорядь* и др.) и в формах повелительного наклонения (*режь, плачь, разрушь* — по аналогии с *готовь, забудь, крась* и др.).

Написание мягкого знака после шипящих в личных формах гла-

гола (*даишь, пишешь, смотришь*) и частицах (*лишь, ишь, бишь*) соответствует **традиционному принципу орфографии** (см.).

БУКВА ТВЁРДЫЙ ЗНАК — **ѣ**, 28-я буква современного русско-го алфавита. Нынешнее название сменило старое название **ер** (см.), которое буква имела в древней глаголице (ѣ) и кириллице (ѣ). После орфографической реформы 1917–1918 гг. правила использования буквы **ѣ** изменились: она употребляется только как разделительный знак. По правилам графики (см. **Слоговой принцип графики**) **ѣ** пишется только после согласных и, как правило, перед йотированными гласными **е, ё, ю, я**:

- после исконной (*подъезд, съёмка, предъюбилейный, изъясняться, безъеровый*) или заимствованной приставки (*адъютант, дизъюнкция, инъекция, интеръекция, конъектура, контръярус, объект, субъект, суперъядро, трансъевропейский*);
- в сложных словах, первую часть которых образуют числительные *двух-, трех-, четырех-* (*двухъярусный, трехъядерный, четырехъякорный*);
- в сложных словах после части *пан-* (*панъевропейский*);
- перед йотированными и нейотированными гласными в транскрипции иностранных (прежде всего китайских и японских) собственных имен (*Чанъань* — название китайского города, *Дзюньитирó, Дзюнья* — японские имена, *манъёгана* — ранняя форма японской письменности и т. п.).

Свое название «твердый знак» буква **ѣ** получила по контрасту с названием «мягкий знак» буквы **ь**, однако, в отличие от **ь**, служащего на письме для обозначения мягкости (*конь* /коп'/), **ѣ**, выступая только в разделительной функции, вообще не обозначает твердости согласного (ср.: *подъём* /pad'jóm/ и /padjóm/, но *адъютант* /ad'jutánt/. Однако до орфографической реформы 1917–1918 гг. твердый знак писался на конце слов, указывая на твердость согласного (*конъ* /коп/), что и стало причиной его наименования. После реформы, отменившей написание **ѣ** на конце слов, название «твердый знак» для буквы **ѣ** является условным и используется по традиции. В связи с тем что в разделительной функции — единственной для **ѣ** — буквы **ѣ** и **ь** совпадают, некоторые лингвисты считают букву **ѣ** избыточной и предлагают использовать вместо нее букву **ь**.

БУКВЕННО-ЗВУКОВОЕ ПИСЬМО — один из основных (наряду с пиктографическим и словесным) **типов письма** (см.), при

котором графические средства — буквы (и их сочетания) — предназначены для обозначения фонем, а также их сочетаний, а иногда и признаков. Буквенно-звуковое письмо иногда называют фонетическим, поскольку его знаки в первую очередь ориентированы на обозначение звучания (фонемного состава) слов, а не его значения, как в словесном (словесно-слоговом) письме (см. **Словесное письмо**). В широком смысле к буквенно-звуковому письму можно отнести и буквенно-слоговое письмо, в котором графические знаки обычно обозначают сочетания фонем, входящих в один слог. Буквенно-звуковое письмо хорошо подходит для языков, в которых выделяются фонемы как единицы плана выражения. Буквенно-звуковое письмо предполагает наличие **алфавита** (см.).

Почти все системы буквенно-звукового письма так или иначе восходят к семитскому письму Финикии, Сирии и Палестины, которое, в свою очередь, является продолжением древнеегипетского иероглифического письма. Древнеегипетское письмо было словесно-слоговым, т. е. в нем, наряду с иероглифами, имелись фонетические знаки, которые обозначали слоги. Долгое время считалось, что финикийское письмо XII–X вв. до н. э. было консонантно-звуковым, однако, скорее всего, оно было слоговым. Собственно же звуковое, т. е. вокализованно-звуковое письмо впервые появилось в IX–VIII вв. до н. э. у греков. Они заимствовали финикийский алфавит и добавили к нему буквы, обозначающие гласные, причем первоначально обозначение гласных было факультативным. Классический древнегреческий алфавит из 24 букв сформировался к V в. до н. э. Одним из ответвлений греческого алфавита является латинский алфавит (см. **Латиница**).

Буквенно-звуковым является русское письмо. Его буквы могут обозначать отдельные фонемы (ср. **стон** /ston/), сочетания фонем (ср. **её** /jjo/), признаки фонем, обозначенных предшествующей буквой (ср. **конь** /kon'/), отдельные фонемы с одновременным обозначением признака предшествующей фонемы (ср. **мял** /m'al/). В буквенно-звуковом письме в процессе исторического развития могут появиться буквы, утратившие звуковое значение. Такова в русском письме буква **ъ**, которая выполняет функцию разделительного знака (см. **Буква твердый знак, Ер, Слоговой принцип графики**). Соотношение фонем и букв алфавита в буквенно-звуковом письме определяется правилами **графики** (см.).

БУКВЕННО-СЛОГОВОЕ ПИСЬМО — разновидность буквенно-звукового письма, в которой знаками письма (буквами) обозна-

чаются звуковые единицы языка (звуки речи и их сочетания, т. е. слоги). В буквенно-слоговом письме графический символ, как правило, обозначает слог, т. е. сочетание звуков. Как буквенно-слоговое, так и буквенно-звуковое письмо характерны для языков, где основной фонетической единицей является отдельный звук речи (фонема). Как и буквенно-звуковое, буквенно-слоговое письмо противопоставлено словесному (иероглифическому) письму и предполагает наличие алфавита. Обычно типичным представителем буквенно-слогового письма считается древнеиндийское письмо *деванáгари* (скр. देवनागरी /devanāgarī/), где согласный и следующий за ним гласный обозначаются одной сложной буквой (ср. व = /va/, त = /ta/, क = /ka/; वा = /vā/, ता = /tā/, का = /kā/; वो = /vo/, तो = /to/, को = /ko/; वे = /ve/, ते = /te/, के = /ke/; वि = /vi/, ति = /ti/, कि = /ki/ и т. д.). Для гласных существуют, впрочем, отдельные буквы (ср. अ = /a/, आ = /ā/, ओ = /o/, ए = /e/, इ = /i/ и т. п.). Для обозначения согласного без следующего гласного добавляется подстрочный знак — *вирáма* (ср. क = /ka/, но क् = /k/). Отдельные буквы русского письма могут обозначать сочетания сочетания согласного /j/ с гласным (ср. е /je/, ё /jo/, ю /ju/, я /ja/), однако совпадение таких сочетаний звуков со слогом не является основанием для предположения о наличии в русском письме элементов слогового письма.

БУКВЫ ДВУЗНАЧНЫЕ — буквы русского алфавита, имеющие два основных (главных) значения, определяемых **слоговым принципом графики** (см.). Двuzначными являются гласные буквы **е, ё, и, ю, я**, которые в начале слова и после гласных букв, а также после разделительных знаков **ъ** и **ь** обозначают сочетание /j/ с гласной фонемой (**е** = /je/, **ё** = /jo/, **ю** = /ju/, **я** = /ja/; и = /ji/ только после **ъ** и **ь**), а после букв согласных, обозначающих парные по твердости/мягкости фонемы, указывают на мягкость этих согласных. Соответственно, двузначными являются и буквы **б, в, г, д** и т. д., которые обозначают оба парных по твердости/мягкости согласных (**б** — /b/ и /b'/, **в** — /v/ и /v'/, **г** — /g/ и /g'/, **д** — /d/ и /d'/ и т. д.) в зависимости от следующей буквы (**быт** — **бить**, **вазы** — **вязи** и т. п.). Двuzначной также является буква **ь**, так как она в соответствии со своими главными значениями используется в двух функциях: в качестве разделительного знака (**ружьё** /ružjó/) и для обозначения мягкости согласного (**кон** — **конь**, **полка** — **полька**). Буква **ъ** является однозначной, поскольку употребляется только в одном значении — разделительного знака (см. **Буквы однозначные**).

Хотя некоторые двузначные буквы, напр. **е, ё, и, ю, я**, могут передавать сочетания двух фонем, термин «двузначные» не указывает на эту их особенность и не используется для обозначения букв, передающих бифонемные сочетания.

БУКВЫ ЙОТИРОВАННЫЕ — буквы современного русского алфавита, которые могут обозначать гласные фонемы в сочетании с предшествующим йотом (/j/). Обычно к йотированным (или йотованным) относят буквы **е** (= /je/), **ё** (= /jo/), **ю** (= /ju/), **я** (= /ja/). Обозначение гласного с предшествующим йотом является алфавитным значением йотированных букв (см. **Алфавитное значение буквы**). К ним примыкает также и буква **и**, которая тоже может обозначать сочетание /ji/ (*семь* /s'ím'ji/, *ручь* /ruč'ji/), хотя это не является ее алфавитным звуковым значением, так как не отражается в названии буквы. Соответственно, буквы **э, о, у, а, ы** являются нейотированными. Кроме обозначения предшествующего гласной фонеме йота, буквы **е, ё, ю, я** и примыкающая к ним **и** могут в соответствии со **слоговым принципом графики** (см.) сигнализировать о мягкости предшествующего соответствующему гласному парного согласного (*небо* /n'èba/, *нёс* /n'òs/, *нюх* /n'ux/, *снял* /sn'al/; впрочем, в заимствованных словах **е** не обязательно указывает на мягкость согласного: ср. *постель* /pastel'/, но *пастель* /pastel'/), в связи с чем их называют также смягчающими, а коррелятивные им буквы **э, о, у, а, ы** — несмягчающими.

БУКВЫ ОДНОЗНАЧНЫЕ — буквы русского алфавита, которые, в противоположность двузначным (см. **Буквы двузначные**), имеют только одно основное (главное) значение, определяемое **слоговым принципом графики** (см.). Однозначными являются буквы **а, о, у, ы, э**, основной функцией которых является передача на письме соответственно фонем /a/, /o/, /u/, /y/, /e/. При этом буквы **а, о, у, ы, э** имеют и второстепенные, обусловленные орфографией звуковые значения (см. **Второстепенные значения букв**). Так, буква **о** в соответствии с морфологическим принципом орфографии может обозначать фонему /a/ (*голова* /galavá/), что, впрочем, не делает ее двузначной, если исходить из принятого выше определения. Однозначными являются и буквы **ж, й, ц, ч, ш, щ**, так как они обозначают согласные, не имеющие пар по твердости/мягкости: /š/, /ž/ и /c/ — всегда твердые, а /č/ и /š':/ — всегда мягкие. Буква **ъ** также однозначная, поскольку употребляется только в функции разделительного знака, не указы-

вая на твердость предшествующего согласного (в отличие от мягкого знака — **ь**, являющегося двузначной буквой, так как разделительная функция для него не единственная основная в русской графике).

ВНУТРИСЛОВНЫЕ ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ — неалфавитные знаки, используемые в позиции внутри слова и призванные обозначить его структурное или интонационное членение, обусловленное контекстом.

А. А. Леонтьев, предложивший этот термин в статье 1971 г. «Функциональная классификация русских знаков препинания для целей обучения иностранцев русскому языку», относил к внутрисловным знакам препинания **дефис** (см.) и **многоточие** (см.), «употребляющиеся внутри сложного слова для того, чтобы обозначить его составные части (*юго-запад, вот-вот*), или внутри простого слова, чтобы подчеркнуть его строение (*по-английски*), а также между слогами слова при графическом обозначении медленного произношения (*че-ло-век*) или заминок в речи», а также дефис как знак переноса.

Употребление внутрисловного многоточия регламентировано уже «Правилами русской орфографии и пунктуации» 1956 г., § 186 которых сообщает: «Многоточие ставится для обозначения заминок в речи, в том числе и внутри слова, напр.: ...*Ва... ва... ва... ваши превосходительство, — шептал Попов* (А. К. Толстой)».

Однако для современных художественных и публицистических текстов характерно использование в качестве внутрисловных знаков также **скобок** (см.) и **слеша** (см.) — как средств актуализированного членения, перераспределения границ слова: *на двор(ц)е* (А. Алычук); *не даст ни шанса об/в-ернуться* (Д. Голышко-Вольфсон) — хотя в этом случае более удачным, как кажется, был бы вариант *о(б/в)ернуться*; и т. п.

Так, книга философа и социолога Ренаты Салецл носит название «*(Из)вращения любви и ненависти*» (М., 1999). Подчеркнутая выделительными скобками «остраненность» элемента *из*, который и в языковой системе имеет двойной статус — предлога и приставки — и расположен перед полнозначным словом *вращения*, провоцирует читателя на двоякое прочтение названия. Тот же прием использует критик Д. Бавильский в заглавии «*П(р)оиски литургического звука*». Выделение внутрисловными скобками элемента *(р)* способствует созданию эффекта «черта из табакерки»: под внешней оболочкой слова, как оказывается, скрывается совершенно иное понятие.

В заглавии романа лауреатов премии «Национальный бестселлер» А. Гарроса и А. Евдокимова «[голова]ломка» (СПб.; М., 2003) представлены скобки иной конфигурации, так называемые квадратные, обычно употребляемые в некоторых научных текстах (напр., математических). Очевидно, что квадратные скобки, в отличие от обычных круглых, осуществляют, помимо выделительной, еще какую-то специальную функцию. Можно предположить, что авторам (или же редактору) книги не хватило круглых скобок именно потому, что слово *головаломка* не делится надвое «без остатка»: хотя каждая из его частей и имеет самостоятельное лексическое значение, но элемент *голова* не может восприниматься читающим как отдельное грамматическое целое.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК (?) — знак препинания, который служит для графического оформления вопроса. Начертание вопросительного знака (?) восходит к сокращенному написанию лат. *quaestio* ‘расспрашивание, опрос’, а именно к написанию **q** над **o**.

Чаще всего ставится в конце вопросительного предложения, присоединяясь к его последнему слову без пробела: *Кто же я? Кто? Этот вопрос надо разрешить, ответить на него. Какое мое мирозерцание?* (Ю. Олеша). Также может ставиться после каждого из однородных членов предложения (начинающихся со строчной буквы), если перед перечислением имеется обобщение и стоят знаки двоеточия или тире (*Она спросила, кто он, не француз ли, и стала по его просьбе гадать: бельгиец? датчанин? голландец?* — В. Набоков), или в конце вставной конструкции (*Вскоре после разрыва Мария Лазич трагически погибла: сгорела заживо от случайно — да так ли?.. — оброненной на легкое платье спички.* — Ю. Нагибин). Может выступать в функции заместителя реплики, жестов, мимики собеседника, обозначая удивление, сомнение: — *Вы слышали? Вы слышали? — Не надо оставлять ее одну сегодня ночью.* — ? — *А то она, наверное, застрелится этим самым цианистым кали, который ей принесут во вторник...* (Тэффи). Заключенный в скобки и помещенный внутри предложения вопросительный знак служит для выражения отношения пишущего к излагаемой информации (недоумения, сомнения), чаще всего при цитировании: «... Уже веселые и шумные вином, уже невучие (?) и светлые (!) кругами сидели у стола». Что за странный набор слов! (В. Белинский). При сочетании вопросительного и восклицательного знаков вначале ставится вопросительный (основной знак, указывающий

на цель высказывания), а затем — восклицательный (как показатель эмоциональной окрашенности высказывания): — *Что же стоите-то?! — закричал он еще издали* (В. Шукшин). Удвоение и утроение вопросительного знака противоречит действующим **правилам пунктуации** (см.).

Первым знаком, выступавшим в функции вопросительного, была *подстолия*, которая представляла собой точку сверху и завиток внизу и была похожа на современную точку с запятой (;). В грамматике М. Смотрицкого (1619) этот знак получил новое название — *вопросная*. Современный **церковнославянский язык** (см.) в качестве вопросительного сохраняет знак (;): ср. **маловѣрє, почтò оуцѣмнѣлсѧ єси**; ‘Маловерный! зачем ты усомнился?’ (Мф. 14.31).

Современное начертание и название вопросительного знака кодифицировано в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1755).

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК (!) — знак препинания, указывающий на эмоциональное отношение к высказанному: *Я ищу свободы и покоя! / Я б хотел забыться и заснуть!* (М. Лермонтов). Начертание восклицательного знака (!), видимо, восходит к латинскому междометию *Io!*, выражающему радость (‘ура!’) или горе (‘увы!’), написанному с **i** (i) над **o**. Основная функция знака, который (если он не замещает целую реплику) примыкает к предшествующему слову без пробела, — оформление правой границы восклицательного предложения: *Да здравствуют дневники!* (Ю. Олеша). Также может ставиться после обращения и междометия, стоящих, как правило, в начале предложения: **О сердце бедное мое!** / *Боюсь, ты скоро изнеможешь...* (Н. Некрасов); **Ах!** *И лучших из людей / Часто губит гнев зловерный* (Ф. Тютчев). Факультативна постановка восклицательного знака после каждого из однородных членов (для передачи эмоциональной прерывистости речи): *То было в утро наших лет — / О счастье! о слезы! / О лес! о жизнь! о солнца свет! / О свежий дух березы!* (А. К. Толстой). Стоящий в конце вставной конструкции восклицательный знак является сигналом эмоциональной реакции, авторской оценки: *...Если наши меценаты (**черт их поберу!**) этого не знают, то тем хуже для них* (А. Пушкин). Может замещать целые реплики в диалоге: — *Может быть... она полюбила меня... — ! — Тайна!* (Тэффи). Заключенный в скобки и помещенный внутри предложения восклицательный знак служит для выражения отношения пишущего к излагаемой информации (иронии, возмущения, восхищения и т. п.): *И он в одиночку*

(!) *победил семерых*. Действующие правила пунктуации не допускают удвоения или утроения восклицательных знаков.

В русское письмо восклицательный знак под названием *удивная* введен грамматикой М. Смотрицкого (1619). У М. В. Ломоносова (1795) он называется *удивительным знаком*. Названия «знак восклицания» и «восклицательный знак» появляются только в грамматиках XIX в.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ БУКВ — звуковые (фонемные) значения, определяемые правилами орфографии, прежде всего ее морфологическим принципом (см. **Морфологический принцип орфографии**). Иногда второстепенные значения букв называют *орфографическими*, в отличие от **главных значений букв** (см.), определяемых графикой и поэтому называемых также графическими, и от **алфавитных значений букв** (см.), отраженных в названиях букв алфавита.

Так, алфавитным звуковым значением буквы **я** можно считать бифонемное сочетание /ja/. Главные значения (см. **Главные значения букв**) этой буквы — /a/ (с одновременным обозначением мягкости предшествующего парного по твердости/мягкости согласного) и /ja/ — определяются **слововым принципом графики** (см.). Второстепенные значения **я** определяются действием морфологического принципа орфографии: 1) /i/ (*вяжу* /v'izú/), 2) /ji/ (*якоря* /jikaɾ'á/, *пьянеть* /p'jipn'et'/), 3) /a/ (*моется* /móitsa/, а также в старомосковском произношении *мылся* /mýlsa/). При этом иногда разграничивают **системные** второстепенные значения букв, отражающие регулярные фонологические ограничения в дистрибуции фонем (как п. 1 и п. 2 в приведенных примерах), и **несистемные**, появляющиеся в морфологических позициях (как в п. 3) или даже отдельных словах (напр., звуковое значение /ы/ буквы **а** в слове *жалеть* /žy'let'/ или /š/ у буквы **ч** в словах *что*, *скучно* и некоторых других). Буква **б** имеет два главных значения — /b/ и /b'/ (ср. *груба* /grubá/ — *грубя* /grub'á/) и два второстепенных — /p/ и /p'/ (*гроб* /p/ и *гробь* /p'/), которые являются системными. К последним иногда добавляют еще одно второстепенное значение — несистемное — «нужь звука» (*суббота* /subóta/).

ВЫДЕЛЯЮЩИЕ ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ — пунктуационные знаки, выделяющие разные виды осложнения предложения (обособленные обороты, в том числе уточняющие члены, вводные и вставные конструкции, обращения, междометия), а также придаточные

предложения внутри главного. Такие знаки, как правило, бывают парными: парные запятые, парные тире, скобки, кавычки: *Испанский драматург — невысокий человек в клетчатом костюме — сидел на диване и все время как-то тревожно смеялся* (Г. Газданов); *Как-то мы, пишущие, сидели в Татарском ресторане* (А. Чехов); *В тридцатые годы (время Пушкина) часовня горит* (В. Солоухин); *Эта тоска природы, если взглянуть на нее оком художника /придаточная часть/, в своем роде прекрасна и поэтична* (А. Чехов). Выделяющим знаком являются кавычки, когда, напр., они выделяют слова-названия: *Слово «буйнить», видимо, навело его на мысль буйнить* (Л. Толстой). Знак считается выделяющим и в том случае, если по условиям контекста представлен лишь один из элементов парного знака (напр., если знак закрывает выделяемую конструкцию, стоящую в начале предложения, или открывает конструкцию, стоящую в конце предложения: *Эх, как важно развернулся!* (Н. Гоголь); *Облака кудрявились, как на наивной картинке в детской книжке* (Тэффи). Б. С. Шварцкопф в работе «Современная русская пунктуация: система и ее функционирование» (М., 1988) описал еще один выделяющий знак препинания — парное многоточие, оформляющее вставные конструкции: *Я не стал звонить матери, зная ее... как бы сказать... нервную реакцию на всё* (В. Амлинский).

ВЯЗЬ — особая разновидность декоративного письма, в котором буквы связываются в плавный и непрерывный орнамент. С целью украшения текста широко применялась в византийских (с середины XI в.), а позднее — в южно- (с XIII в.) и восточнославянских (с конца XIV — начала XV в.) средневековых рукописях и старопечатных книгах. Тексты, написанные вязью, представлены также на фресках, иконах, утвари и т. д. Важнейшим техническим приемом вязи была мачтовая **лигатура** (см.), когда в одну смыкались смежные вертикальные линии двух соседних букв: ср. *ши* ← *ши*, *ти* ← *ти*, *пц* ← *пц* и т. п. Из 36 кириллических букв 26 имеют мачтовые лигатуры, а практически в русских памятниках представлено более 450 таких лигатур. Особой виртуозности и сложности вязь достигла в XVI–XVII вв. в Москве, а с конца XVII в. она постепенно сходит на нет, продолжая развиваться только у старообрядцев.

ГЕОМЕТРИЯ ТЕКСТА — одно из **графических средств выразительности** (см.): такой способ расположения текста на плоскости,

который служит более глубокому пониманию заложенного в текст содержания и усилению его воздействия на читателя. Механизмы пространственно-плоскостного варьирования называют также **топографемикой** (см.).

Примером фигурного графического оформления поэтического высказывания может служить стихотворение Г.Р. Державина «Пирамида»:

Зрю
Зарю
Лучами,
Как свечами,
Во мраке блестящу,
В восторг все души приводящу.
Но что? — от солнца ль в ней толь милое блистанье?
Нет! — Пирамида — дел благих воспомянье.

В стихотворении Марины Цветаевой из цикла «Ученик»:

По холмам — круглым и смуглым,
Под лучом — сильным и пыльным,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — рдяным и рваным.

зримый образ создается идеальной «вертикалью тире», разделяющей текст на две противопоставленные друг другу части, в первой из которых выражена идея движения, а во второй — идея трудности пути.

Особенности геометрии текста регулярно эксплуатируются в **палиндроме** (тексте, дающем возможность прочтения как слева направо, так и справа налево): *ДОМ МОД; кит на море романтик* и т. п.

Изменение направления текста, заставляющее зрителя затратить больше усилий на его прочтение и тем самым лучше запомнить, нередко в городских вывесках: напр., в названии магазина «*PLAY-LIFE*» — **БГАУЛГПЕ** — буквы написаны «кверху ногами», в названии ресторана «Седьмой гость...» надпись дана в зеркальном отображении и т. п. Особое графическое расположение частей текста, рекомендованное стандартом, характерно для официально-деловых бумаг: напр., **рубрикация** [от лат. *rubrica* — «заглавие закона, написанное красной краской»], т. е. деление какого-либо произведения на части, разделы, главы, параграфы и т. п., выполненное по определенной системе и отражающее взаимосвязь и соподчиненность таких частей.

Лишенное стилистической задачи нарушение стандартных приемов расположения текста на плоскости может привести к коммуникативному провалу. См., напр.:

ГЕТЕРОГРАММА [от гр. ἕτερος (= *heteros*) ‘иной, другой’ и γράμμα (= *gramma*) ‘рисунок, знак, буква’] — знак (или сочетание знаков), который первоначально служил обозначением слова (или некоторого комплекса близких значений) одного языка, а позднее был заимствован другой письменностью, где продолжает выражать то же значение, но прочитывается как слово заимствующего языка. Напр., латинское *etc.* (сокращение выражения *et cetera*) по-русски будет прочтено как «и так далее», «и тому подобное», «и прочее», а по-английски — *and so on*. Для русского письма гетерограммами являются арабские и римские цифры, знаки типа №, \$, %, & и некоторые другие, которые одновременно представляют собой и **идеограммы** (см.) — вкрапления идеографического письма в буквенно-звуковое (см. **Тип письма**).

ГИПЕРКОРРЕКТНЫЕ НАПИСАНИЯ [англ. *hypercorrection* < гр. ὑπέρ (= *hyper*) — ‘сверх’ + лат. *correctus* — ‘исправленный’] — написания, содержащие орфографическую ошибку, возникшую в результате применения орфографического правила за пределами его компетенции. Такие ошибки иногда называют **гиперическими** и противопоставляют фонетическим, сделанным под влиянием произношения. Так, главным принципом русской орфографии является морфологический, когда выбор буквы для обозначения, напр., парного глухого согласного определяется по так называемой сильной позиции перед гласным или сонантом (ср. пишем *сдавать*, а не **здавать*, потому что

сломать). Но этот принцип не распространяется на все морфемы: в приставках на -з- в русском письме принят фонетический принцип орфографии (пишем *воздать*, *издать*, но *восходить*, *исписать*, хотя проверка возможна — *возложить*, *износить*, *возомнить*, *изорвать*, но она не проводится). Если пишущий распространит морфологический принцип на приставки на -з-, то это может привести к гиперкорректным написаниям типа **возходить*, **изписать*, причем они не будут соответствовать ни произношению, ни принятой орфографии. Гиперкорректными будут и написания типа **трова*, **корман*, где написание **о** вызвано ориентацией на подчиняющиеся морфологическому принципу орфографии продуктивные модели с неадекватно-фонемным обозначением /а/ буквой **о** (*вода* /vadá/ — *воды* /vódy/), хотя в первом случае возможна проверка (*травá* — *травы*). В основе гиперкоррекции лежит механизм аналогии с продуктивными моделями. В широком смысле гиперкоррекция вызвана неуверенностью носителя языка и характерна не только для письменной, но и для устной речи, затрагивая все уровни языковой системы: ср. гиперкорректные просторечные формы в произношении *пл/а/чú* — *пл/ó/тишь* (по модели *х/а/жу* — *х/ó/дишь*), *гардеро/р/* — *гардеро/р/а* (по модели *телескоп* — *телескопа*), которые тоже могут быть отражены на письме (*плотишь*, *гардеропа*).

ГЛАВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ БУКВ — звуковые (фонемные) значения, определяемые правилами **графики** (см.), прежде всего **слововым принципом графики** (см.). Иногда главные значения букв называют **графическими**.

Буквы **а, о, у, ы, э** имеют по одному главному значению, соответственно /а/, /о/, /у/, /ы/, /э/ (с одновременным указанием на твердость предшествующих согласных согласных). Буквы **е, ё, и, ю, я** имеют по два главных значения: 1) в начале слова и после гласных, а также после разделительных знаков **ъ** и **ь** они обозначают гласные фонемы в сочетании с предшествующим йотом (**е** /je/, **ё** /jo/, **и** /ji/, **ю** /ju/, **я** /ja/); 2) после согласных букв они обозначают соответствующую гласную фонему (**е** /e/, **ё** /o/, **и** /i/, **ю** /u/, **я** /a/) с одновременным указанием на мягкость предшествующего парного по твердости/мягкости согласного. Кроме главных, многие гласные буквы имеют и второстепенные звуковые значения. Так, у буквы **я** есть по крайней мере три второстепенных значения: /ji/ (*язык* /jizýk/), /i/ (*пятак* /p'itak/) и /a/ (*мыться* /mýtca/).

Каждая из букв, обозначающих парные по твердости/мягкости согласные, имеет два главных значения. Так, **н** обозначает /n/, если за ней следует нейотированная гласная буква или пробел, и /nʲ/, если после **н** пишется йотированная гласная буква или **ь** (*нос — нёс, банка — банька*). У буквы **с** тоже два главных значения — /s/ и /sʲ/ (*вес, веса, весомый — весь, вся, все*). Кроме того, буква **с** имеет и ряд второстепенных значений — /z/ (*сдал /z/*), /zʲ/ (*косьба /kazʲba/*), /š/ (*с шумом /š šumam/*), /ž/ (*сжечь /žžečʲ/*), которые возникают в результате применения правил орфографии.

ГЛАГО́ЛИЦА [от ст.-сл. и ц.-сл. глаголь ‘слово, речь’] — наряду с **кириллицей** (см.) одна из двух древнейших славянских азбук, используемых в канонических старославянских памятниках. Глаголица по количеству букв, их порядку в алфавите и звуковому значению в основном совпадает с кириллицей, но резко отличается по начертаниям букв (ср. соответственно глаголические и кириллические буквы: **⚭** — **а**, **⚮** — **б**, **⚮** — **в**, **⚮** — **г** и т. д.).

Большинство глаголических букв возводят к греческому курсивному (скорописному) письму, источником для некоторых, видимо, послужили буквы других алфавитов. В начертании отдельных букв использованы христианские символы: первая буква глаголицы *азъ* представляет собой крест — **⚭**, а символы троицы — треугольники **△** и **▽** — и символ бесконечности божества — круг (○) — служат основой для создания букв *иже ѿ* и *слово ѿ* «слово», используемых при сокращенной передаче (под титлом) имени *Иисус* (гр. Ἰησοῦς (= *iisus*)): гр. ΙΣ = глаголическое **ѿѿ** (кириллическое **іѿ**), что дает основания считать глаголический алфавит результатом индивидуального творчества и связывать его появление с деятельностью Кирилла (Константина Философа), а также косвенно свидетельствует, наряду с другими доказательствами, в пользу бóльшей древности глаголицы по сравнению с кириллицей. Состав букв глаголицы последовательно отражает фонологическую систему родного для Кирилла и Мефодия болгаро-македонского говора г. Солу́ня (совр. Салоники). Видимо, глаголица была создана св. Кириллом еще в Византии, т. е. до поездки Кирилла и Мефодия в Моравию и Паннонию. После запрета в Моравии и Паннонии богослужения на славянском языке, в обстановке гонений на славянскую письменность глаголица, возможно, служила в качестве тайнописи. Позднее глаголица проникла в Болгарию и на другие славянские территории, однако затем была почти везде

заменена **кириллицей** (см.) или **латиницей** (см.), за исключением Хорватии, где в богослужении продолжала использоваться до конца XVIII в., а глаголическая письменная традиция была столь сильна, что уже в конце XIX в. папа Лев XIII вновь позволил печатать глаголические богослужебные книги. В Древней Руси глаголица использовалась очень редко.

Состав букв первоначальной глаголицы является предметом дискуссий. В целом можно принять сообщение древнеболгарского писателя черноризца Храбра, который в конце IX в. писал, что св. Кирилл изобрел 38 букв. Это же количество букв находим в латинской рукописи XI в. — кириллическо-глаголическом Мюнхенском алфавитари. Однако многие ученые полагают, что сначала в глаголице было 36 букв.

Существует мнение, что кириллицей («куриловицей») сначала называли именно глаголицу. Современное название «глаголица» сравнительно позднего происхождения, оно, видимо, появилось в Хорватии в XVI в. (ср. хорв. *glagoljaši* ‘католический священник, использующий глаголические книги во время богослужения’).

ГЛАСНЫЕ БУКВЫ — буквы современного русского алфавита, предназначенные для обозначения гласных фонем или их сочетаний с предшествующим йотом. В фонетической системе русского языка 6 гласных фонем — /i/, /ы/, /u/, /e/, /o/, /a/, однако для их передачи на письме в алфавите имеется 10 гласных букв **и, ы, у, ю, е, э, ё, о, а**. Соответственно, гласных букв в русском языке значительно больше, чем гласных фонем. Это несоответствие регулируется **слововым принципом графики** (см.). В зависимости от графической позиции каждая из йотированных букв **е, ё, и, ю, я** (см. **Буквы йотированные**) имеет по два значения: 1) после других гласных букв или в начале слова (в этих двух позициях за исключением **и**), а также после разделительных знаков **ъ** и **ь** они обозначают соответствующие гласные фонемы в сочетании с предшествующим йотом (*ѣж* /joʂ/, *ѣжа* /jǰá/, *сѣмка* /sʲómka/, *вѣт* /vʲot/); 2) после согласных букв они обозначают соответствующие гласные фонемы с одновременным указанием на мягкость этих предшествующих согласных, если последние являются парными по твердости/мягкости (*сѣмга* /sʲómga/, *вѣл* /vʲol/, *велá* /vʲilá/).

ГЛИФ [фр. *glyphe* ‘вырезанная черта’ < гр. γλυφή (= *glyphē*) ‘резьба’] — 1. Конкретное графическое представление (начертание) **бук-**

вы (графемы) (см.), **логограммы** (см.) или **идеограммы** (см.); разные глифы одной графемы являются ее **аллографами** (см.). 2. Отдельная часть логограммы (идеограммы) в **словесном письме** (см.; см. также **Иероглифическое письмо (иероглифика)**) или буквы в буквенно-звуковом письме: напр., *gáček* (из чеш. *háček* ‘крючок’) ˇ в чешских буквах **ě, č, ř** и др.; *ogónek* (из пол. *ogonek* ‘хвостик’) ˘ в польских и литовских буквах **ą, ę**, а также в литовских **į, ū**, точка в литовской букве **ė** (см. также **Граф**).

ГРÁВИС [от лат. *gravis* ‘тяжелый’] — диакритический знак (см. **Диакритические знаки**) в виде прямой черты над гласной буквой, левый конец которой выше правого (`). Противопоставлен **акуту** (^) и выполняет разные функции в разных системах письма. Напр., во французском буква **è** (с грависом) обозначает открытое /ɛ/, в отличие от **é** (с акутом), которое обозначает закрытое /e/ (ср. фр. *péramèle* [peramɛl] ‘сумчатый барсук’), а иногда используется для разграничения омонимов (ср. фр. *où* ‘где’ — *ou* ‘или’, *là* ‘там’ — *la* (артикль)). В русском письме гравис указывает на место побочного (второстепенного) ударения (см. **Побочное ударение**) словоформы в отличие от основного, обозначаемого акутом (*кля́твопреступле́ние, до́лозёмный, ви́це-прези́дент, ми́крокалькю́лятор*). Используется, как правило, в словарях и учебной литературе.

Гравис как символ побочного ударения по своей форме восходит (через церковнославянское посредство) к *варіи* (гр. *βαρία* (= *baria*), от *βαρύς* ‘тяжелый’) — греческому диакритическому знаку (`), который обозначал особый тип древнегреческого музыкального ударения, характеризовавшегося отсутствием повышения тона, и противопоставлялся *оксіи* (гр. *ὀξία* (= *oxia*), от *ὀξύς* ‘острый’) — знаку (^), обозначающему восходящее ударение.

ГРАЖДАНСКИЙ ШРИФТ — типографский шрифт для печати светских изданий, введенный в 1708 г. указом Петра I в рамках так называемой Петровской реформы азбуки 1708–1710 гг. одновременно с изменением состава букв кириллицы; его также называют **гражданской азбукой (гражданицей, гражданкой)**. Гражданский шрифт не был новой системой письма, но представлял собой главным образом изменение стиля начертаний кириллических букв, которые использовались раньше и продолжали использоваться позднее при печати церковных книг. Моделью для новых начертаний послужили, с одной

стороны, образцы рукописного гражданского письма конца XVII — начала XVIII в., а с другой — рисунок латинского типографского наборного шрифта антиква. В гражданском шрифте впервые устанавливалось различие строчных и прописных начертаний кириллических букв, исключались знаки ударения и титла (знаки сокращений, характерные для печатных текстов на церковнославянском языке), а также вводились арабские цифры вместо буквенных обозначений (см. **Цифирь**). Гражданский шрифт, созданный в эпоху Петровских реформ, в отношении начертаний букв сохраняется и в современном русском письме. Кроме того, русский гражданский шрифт был заимствован другими славянскими литературными языками, использующими разновидности кириллического алфавита, — болгарским, сербским, македонским, не говоря уже о белорусском и украинском языках.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ — см. **Морфолого-графических аналогий принцип орфографии.**

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ПУНКТУАЦИИ — принцип, согласно которому знаки препинания являются показателями структурного членения письменной речи. Знаки препинания, поставленные на основе грамматического принципа, делят предложения на грамматически значимые отрезки вне зависимости от конкретного лексического наполнения этих отрезков и вне связи с фонетическим фразы на синтагмы. К грамматическим знакам препинания относятся:

- Знаки конца предложения: *Шла весна. Сильнее пригревало солнце* (М. Шолохов). **Точка** (см.) на конце предложения ограничивает его от следующего за ним предложения.
- Знаки, разделяющие главные члены простого предложения: *Одиночество в творчестве — тяжелая штука* (А. Чехов). **Тире** (см.) отделяет группу подлежащего от группы сказуемого.
- Знаки, разделяющие части сложного предложения: *Пришла наконец весна, и отца моего отдали под суд* (А. Гайдар); *Далее вспоминал он о том, что произошло после описанного вечера* (А. Чехов). В первом предложении **запятая** (см.) разделяет части сложносочиненного предложения, во втором — отделяет

главную часть сложноподчиненного предложения от придаточной.

- Знаки, которые выделяют в составе простого предложения разнообразные конструкции (вводные и вставные конструкции, обращения, междометия), не связанные с ним грамматически: *У Брунсвика (или как его там?) не было отбоя от покупателей и заказчиков.* (В. Катаев) — **скобками** (см.) выделяется вставная конструкция; *Должно быть, и подводчикам было жутко.* (А. Чехов) — **запятой** (см.) выделяется вводное слово; — *Дед, гроза будет? — спросил Егорушка.* (А. Чехов) — запятой выделяется обращение.
- Знаки, отделяющие однородные члены предложения: *От неподвижного речного зноя, от пыли, от вялого, но непрерывного шума медленной погрузки Петю клонило ко сну* (В. Катаев).
- Знаки, выделяющие приложения или определения, выраженные причастным оборотом или прилагательным с зависимыми словами, если они стоят после определяемого слова или оторваны от него другими словами, напр.: *У лодочной станции он поднялся на ступеньки беседки, обвитой плющом* (Д. Гранин) — запятой выделяется причастный оборот после определяемого слова.

Грамматический принцип является основным принципом русской пунктуации, а знаки препинания, в основе постановки которых лежит грамматический принцип, являются обязательными и употребляются в текстах любой стилевой принадлежности. Грамматические знаки препинания помогают читающему соотнести значимые части текста друг с другом и тем самым облегчают ему понимание общего смысла текста.

ГРАММАТОЛОГИЯ [от гр. γράμμα (= *gramma*), род. ед. γράμματος ‘рисунок, буква’, γράμμαта (= *grammata*) им. мн. ‘чтение и письмо’ и λόγος (= *logos*) ‘учение’] — наука, изучающая теорию письма и историю письменностей в широком смысле, преимущественно в лингвистическом отношении.

ГРАММЕМАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ — см. **Морфолого-графических аналогий принцип орфографии.**

ГРАФ [от гр. γράφω (= *graphō*)] — элемент буквенного символа, служащий дифференциальным признаком начертания **графемы** (см.). Так, кириллические буквы **г** и **п** отличаются друг от друга наличием/отсутствием одного графа — вертикальной параллельной черты, **и** и **й** — наличием/отсутствием диакритического знака и т. п.

ГРАФЕМА [от гр. γράφω (= *graphō*) ‘пишу’ + «эмический» суффикс; образовано по аналогии с терминами «фонема», «морфема»] — минимальная различительная единица письма; в **буквенно-звуковом письме** (см.) единица алфавита — **буква** (см.), предназначенная для обозначения **фонем** (см.) языка, использующего это письмо; в **словесном письме** (см. **Словесное письмо**) — **логограмма** (см. также **Идеограмма**), которая служит главным образом для обозначения лексем.

В буквенно-звуковом письме графема как абстрактная единица алфавита может выступать в нескольких вариантах (см. **Аллограф**), не затрагивающих звукового (фонемного) значения графемы в каждом конкретном слове, но обусловленных позиционно — принятыми орфографическими правилами (см. **Правила орфографии**) или стилем начертания (см. **Начертания букв**). Так, графема **а** может выступать в строчном (**а**) и прописном (**А**), печатном (**А**, **а**) и рукописном (**А**, **а**), обычном (**А**, **а**) и полужирном (**А**, **а**) и прочих вариантах. Изображая на письме какую-либо графему, мы пишем лишь один из ее аллографов. В соответствии с правилами орфографии варианты графемы могут использоваться для передачи семантических и грамматических (ср. *орел* и *Орел*; *газ* и *ГАЗ*, *родина* и *Родина*; *Гроза началась* и *Началась гроза*), но не фонологических различий (ср. /ar'ol/, /gas/, /rod'ina/, /graza/, /nač'ilas'/). По правилам орфографии одна графема может обозначать разные фонемы (напр., **о** в словоформе *родина* обозначает /o/, **а** в *гроза* — /a/, первое и третье **а** в словоформе *началась* обозначают фонему /a/, а второе — /i/).

Понятие графемы в современной лингвистике не отличается определенностью. Так, некоторые лингвисты предлагают использовать термин «графема» для обозначения таких начертаний, которые хотя бы для пары словоформ являются в данном письме единственным средством противопоставления функционально важных различий. Напр., строчные и прописные варианты одной буквы (**а** и **А**) в русском письме предлагается признать не аллографами одной графемы **а**, а разными графемами одной буквы **а/А**. Соответственно, несущественные в функциональном отношении типовые различия

в начертании графем (напр., печатные и рукописные) признаются аллографами строчных и прописных графем (напр., а и **а**, **А** и **А**). При таком подходе диакритические знаки (см. **Диакритика**), знаки препинания (см. **Знак препинания**) и пробелы между словами (см. **Пробел**) также могут быть признаны самостоятельными графемами.

Поскольку одна буква может по правилам русской орфографии обозначать разные фонемы (ср. *дом* — *домá*), а одна фонема может обозначаться двумя или более буквами (*вода* /vada/ — *трава* /trava/, *писать* /p'ísát'/ — *лежать* /l'ízát'/ — *вязать* /v'ízát'/), некоторые лингвисты предлагают считать графемой минимальную единицу графики, представляющую собой класс букв, служащих в определенных позициях для обозначения одной фонемы. Так, в русском письме для передачи фонемы /a/ в безударной позиции после твердых согласных используется графема **а/о**, а для фонемы /i/ в безударной позиции после мягких — графема **и/е/а**. Соответственно, буквы **а** и **о**, представляющие в определенной позиции графему **а/о**, будут ее аллографами, а буквы **и**, **е**, **а** — аллографами графемы **и/е/а**. В качестве аллографа может выступать и сочетание букв — **диграф** (напр., *банька*, *сталь*). Графема оказывается при таком подходе двусторонней единицей, планом содержания которой является обозначаемая ею фонема.

ГРА́ФИКА [гр. γραφική (= *graphika*), от γράφω (= *graphō*) 'пишу, рисую'] — 1. Аспект письма (наряду с типом письма, алфавитом и орфографией), определяющий отношения между знаками письма и языковыми единицами, которые обозначаются этими знаками (для фонемных языков, пользующихся буквенно-звуковым письмом, — между буквами алфавита и системой фонем). 2. Совокупность знаков письма (графических средств), с помощью которых передается устная речь. 3. Раздел лингвистики, изучающий графические средства и их соотношение с языковыми единицами. Если в ведении **орфографии** (см.) находятся принципы и правила написания букв в конкретных морфемах и словоформах, то графика как аспект письма устанавливает связь алфавита с системой фонем, т. е. определяет принципы и правила обозначения фонем и их сочетаний буквами вне связи с конкретными морфемами и словоформами.

Знаки письма, служащие для передачи речи, делятся на два ряда: буквенные и небуквенные (см. **Неалфавитные знаки**). Графика как аспект письма, ведающий обозначением фонем, занимается в основном буквенными средствами конкретного письма. Соотношение

между буквой и обозначаемой ею фонемой называется звуковым значением буквы. Чем более однозначным является соответствие между буквами и фонемами в конкретном языке, тем совершеннее его графическая система, т. е. графика в первом из приведенных выше значений. Идеальных графических систем, в которых каждая буква соответствовала бы отдельной фонеме, не существует. Даже если в момент создания новой письменности такая идеальная система появляется (как это, возможно, имело место при создании св. Кириллом первого славянского алфавита — **глаголицы** (см.)), через некоторое время в результате звуковых изменений первоначальные отношения между буквами и фонемами нарушаются, так как письмо в силу присущего ему по природе консерватизма никогда не поспевает за языковыми изменениями. Появление и исчезновение тех или иных фонем, совпадение фонем друг с другом в тех или иных позициях приводит к тому, что время от времени в обществе возникает необходимость реформирования алфавита, графики и орфографии.

В плане соотношения букв и фонем русское письмо — одно из самых удобных и дружелюбных по отношению к носителю языка, несмотря на то что количество букв русского алфавита (33 буквы, из них 10 гласных и 21 согласная, 2 буквы — **ъ** и **ь** — не обозначают фонем) совсем не совпадает с количеством фонем (42 фонемы, из них 6 гласных и 36 согласных) русского языка. Однако для удобства буквенно-звукового письма необязательна однозначность соотношения букв и фонем, т. е. максимальная приближенность письма к фонологической транскрипции. Важно, чтобы на письме однозначно передавались все фонологические различия. Сама по себе русская графика стопроцентно обеспечивает такие возможности, но эти возможности ограничиваются консервативностью русской орфографии (см. **Морфологический принцип орфографии, Фонетический принцип орфографии**). Избыток гласных букв (10) по сравнению с количеством гласных фонем (6) и, наоборот, недостаток согласных букв (21) по сравнению с составом согласных фонем (36), который проявляется в том, что в алфавите нет специальных букв для обозначения парных мягких согласных, регулируется графической системой, а именно так называемым слоговым принципом русской графики, когда для обозначения твердых и мягких парных согласных используется одна согласная буква, а мягкость согласного обозначается при помощи следующей йотированной гласной буквы **я, е, ё, ю, и/или** мягкого знака **ь** (см. **Слоговой принцип графики**). В результате применения слогово-

го принципа русской графики все фонологические противопоставления могут быть переданы при помощи наличных букв русского алфавита, что теоретически позволяет русскому письму обойтись «без орфографии», используя только правила графики (ср. *вода* → **вада*, *вод* → **вот*, *без пяти* → **бис пяти*, *его* → **йиво*, *уж восемь часов* → **уш восемь часоф* и т. п.). Для того чтобы ввести такое письмо, нужно провести реформу орфографии (собственно, ликвидировать ее в части обозначения фонем), оставив в силе действующие правила графики.

ГРАФИЧЕСКАЯ ОШИБКА — ненормативное написание, противоречащее **слоговому принципу графики** (см.) и официально признанным отклонениям от него (см. **Нарушения слогового принципа графики**, **Ограничения слогового принципа графики**). Напр., такое написание, как **льук* вместо *люк* нарушает правило графики, согласно которому мягкость парной согласной фонемы (в данном случае /л'/) перед гласной (в данном случае /у/) обозначается соответствующей йотированной гласной буквой (**ю**). Написания **дайт* вместо *дают* или **бйут*, **бьйут* вместо *бьют* также содержат графические ошибки, так как сочетание /ju/ по правилам графики следует обозначать буквой **ю**. Графические ошибки имеет смысл отграничивать от орфографических, нарушающих правила, устанавливаемые орфографией (см. **Орфографическая ошибка**, **Орфограмма**). Так, написание **ѣ** вместо **ь** в слове *бьют* (ср. **бьют*) будет орфографической ошибкой, так как выбор между **ѣ** и **ь** в качестве разделительных знаков определяется орфографией, которая устанавливает правила конкретных морфем и слов. Впрочем, граница между графическими и орфографическими ошибками не всегда очевидна, поскольку в некоторых случаях написания, нарушающие слоговой принцип графики, являются нормативными: ср. написания в заимствованных словах типа *йод*, *Майами*, *фойе*, *бульон* и т. п. вместо соответствующих слоговому принципу **ѣд*, **Маями*, **фое*, **бульѣн* и т. п. Написание типа *йод*, разумеется, нельзя считать графической ошибкой, хотя оно нарушает основной принцип русской графики, а написание типа **ѣд* следует рассматривать как ошибку (несмотря на его соответствие слоговому принципу графики), но ошибку орфографическую, так как оно не соответствует регламентированному орфографией написанию конкретного слова.

ГРАФИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА — раздел лингвистики, изучающий приемы построения письменного текста, используемые для

акцентуаций смысла и тем самым служащие более глубокому пониманию заложенного в текст содержания и усилению его воздействия на читателя (см. **Графические средства выразительности**).

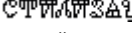
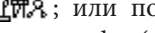

Термин предложен в 1969 г. Л. Г. Ведениной, однако распространение получил лишь в начале XX столетия, после выхода монографии «Графическая стилистика японского языка» (1999) Е. В. Маевского, предложившего выделять в составе этой научной дисциплины орфографическую стилистику (объектом изучения которой являются орфографические тропы (см. **Орфографический троп, Экспрессивная орфография**), а также «пунктуация, шрифтовые выделения (курсив, разрядка и т. п.), расстановка абзацев и другие способы организации письменного текста») и каллиграфическую стилистику (изучающую такие выразительные средства, как шрифт и почерк, которые можно «объединить в понятии графического стиля»).

Проблематика графостилистических штудий, впрочем, восходит к гораздо более давним временам, поскольку описания отдельных средств графической выразительности содержатся уже в ранних грамматических руководствах. Так, в «Грамматике Пор-Рояля» (1660) отмечено: «Для записи текстов в одном и том же языке зачастую применяются различные виды письма, такие как антиква и курсив в печати на латыни и на многих новых языках. Подобные разновидности письма могут использоваться и в смысловом плане, различая слова и целые отрывки текстов». Однако формирование графической стилистики как отдельной лингвистической дисциплины не случайно связано с эпохой рубежа XX–XXI вв., поскольку существенные отличия современной графической системы связаны с расширением способов выражения эмоциональности в языке, значительным усилением визуальности письменного текста. Новое отношение к визуальному облику текста становится сегодня одной из наиболее актуальных областей исследования во многих гуманитарных науках: лингвистике, философии, социологии, культурологии, искусствознании и т. п. Речь идет уже о формировании особой академической междисциплинарной области исследований с условным названием *visual studies* (*visual culture studies* ‘исследования визуальной культуры’) и вполне сложившейся методологической спецификой и собственным инструментарием.

ГРАФИЧЕСКИЕ ДУБЛЕТЫ (см. Дублетные буквы)

ГРАФИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ БУКВ (см. Главные значения букв)

ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ — приемы построения письменного текста, используемые для акцентуаций смысла и тем самым служащие более глубокому пониманию заложенного в текст содержания и усилению его воздействия на читателя. Как буквенные, так и небуквенные графические знаки способны быть не только послушной формой отражения устной речи на письме, но и вносить в текст дополнительные смыслы. Роль графических средств выразительности состоит в том, чтобы теснее связать внешнюю форму текста и его содержание и тем самым придать такому синтезу внешнего и внутреннего максимальную воздействующую силу. Приемами графической выразительности может служить:

- **геометрия текста** (см.), т. е. расположение его на плоскости;
- **шрифтовые выделения: каллиграфемы** (см.): полужирный шрифт, курсив, подчеркивание, шрифт другой гарнитуры (напр., можно выделить слово в тексте шрифтом, стилизованным под глаголический алфавит (см. **Глаголица**): ; или под арабский: ; или под китайские иероглифы (см. **Иероглиф**):); изменение интервала между буквами в слове (разрядка или сжатие); цветное окрашивание;
- использование прописных и строчных букв в не регламентированной орфографическими нормами позиции: набор целиком прописными буквами какого-либо слова для его интонационного выделения (*И тогда вам придется иметь дело с ИДИОТОМ. Все буквы большие.* — О. Негин) или смыслового акцентирования (*Когда люди все время вместе, они становятся ОДНО.* — В. Токарева); варьирование прописных и строчных букв как средство повышения/понижения стиля или указания на высокий/низкий статус называемого объекта («*Эта репродукция подарена мне Ею!*». Очевидно, что в это «Ею» он вкладывает некий высший смысл. — О. Негин); **социализм с маленькой буквы** — только социально-политическая программа, но есть и **Социализм с буквы заглавной**: он является «религиозной идеей, новой верой и новым знанием, идущим на смену знанию и старой вере христианства» (В. Ходасевич); по Приказу Генерального Директора Концерна (из

- делового документа); — *Добрый день, это щелкунов*, — представлялся я с *маленькой буквы* (А. Щербаков); выделение при помощи прописных букв наиболее значимых элементов (*ку-ПИКквартиру в агентстве «ПИК»; Сигареты «Максим». Все по МАКСИМуму!* — ср. *Сигареты «Максим». Все по уму!*);
- включение в графический облик слова элементов иных знаковых систем: небуквенных символов (*100-ю на острове +совском / Совсем 1... Но торо+ь. / Гу100ю ночью авгу100вской / Упьюсь — и в листьях уто+ь* (А. Кондратов); букв латинского алфавита (*Человек* — это существо любящее и призванное к любви. Иногда чужой язык помогает увидеть то, о чем умалчивает свой. В сердцевине русского слова... читается английское «love» — любовь. Об этом заповеди: возлюбите Бога всем сердцем и возлюбите ближнего как себя. Слово «человек» не только о человеческой любви, но еще и о любви языков, о любви латиницы и кириллицы, поскольку здесь наглядно представлена графика их сплетения (М. Эпштейн); букв до-реформенного русского алфавита (*магазин «Съмена», афиша фильма «Сибирский цирюльник»* и т. п.; символов, имеющих сходное с буквами изображение, но нагруженных семантикой не буквенно-звукового, а иероглифического по своей природе знака (*Ното S@piens» «Мя\$о*);
 - варьирование пробела/дефиса/контакта: *Иклейкакрепцементасвязала части жестокой любви* (В. Кривулин); *графский-то титул и делал из Толстого великого-писателя-земли-русской* (В. Набоков);
 - употребление знаков препинания в новых, неcodифицированных функциях: *Ночь-чи? Сон-ы. Прох?ладыда / Здесь в аллеях заглохше?-го сад-ы* (И. Сельвинский); *об/в-ернуться; (Из)вращения любви и ненависти; Да!порт; GOOD'OK; А. Чехов / Б. Акунин;*
 - использование орфографических тропов, или приемов **экспрессивной орфографии** (см.), **графон** (см.).

ГРАФОН — один из приемов графической выразительности (см. **Графические средства выразительности, Орфографический троп**), стилистически значимое нарушение норм правописания, напр.: *Некоторые думают, / Что плаво и рево / Нервзя пелепутать. / Стланное забруждение!* (Э. Яндль; пер. Ю. Моисеенко). Некоторые исследовате-

ли расширяют это понятие, включая в него также и отступления от графического стандарта (т. е. всю совокупность средств графической выразительности); другие же, напротив, понимают под графоном лишь такое нарушение правописных норм, которое отражает произносительные особенности говорящего (индивидуальные, диалектные и т. п.): *Ваш шпрашивал какой-то штарик* (Д. Хармс); *«Ровным счотом — ничего!»*. Букву «ч» она произнесла жестко. Дальше шло круглое, несмягченное «о». И от этого «ровным счотом» выглядело убедительно и категорично (В. Токарева). Также см. **Авторская орфография**.

ГРАФФІТИ (обычно мн., нескл.), **ГРАФФІТО** (ед., нескл.) [неправ. *граффити*; от ит. *graffito* (ед.) ‘нацарапанный’ — *graffiti* (мн.)] — 1. Древняя надпись, главным образом бытового или магического характера, рисунок, нанесенный (процарапанный) на предметах, которые в основном не создавались специально для нанесения на них графических знаков или рисунков, напр. на стенах зданий, сосудах и других твердых предметах; применительно к древнерусской письменности к граффити относят прежде всего надписи на стенах соборов (в том числе молитвенные, деловые, бытовые и другого содержания, но в основном надписи-автографы, констатирующие сам факт написания надписи: ср. *стефанъ пьсалъ страстнѣи недѣлѣ въ понедѣльникѣ* ‘Стефан написал на Страстной неделе в понедельник’), древнейшие из которых датируются серединой XI в. 2. Современный рисунок или надпись на монолитной стене здания или на какой-либо иной поверхности, выполненные углем, мелом или краской с помощью спреевого баллончика.

ДВОЕТО́ЧИЕ (:) — одиночный разделительный знак препинания в виде двух точек, расположенных одна под другой, который используется: 1) для разделения обобщающего слова и ряда однородных членов в простом предложении: *Живя, умеи все пережить: Печаль, и радость, и тревогу* (Ф. Тютчев); 2) для разграничения частей бессоюзного сложного предложения: *Счастлив я, когда ты голубые Очи поднимаешь на меня: Светят в них надежды молодые — Небеса безоблачного дня* (И. Бунин); 3) для отделения слов автора от следующей за ними прямой речи: *А он сидел, молчал и даже не сказал мне: «Не плачь-те»* (А. Чехов). При постановке между частями сложного бессоюзного предложения двоеточие выполняет не только грамматическую (разделительную) функцию, но и функцию смысловую, указывая на

смысловое соотношение частей, напр. на то, что вторая часть предложения поясняет первую (*Об этом я не берусь судить: <= потому что> я там не был.* — Ф. Достоевский) или мотивирует утверждение в первой, являясь иллюстрацией-доказательством (*Темен жребий русского поэта: Неисповедимый рок ведет Пушкина под дуло пистолета, Достоевского на эшафот.* — М. Волошин).

В грамматике Л. Зизания (1596) **двосроchie** (:), как и сродка (.) выполняли функцию, приблизительно сходную с функциями современной точки с запятой. У М. Смотрицкого (1619) этот знак препинания назывался **двоточие**. В грамматике М. В. Ломоносова (1755) функция двоеточия (в ломоносовской терминологии — **две точки**) в целом приближается к современной («Две точки примеры, причины и речи вносные наперед указывают»). Современное название — «двоеточие» — начиная с грамматики А. А. Барсова (1783–1788).

ДЕФИС [нем. *Divis* 'дефис' < лат. *divisio* 'разделение'] (-) — неалфавитный знак (см. **Неалфавитные знаки**) в виде короткой горизонтальной черты, выступающий в качестве соединительного шва между двумя словами, частями слова или графического сокращения, а также знака переноса.

Дефисные написания слов появились лишь в XVIII в. — в случаях, когда было трудно установить границу слов и потому безоговорочно принять один из двух способов написания (слитно или раздельно). Термин «дефис» пришел в русскую науку значительно позднее: до 30-х гг. XX в. в лингвистических работах этот знак называли «чёрточкой», а слово «дефис», хотя и вошло в русский язык во второй половине XIX в., но употреблялось исключительно как типографский термин.

Может играть роль как орфографического, так и пунктуационного знака. Как орфографический знак он выступает между частями сложного слова (*русско-японский, жар-птица, S-образный, 25-процентный*); между словом и частицей (*сделал-таки, ну-ка*); между морфологическими частями слова (*по-моему, из-под, пол-июня, экс-президент, ва-банк*); между элементами слова при сокращенном написании (*ж.-д., г-н, 5-го, 30-й*) и при обозначении переноса. Как знак пунктуационный дефис используется при соединении одиночного приложения с определяемым словом (*юноша-студент, Волга-река*; ср. написания названий фильмов «*Такси-2*» и «*Смертельное оружие — 2*», где в первом случае употребляется дефис, а во втором — тире, т. к. приложение (2) относится уже не к одному слову, а к сочетанию

слов), а также при повторе слов (*поговорили-поговорили, едва-едва, большой-большой*), в сочетаниях слов одного и того же корня (*день-деньской, строго-настрого*) и в синонимических или антонимических сочетаниях слов (*нежданно-негаданно, имя-отчество, взад-вперед, купля-продажа*).

В художественных и публицистических текстах дефис может использоваться также в качестве графического средства выразительности: для передачи особенностей произношения (протяжного звучания гласных, раскатистого [р], произношения по слогам и т. п.): *Будто-с? — тотчас подхватил и протянул с иронией тот самый голос* (Ф. Достоевский); *Мм-м!* — промычал утвердительно дядя, обгладывая косточку (И. Гончаров); *Кр-р-ру...хом!* (В. Катаев); — *Петя!* — закричал Гаврик вверх, приложив ко рту ладошки. *Молчание. — Петенька!* — Ставни закрыты. — *Пе-е-е-тька-а-а-а!* (В. Катаев); ...*Уплатите им не из январского гонорара, а из будущего февральского, ибо сейчас не имею ни гроша. Буквально: ни-гро-ша!* (А. Чехов), — а также для выделения (смыслового или произносительного) какой-либо части слова, напр.: *Рас-стояние: версты, мили... / Нас рас-ставили, рас-садили* (М. Цветаева); *Ему [Чехову] было в высшей степени доступно умение заражать, казалось бы, самых равнодушных людей своим со-чувствием, своим со-страданием* (К. Чуковский); *Он танцует у оград, / Пританцо-вы-вает* (Е. Евтушенко).

В особых случаях применяется так называемый **висячий дефис**: при записи конструкций с однородными членами, имеющими общий конечный элемент, который приводится только в последнем слове, а в предыдущих опускается: *кино-, теле- и видеofilьмы; как шести-, так и семилетние дети; 5- или 6-этажные дома; не только мини-, но и макси-юбки.*

ДИАКРИ́ТИКА — 1. То же, что диакритический знак (см. **Диакритические знаки**). 2. Система диакритических знаков.

ДИАКРИТИ́ЧЕСКИЕ ЗНА́КИ [от гр. διακριτικός (= *diakritikos*) ‘умеющий различать, служащий для различения’] — дополнительные надстрочные, подстрочные и внутрискрочные значки, применяемые в буквенном письме для изменения или уточнения значения буквенных знаков.

Диакритические знаки, или **диакритики**, служат одним из возможных способов обогащения системы письма. Если в используемом

алфавите не хватает букв для обозначения каких-то фонем, его можно пополнить вновь созданными или взятыми из другого алфавита, как поступили создатели первоначальной **кириллицы** (см.), добавив в греческий алфавит недостающие буквы из глаголицы. Другой способ обогащения системы письма — использовать для обозначения фонемы сочетания наличных букв — **диграфы** (см.) и **полиграфы** (см.). Он хорошо представлен, напр., в польском письме на основе латиницы (ср. пол. **cz** /č/, **sz** /š/, **rz** /ž/, **ch** /x/ и т. п.). Третий способ — модифицировать существующие буквы при помощи вспомогательных элементов — диакритиков (ср. в том же польском письме: **ś** /ś/, **ź** /ź/, **ć** /ć/, **ż** /ż/, **ń** /ń/, **ą** /ɔ̃/, **ę** /ɛ̃/). Удачным приспособлением латинского алфавита с помощью диакритических знаков к чешскому фонологическому строю считается система диакритиков, созданная в нач. XV в. Яном Гусом (ср. шипящие **š, ž, č** — свистящие **s, z, c**; долгие **ó, á, é, í, ů** — краткие **o, a, e, i, u**; мягкие **ň, ř, ď** — твердые **n, t, d**). Идеальной графической системой диакритических знаков является такая, в которой фонемы, обозначаемые буквами с диакритиками, характеризуются теми же фонологическими признаками, что и фонемы, передаваемые соответствующими буквами без диакритических знаков, но отличаются от них каким-либо одним фонологически существенным признаком, который и обозначается диакритиком. Чешская система диакритических знаков стремится к такой идеальной системе, хотя и не вполне последовательно.

В русском письме количество диакритических знаков весьма ограничено. Внутрисклонным диакритиком можно считать разве что **дефис** в тех случаях, когда он используется для передачи особенностей произношения (*Бу-удто-с; Кр-р-ру...хом*). Надстрочные знаки в русском письме — это **апостроф** (см.), **знак ударения**, две точки над **ё** и (в редких случаях) над **ѐ, ѓ** и **ѣ**, **кратка** (см.) над **буквой й** (см.).

Две точки над **ё** должны указывать, что в данном случае **е** служит обозначением /o/, а не /e/ (после мягких согласных) или звукосочетания /jo/, а не /je/ (после гласных, разделительных твердого или мягкого знаков или в начале слова), однако на практике такой надстрочный знак часто опускается. У этого диакритика нет устоявшегося терминологического наименования: чаще всего надстрочное двоеточие называют *двумя точками* над **ё**, но иногда используют термины **умлаут** (**умляут**) (см.), а также (ошибочно) **диерезис** (см.) или **трема́**.

В истории русского письма известны случаи употребления этого диакритика в сочетании с другими буквами. Так, в стихотворении

А. Блока «Осенний вечер был...» появляется буква **ö** (вместо **э**) в слове *сöр*, звучавшем у поэта, как заметил К. Чуковский, «с французским оттенком»: *На кресло у огня уселся гость устало, / И пес у ног его разлегся на ковер. / Гость вежливо сказал: “Ужель еще вам мало? / Пред Гением Судьбы пора смириться, сöр”*. В конце XIX — начале XX в. предпринималась попытка ввести в русскую письменность еще одну букву с таким диакритиком — **ÿ**, для передачи кириллицей особого гласного звука, нейотированного и не смягчающего предыдущий согласный. Такой гласный, изображаемый немецким **ö**, французским **eu** и английским **u**, встречается преимущественно в собственных именах: *Гётте, Шлëйцер, Сент-Бëв, Бëрнс* и др. И. А. Бодуэн де Куртенэ, редактор 3-го издания «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля (1903) счел необходимым ввести в словарь букву *ять* с двумя точками (**Ѣ**) для некоторых форм, в которых фонема /o/ после мягкого согласного появляется на месте орфографического (и этимологического) **Ѣ**: *звѣздка, звѣздочка*.

Дужка над **й** употребляется регулярно и является неотъемлемым элементом буквы. Этот диакритик носит название **кратка** (см.) или **краткая**.

Древнейшими диакритическими знаками были, по всей видимости, обозначения ударения, а также долготы и краткости гласных в греческом языке. Так, знаки основного и побочного ударения, используемые в русском письме, по своей конфигурации (*á* и *à*) восходят к греческим знакам ударения разных типов — **оксúи** (гр. *ὀξύια*, от *ὀξύς* (= *oxys*) ‘острый’) и **варúи** (гр. *βαρία*, от *βαρύς* (= *barys*) ‘тяжелый’), знак кратки — к древнегреческому указанию на краткость гласных. Важнейшим надстрочным знаком в памятниках старославянской и древнерусской письменности было **тúтло** (**̑**), которое применялось для сокращенной записи слов сакрального характера, часто повторяющихся в тексте (**в̑гъ** = **вогъ**, **г̑дъ** = **господъ**), и для буквенной записи чисел (**·ā·** ‘1’) (см. **Цифирь**).

Диакритические знаки широко используются в фонетической транскрипции (см. **Международный фонетический алфавит**), где их число достаточно велико.

В типографском деле к диакритическим знакам относят не только дополнительные значки при буквах, но и некоторые отдельные небуквенные элементы письма. В этом значении внутрискрипционными диакритиками можно считать **дефис**, применяемый в лингвистических текстах перед буквенным комплексом или после него при записи ча-

стей слова (приставок, корней, основ, суффиксов, окончаний), напр.: *пре-*, *голов-*, *-енн-*, *-ют* и т. п. — а также в середине слова для обозначения его членения на значимые части или слоги, напр.: *пред-диплом-ный*, *го-ло-ва* и т. п.; а также знак >, который, выступая между двумя словами, формами или буквами, указывает на то, что второе слово, форма, или обозначаемый второй буквой звук происходит из первого, напр. фр. *vinaigre* ‘уксус’ > *vinaigrette* ‘соус из уксуса и масла’ > рус. *винегрет* ‘холодное кушанье из смеси мелко нарезанных овощей, приправленное растительным маслом и уксусом’.

Надстрочный диакритик в типографском значении этого термина — это знак сноски в виде звездочки (*), который носит название **астериск** [от гр. ἀστήρ (= *astēr*) ‘звезда’]. Если на странице несколько сносок, то астериск удваивается (**), утраивается (***) и т. д. При большом количестве сносок на странице вместо астериска применяется обычно цифровое обозначение (в книге А. Кондратова «Звуки и знаки»¹). В лингвистических текстах астериск используется для обозначения реконструируемых, незасвидетельствованных или невозможных форм, напр.: *русское слово овца восходит к древнерусскому овъца, а последнее — к праславянскому *avikā; малоупотребительна форма 1 лица единственного числа настоящего времени переубежу (в отличие от вовсе несуществующей *убежу)*. В некоторых лингвистических работах для указания на сомнительные формы, относительно которых неясно, встречаются ли они в речи, используется диакритический ? : ср. ?*переубежу* и т. п.

Небесспорно отнесение к диакритическим знакам в собственно лингвистическом, а не типографском значении этого термина таких элементов письма, как верхнее и нижнее подчеркивание близких по начертанию рукописных букв **т** (**т**) и **ш** (**ш**), а также хвостиков у букв **щ/щ** и **ц/ц**.

ДИГРАФ [от гр. δια (= *dia*) ‘два’ и γράφω (= *graphō*) ‘пишу’] — сочетание двух букв, которое регулярно используется для обозначения одной фонемы конкретного языка (см. также **Полиграф**). Напр., в английском **sh** /ʃ/, **ch** /tʃ/, **th** /θ/ и /ð/, **oo** /u:/ и /u/ и др., польском **cz** /č/, **sz** /ʂ/, **rz** — /ʐ/, **ch** /x/ и т. п. В современном русском письме диграфы обычно не выделяют, однако некоторые лингвисты рассматривают в качестве диграфов сочетания согласных букв с мягким знаком **нь**, **сь** и т. п. (ср. *конь* /kɒnʲ/, *весь* /vʲɛsʲ/). В старославянском языке (как в **глаголице** (см.), так и в **кириллице** (см.), а затем в церковнославянском

и древнерусском имелись диграфы **оу** /u/ (о /o/ + у /y/ /ü/; ср. **дохъ** /duxъ/), **ыи** /y/ (ъ /ъ/ + и /i/; ср. **сынъ** /synъ/) и др. Ст.-сл. **оу** возник по аналогии с греческим диграфом **ου** /u/ (ср. гр. ἴησους (= *iisus*) > ст.-сл., др.-рус. **Исоусъ**).

ДИЕРÉЗИС (ДИЭРÉЗИС) [гр. διαίρεσις (= *diairesis*) ‘деление, разделение, различие’] — надстрочный знак (см. **Диакритические знаки**) в виде двух точек над гласной буквой, стоящей после другой гласной или согласной буквой, который указывает на то, что эта гласная буква не является частью диграфа, дифтонгом и каждая из соседних букв имеет самостоятельное прочтение: фр. *naif* /naïf/ ‘простодушный’ (ср. *naître* /nɛtr/ ‘родиться’), исп. *pingüe* ‘обильный, жирный’ (/ˈpiŋwe/, ср. *guerra* /ˈgeɾa/), нид. *coëfficiënt*. Диерезис не является неотъемлемой частью буквы, поэтому ошибочно относить этот термин к двум точкам над буквой **ё**.

ДИСГРАФІЯ [от гр. δυσ- (= *dis-*) ‘приставка, обозначающая нарушение, отсутствие чего-л.’, γράφω (= *graphō*) ‘пишу, рисую’] — нарушение письма, которое проявляется в замене букв, пропусках и перестановке букв и слогов, а также слиянии слов, у людей с нормальным интеллектуальным и физическим развитием.

ДИФФЕРЕНЦІРУЮЩИЕ НАПИСАНИЯ — написания слов, совпадающих по звучанию (фонемному составу), но различающихся лексическим или грамматическим значением, — омофонов, что отражается в их графическом облике: напр., *бал* (‘большой танцевальный вечер’) — *балл* (‘цифровая оценка результатов состязаний или успеваемости учащихся’, а также ‘единица, которой оценивается степень или интенсивность какого-л. явления’); *Орёл* (‘город’) — *орёл* (‘птица’); *эта книга неинтересная* (‘скучная’) — *эта книга не интересная* (‘интересной ее назвать нельзя’); *по другому пути* (местоименное прилагательное) — *по-другому поступить* (наречие); *ожог руки́* (существительное) — *ожёг руку* (глагол); *рожь* — *рож* (существительное *рожа* в форме род. мн.).

Стремление к дифференциации написаний само по себе не является сущностью и организующей идеей современной русской орфографии в целом и потому дифференцирующие написания для него не характерны (в русском письме они составляют не более 4% от всех написаний). Они являются следствием применения других

орфографических принципов (см. **Принципы орфографии**), хотя некоторые лингвисты и считают возможным говорить о самостоятельном дифференцирующем принципе орфографии (см. **Морфолого-графических аналогий принцип орфографии**). Так, напр., дифференцирующие написания *волы* — *валы*, *пруд* — *прут* появляются в качестве побочного следствия действия **морфологического принципа орфографии** (см.): *волы* — как *вол*; *валы* — как *вал*; *пруд* — как *пруда*; *прут* — как *прута*; дифференцирующие написания *кампания* ('совокупность действий, производимых в определенный период для решения какой-л. общественно-политической, хозяйственной, военной и т. п. задачи') — *компания* ('группа лиц, проводящих вместе время' и 'форма организации крупного бизнеса') — следствием действия приема **транслитерации** (см.) при передаче этимологически различных заимствованных слов: фр. *сатрапе* — фр. *сотрапие*; дифференцирующие написания *тушь* (сущ. ж. р. им. ед.) — *туш* (сущ. м. р. им. ед.) — результат действия принципа морфолого-графических аналогий и т. п.

Дифференцирующие написания могут возникать в результате сознательного стремления к разграничению омонимов, причем в некоторых орфографических системах дифференцирующие написания используются довольно широко, а в ряде случаев — систематически, что позволяет говорить о **дифференцирующем принципе орфографии**. Таково, видимо, положение в современном церковнославянском языке: ср. *ѣзыкъ* 'народ' — *ꙗзыкъ* 'язык'; *ѣггль* 'Ангел Божий' (пишется под титлом) — *ѣггелъ* 'падший ангел' (гг читается как нг); *миръ* 'согласие, покой, тишина' и *миръ* 'вселенная, весь род человеческий'; *цѣрь* (им. ед.) — *цѣрь* (род. мн.); *царѣ* (род. ед.) — *царѣ* (им. или вин. дв.) и мн. др. Под влиянием церковнославянской письменности в русской орфографии до реформы 1917–1918 гг., т. е. до исключения из алфавита дублетных букв *ѣ* (и *десятеричное*) и *ѵ* (*ижица*), по написанию различались омонимы *миръ* 'отсутствие войны' и *миръ* 'вселенная' (ср. также омоформы твор. ед. *миромъ* — *миромъ* — *миромъ* 'благовонная жидкость (сущ. с. р. миро)').

ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ (см. **Дифференцирующие написания**)

ДРЕВНЕРУССКИЙ ЯЗЫК — язык восточных славян Древней Руси, общий предок (праязык) трех современных восточнославян-

ских языков — русского, украинского и белорусского. Сформировался в VII–X вв. на основе восточнославянских диалектов распадающегося праславянского языка. Древнерусская (общеюжнославянская) этноязыковая общность существовала до XIV в.

Важнейшими фонетическими изменениями, отличавшими древнерусский от южно- и западнославянских языков, были: изменение начального *e- > *o- (псл. *ezero > др.-рус. **озѣро** — ст.-сл. **езѣро**); утрата *j перед *u (*jaug- > *jug- > др.-рус. **оугъ** ‘юг’ — ст.-сл. **югъ**); развитие первого (*morzъ > др.-рус. **морозъ** — ст.-сл. **мразъ**) и второго (*vьгхъ > др.-рус. **вьрьхъ** ‘верх’, диал. *верѣх* — ст.-сл. **врѣхъ** /vгхъ/) полногласия; переход *tj в č: *xotjъ > др.-рус. **хочю** — ст.-сл. **хоциж**); изменение *dj в ž’ (*xodjъ > др.-рус. **хожю** — ст.-сл. **хождаж**); утрата носовых гласных (1-я пол. X в.): *ǫ > u (*rǫtъ > др.-рус. **поутъ**), *ę > ä (передний открытый гласный) с последующим развитием перед ним мягкости (*rętъ > др.-рус. **пять** ‘пять’).

Древнерусский язык получил литературно-письменную обработку после распространения в Древней Руси старославянской письменности в X–XI вв. Древнейшие дошедшие до нас древнерусские памятники относятся к XI в. Самая ранняя точно датированная древнерусская (и вообще славянская) рукописная книга — Остромирово евангелие 1056–1057 гг. Древнейший сохранившийся в оригинале деловой памятник — Мстиславова грамота (ок. 1130 г.). Древнейшие из более чем 1000 найденных берестяных грамот археологически датируются 1-й пол. XI в.

В X–XII вв. (раннедревнерусский период) древнерусский язык делился на следующие диалектные зоны: юго-западную (киевские и галицко-волинские говоры), западную (смоленские и полоцкие), юго-восточную (рязанские и черниговские), северо-западную (новгородские и псковские), северо-восточную (ростово-суздальские). В XIV–XV вв. на базе последних формируется собственно русский (великорусский) язык, отличный от украинского (малорусского) и белорусского.

Иногда понятие древнерусского языка толкуют расширительно, включая в него русский язык позднего Средневековья (XIV–XVII вв.). Русский язык данного периода именуют также *старорусским* (или *среднерусским*).

ДУБЛЁТНЫЕ БУКВЫ [от фр. *doublet* ‘пара, дубликат’] — буквы, имеющие одно и то же звуковое значение (также **буквенные дублеты**,

буквы-дублиеты). Обычно дублетными буквами считаются такие, у которых совпадают главные (графические), а не второстепенные (орфографические) звуковые значения. В современном русском письме дублетных букв, которые обозначали бы одну и ту же фонему, нет. Буквы **т** и **д** (и другие, обозначающие парные по глухости/звонкости согласные фонемы) в некоторых позициях могут обозначать одну фонему (ср. /pɾut/ *прут* и *пруд*, /pʁɛt'it parkam/ *перед парком*, *пруд глубокий* /pɾúd glubók'ij/ и *прут длинный* /pɾúd dl'innij/), но значение /t/ для **д** и /d/ для **т** — значения второстепенные, возникшие в результате применения правил орфографии, поэтому **т** и **д** не являются дублетными. Буквы **у** и **ю** обозначают одну фонему — /u/ (ср. *лук* /luk/ и *люк* /luk/), но **ю**, в отличие от **у**, при этом одновременно выполняет и функцию указания на мягкость предшествующего парного согласного. Кроме того, у буквы **ю** есть еще одно главное значение: после гласного и в начале слова **ю** обозначает сочетание фонем /ju/ (ср. *юг* /juk/, *даю* /dajú/). Все это не позволяет считать **у** и **ю** дублетными буквами. В функции разделительного знака дублетными буквами как будто являются **ъ** и **ь** (ср. *адъюнкт* /ad'júntk/ и *судью* /sud'jú/). То, что мягкий знак имеет еще и функцию обозначения мягкости предшествующего парного согласного (ср. *петь* /pɛt'/ — *куплет* /kuplɛt'/), не мешает признать их буквами-дублетами, т. к. твердый знак не имеет другой функции, кроме разделительной. В функции разделительного знака ни **ъ**, ни **ь** не имеют собственно звукового значения и являются полностью равнозначными, поэтому буква **ъ** может быть изъята из алфавита и без всякого ущерба для чтения и письма заменена буквой **ь** в тех словах, где в настоящее время пишется **ъ**.

Орфография обычно стремится упорядочить употребление дублетных букв. Так, в современном церковнославянском языке, где довольно много букв-дублетов (**ѧ/Ѧ**, **Ѣ/Ѧ**, **Ѥ/ѥ/Ѧ**, **Ѧ/Ѧ** и др.), **ѧ** (**я**) употребляется в начале слова (**ѧсли**), а **Ѧ** (*юс малый*) — в середине (**дрѦхль**) и в конце слова (**врѦмѦ**), при этом в отдельных случаях отклонения от правила могут быть связаны с разграничением на письме омонимов (ср. **ѧзыкъ** 'народ', но — вопреки общему правилу — **Ѧзыкъ** 'язык'; см. **Дифференцирующие написания**).

Одна из дублетных букв, появляющихся в результате фонетических изменений или по другим причинам, время от времени удаляется из алфавита в процессе естественного развития или сознательно реформирования письма. Так, к началу XX в. в русском алфавите были две пары дублетных букв — **ѣ** и **Ѥ** (*ятъ*), **Ѣ** и **Ѧ** (*фита́*), и три

буквы-дублета, обозначающие фонему /i/, — и, і (и *десятеричное*) и ѵ (*ѵжица*). Реформа 1917–1918 гг. ликвидировала дублетные буквы Ѣ, ѿ, і и ѵ, оставив е, ф, и.

ЕР — название буквы (ст.-сл. и др.-рус. **ѣръ** /jɛrʲ/) глаголицы (ѣ) и кириллицы (ѣ), а также особой гласной фонемы /ɛ/, для обозначения которой буква ѣ/ѣ была введена в древние славянские алфавиты. Фонема /ɛ/, которая возникла в праславянском языке и еще существовала в древнерусский период, видимо, произносилась как гласный заднего ряда средне-верхнего подъема, т. е. как звук, средний между /o/ и /u/. Гласная фонема /ɛ/ и коррелятивная ей фонема переднего ряда /ɛ/ (см. **Ерь**) традиционно в славистике и рунистике называются редуцированными гласными (в отличие от гласных полного образования — всех остальных). В XII–XIII вв. в древнерусском языке происходит падение редуцированных, в процессе которого фонемы /ɛ/ и /ɛ/, обозначаемые буквами ѣ и ѣ, в зависимости от позиции в слове либо (в слабой позиции) исчезают, либо (в сильной) переходят /ɛ/ в /o/, /ɛ/ в /e/. Результаты этого изменения отражены в современных чередованиях беглых гласных: *сон* — *сна*, *замѣк* — *замкѣ*, *день* — *дни*, *конѣц* — *конца* и т. п.). В эпоху падения редуцированных гласных древнерусские писцы постепенно заменяли буквы ѣ, ѣ буквами о, е (*сѣньѣ* > *сонѣ*, *дѣньѣ* > *дѣнь* в сильной позиции) или пропускали (*сѣня* > *сна*, *дѣни* > *дни* в слабой). Тем не менее во многих случаях буква ѣ, уже не обозначающая никакой фонемы, в памятниках древнерусской письменности сохраняется еще долгое время, особенно на конце слова, обозначая твердость предшествующего согласного (*конѣ* /kon/ — *конь* /konʲ/). Таким образом, после падения редуцированных звуковые значения букв ѣ и ѣ кардинально изменились. Перестав обозначать гласные фонемы, они стали обозначать твердость/мягкость предшествующего согласного.

Постепенно возникает осознание того, что для обозначения твердости согласных ѣ является избыточной буквой. М. В. Ломоносов отмечал, что *ер* в русском алфавите «место занял, подобие как пятое колесо». Однако до орфографической реформы 1917–1918 гг. ѣ писался не только на конце слов после твердых согласных и перед йотированными гласными буквами (см. **Слоговой принцип графики**), но и в таких случаях, как *сѣэкономить*, *двухѣаршинный* и др. Однако после приставок он употреблялся довольно редко, а написание его на конце слов увеличивало объем текста на 4%. Орфографическая реформа

1917–1918 гг. (см. **Реформа орфографии**) исключила букву **ѣ** в конце слов (*посо**лѣ**, мечѣ* > *посол, меч*) и частей сложных слов (*контрѣ-адмиралѣ* > *контр-адмирал*), сохранив ее в середине слов, в значении разделительного знака (*сѣмка*). Не все издатели подчинились новым правилам, и тогда, согласно декрету Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), литеры и матрицы буквы **ѣ** были изъяты из типографий. Это привело к тому, что в качестве разделительного знака в течение некоторого времени использовался апостроф (*в'ехать*). Несмотря на ошибочность такого написания, оно стало восприниматься как часть реформы и сохранялось достаточно долго.

В современном русском алфавите буква **ѣ** чаще носит название «твердый знак» (см. **Буква твердый знак**). Согласно правилам орфографии **ѣ** используется ныне лишь в качестве разделительного знака на стыке морфем и пишется только перед **е, ё, ю, я** (см. **Слоговой принцип графики**). Правда, в начале XXI в. **Орфографическая комиссия РАН** (см.) предложила расширить употребление разделительного **ѣ** перед буквами **е, ё, ю, я** и распространить написания с **ѣ** на все сложные слова без соединительных гласных: напр., **артѣярмарка* (новое слово с первой частью *арт-* в значении ‘художественный’, ср. *артсалон, артрынок* и др.), **гитлерѣюгенд*; а также на сложносокращенные слова (**госѣязык, *спеѣзда, *Минѣюст*) — поскольку принятые орфографией написания типа *детѣсли, инѣз, спеѣзда, хозедѣница, Минѣюст* противоречат **слововому принципу графики** (см.): в них не хватает «сигнала» прочтения **е, ё, ю, я** как сочетаний йота с гласными (см. **Реформа орфографии**). Однако эти предложения не были приняты (см. **Нарушения слогового принципа графики**).

В славянских языках, использующих кириллицу, буква **ѣ** либо отсутствует вовсе, как в сербском, македонском, белорусском и украинском (в двух последних в разделительной функции используется **апостроф** (см.): ср. бел. *аб'ява* ‘объявление’, укр. *з'їзд* ‘съезд’), либо обозначает самостоятельную гласную фонему /э/, как в болгарском (ср. *ѣгъл* ‘угол’, *рѣка* ‘рука’).

ЕРЬ — название буквы (ст.-сл. и др.-рус. **ѣрь** /jerь/) глаголицы (ѣ) и кириллицы (ѣ), а также особой гласной фонемы /ь/, для обозначения которой буква **ѣ** была введена в древние славянские алфавиты. Фонема /ь/, которая возникла в праславянском языке и еще существовала в древнерусский период, видимо, произносилась как гласный переднего ряда средне-верхнего подъема, т. е. как звук, сред-

ний между /e/ и /i/. Гласная фонема /ь/ и коррелятивная ей фонема заднего ряда /ъ/ традиционно называются редуцированными гласными. В XII–XIII вв. в древнерусском языке происходит утрата этих фонем — фонетическое изменение, называемое падением редуцированных гласных (подробнее см. Ер). После этого изменения буква ь получает новое звуковое значение: перестав обозначать гласную фонему /ъ/, она стала средством обозначения мягкости предшествующего согласного. Приобретение такой функции буквой ь оказалось возможным потому, что еще до падения редуцированных все согласные перед фонемой переднего ряда /ь/ стали мягкими (дѣнь /дѣнь/ > дѣнь /d'ɛn'ɨ/ > дѣнь /d'ɛn'/; сынъ /synъ/ > сынъ /syn/ > сын /syn/). Функция обозначения мягкости парного согласного постепенно стала основной и дало второе название букве ерь — «мягкий знак» (см. Буква мягкий знак, Ер). В настоящее время буква ь в соответствии со **слоговым принципом графики** (см.) указывает на мягкость предшествующего согласного, а также выступает в качестве разделительного знака. Кроме того, в отдельных словах и грамматических формах написание ь определяется **традиционным принципом орфографии** (см.) или принципом морфолого-графических аналогий (см. **Морфологических аналогий принцип орфографии**).

ЖИВЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ (см. **Чередования фонем**)

ЗАГЛАВНАЯ БУКВА — то же, что прописная буква (см. **Прописная и строчная буквы**).

ЗАПЯТАЯ (,) [субст. полн. прил. < страд. прич. от рус. глагола **заплати(ся)** 'зацепится' > 'запнуться', 'споткнуться'] — пунктуационный знак, который ставится внутри предложения и указывает на его грамматическое членение: во-первых, служит для отделения друг от друга различных структурных частей предложения (одиночная запятая, отделяющий знак препинания) и, во-вторых, для выделения с двух сторон (двойная запятая, выделяющий знак препинания) конструкций, расположенных в середине предложения, напр.: Увлеченная своими новыми мыслями <отделение обособленного определения от определяемого слова>, Вера Семеновна доказывала¹ <отделение главной части (1) от придаточной (2)>, что работа² <выделение придаточной части (3) с двух сторон>, в которую был погружен ее брат³,

есть предрассудок <разделение однородных членов предложения>, *тищетная попытка консервативных умов продолжать то²* <отделение придаточной части (4) от главной (2)>, *что уже сослужило свою службу и уже сходит со сцены⁴* (А. Чехов). Запятая, самый частотный из всех знаков препинания, облегчает чтение текста: глаз читателя должен «зацепиться» за («споткнуться» о) него и распознать конструкции, входящие в состав предложения.

Запятая как пунктуационный знак, функционально близкий точке, появляется в русском письме во второй половине XIV в. В грамматиках Л. Зизания (1596) и М. Смотрицкого (1619) запятая в соответствии со сложившейся к тому времени традицией выступает как знак внутрифразового синтагматического членения речи. Современное употребление запятой складывается в XVIII в.

ЗВУКОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ БУКВЫ — фонема, сочетание фонем или признак фонемы, который обозначается буквой алфавита. В буквенно-звуковом письме, которое предполагает наличие алфавита, звуковое значение буквы, наряду с ее порядковым номером в алфавите, начертанием и названием, является важнейшей характеристикой буквы. Буквы алфавита предназначены прежде всего для обозначения фонем, составляющих звуковую оболочку словоформ. В русском письме одна фонема может обозначаться разными буквами (*вода* /vadá/ — *трава* /travá/, *лук* /luk/ — *луг* /luk/) и разные фонемы могут обозначаться одной буквой (*воду* /vódu/ — *вода* /travá/, *луг* /luk/ — *луга* /luga/). Буква может использоваться для обозначения не только фонемы, как во всех приведенных примерах, но и сочетания фонем (*яма* /jáma/), а также признака соседней фонемы (*дань* /danʹ/). Последний случай, где **ь** указывает и на мягкость согласного, можно интерпретировать и как обозначение одной фонемы /nʹ/ сочетанием букв **нь**. Кроме того, одна буква может обозначать фонему с одновременным обозначением признака соседней фонемы (*спят* /spʹat/, *люк* /lʹuk/).

Важно иметь в виду, что во всех случаях, когда речь идет о звуковых значениях букв, имеются в виду именно фонемы, а не варианты (аллофоны, оттенки) фонем. Так, фонема /j/ может быть обозначена двумя способами: 1) буквой **й** (*мой* /moj/, *тайга* /tajgá/); 2) йотированными буквами (*яд* /jat/, *моё* /majá/, *дают* /dajút/), которые при этом обозначают и следующую гласную фонему) (см. **Буквы йотированные, Слоговой принцип графики**). Звуковые значения букв неравноценны, они подразделяются на главные (основные, графиче-

ские) (см. **Главные значения букв**) и второстепенные (неосновные, орфографические) (см. **Второстепенные значения букв**). Кроме того, некоторые лингвисты выделяют **алфавитные значения букв** (см.), которые отражаются в алфавитных названиях букв и вписываются в терминологическую триаду **алфавитные — графические — орфографические** звуковые значения букв.

ЗВУКОВОЕ ПИСЬМО (то же, что **Буквенно-звуковое письмо**)

ЗВУКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ — изменения в звуковом строе языка и фонетически обусловленные преобразования звуковых оболочек словоформ, которые происходят в процессе исторического развития языков. Такие изменения изучаются исторической (сравнительно-исторической) фонетикой. Звуковые изменения приводят к нарушению установившегося соотношения букв и фонем в буквенно-звуковом письме и являются главной причиной необходимости реформирования графики и орфографии.

Важно различать три типа звуковых изменений: 1) изменение в составе фонем языка (напр., утрата какой-либо фонемы или появление новой); 2) изменение в составе фонем звуковой оболочки конкретной словоформы (напр., замена в ней одной фонемы на другую); 3) изменение в реализации той или иной фонемы. Так, утрата фонемы *ять*, которую на письме в древнерусский период передавали буквой **ѣ** (см. **Ять**), а в транскрипции традиционно обозначают символом /ě/, представляла собой изменение в составе фонем русского языка. Фонема /ě/ совпала с /e/ (можно сказать, перешла в /e/). Утратились и другие гласные фонемы исходной древнерусской системы — носовые гласные /o/ (*o* носовое) и /e/ (*e* носовое), для передачи которых в старославянской кириллице существовали буквы юс большой (**ѣ**) и юс малый (**ѡ**) (см. **Юсы**), а также **редуцированные гласные /ъ/ и /ь/** (см.). Эти звуковые изменения привели либо к ликвидации букв (**ѣ**, **ѡ** и **ѣ**), либо к изменению их функции (**ѣ** и **ь**). Другим типом звукового изменения в русском языке было изменение безударного /o/ в /a/: /vodá/ > /vadá/ *вода*, т. е. возникновение **аканья**. Это изменение не в составе фонем языка, а в составе фонем звуковых оболочек словоформ, которые имели фонему /o/ в безударной позиции, но в результате звукового изменения заменили ее на фонему /a/. Переход безударного /o/ в /a/ был позиционно обусловленным, т. к. в /a/ изменялся не всякий /o/, а только тот, который находился в безударной

позиции. Под ударением звук /o/ сохранялся. Это не привело к устранению буквы **о** из алфавита. Изменение в реализации фонемы вообще не отражается на письме.

В процессе изучения звуковых изменений лингвисты пришли к выводу, что такие изменения происходят не хаотически, а подчиняются строгим закономерностям, поэтому многие из них могут быть описаны как результат действия регулярного «звукового закона», не знающего исключений. Регулярность звукового изменения заключается в том, что подлежащий изменению звук (фонема) конкретного языка (или диалекта) в определенный период времени развивается в одном и том же направлении во всех словах этого языка, причем предполагается, что изменение происходит во всех словах, где имеется этот звук (фонема). Напр., в русском языке в XIV–XVI вв. происходил **переход /e/ в /o/** (см.). Это звуковое изменение осуществлялось более или менее одновременно во всех словах, содержавших звук /e/ после мягкого согласного перед твердым, в результате чего в современном языке мы имеем формы *берёза, зелёный, ёлка, идёшь, молодёжь* и т. п. Сначала это звуковое изменение осуществляется без исключений, т. е. действует как звуковой закон: ср. распределение форм в зависимости от твердости и мягкости следующего согласного *ёлка, ёлочка, но ель, ельник*. Однако на каком-то этапе действие звукового изменения (звукового закона) прекращается, поэтому позднее в языке снова появляются слова с гласным /e/ перед твердым, а также слова с /o/ между мягкими согласными, что не соответствует условиям звукового изменения. Источниками таких «незакономерных» форм являются следующие: 1) другие звуковые изменения, имевшие место после перехода /e/ в /o/, — такие, напр., как изменение фонемы *ять* в /e/ (*дѣло* > *дело*, *хлѣбъ* > *хлеб* и т. п.) или отвердение согласного /c'/ (= /ц'/), который был в древнерусском языке мягким и потому не вызывал перехода /e/ в /o/ (ср. *отец, овец* и т. п.); 2) действие морфологической аналогии: наряду с *берёза, берёзы, берёзу* и другие по аналогии с ними возникает форма *берёзе*, где /o/ находится уже перед мягким согласным, что не соответствует звуковому закону перехода /e/ в /o/; 3) заимствования после завершения звукового изменения: ср. *аптека* (с /e/ перед твердым согласным), *Кёльн* (с /o/ между мягкими согласными) и т. п.

Кроме перечисленных типов звуковых изменений, есть и такие изменения в звуковом облике слов, для которых не характерна регулярность и которые не рассматриваются как типичные звуковые изменения. К таким изменениям относится, напр., образование ре-

дуцированных форм слов в быстрой речи: *Пал Палыч, Марь Иванна, здрастье* и т. п. Обычно это случаи, когда словесная формула сопровождается жестом приветствия или обращения, который делает как бы ненужными сами слова. Иногда редуцированные формы «заимствуются» из быстрой речи в обычную (ср. *спасибо* < др.-рус. *спъспаси Богъ* ‘пусть (тебя) спасет Бог’, *четырнадцать* < др.-рус. *четыре на десяте* букв. ‘(десять) + четыре сверх десяти’ и т. п.).

От звуковых изменений следует отличать варьирование (модификацию) фонемы в зависимости от окружающих фонем, положения в слове или ударения. Такое варьирование тоже иногда называют звуковым изменением, однако оно не является изменением звуков речи во времени, т. е. фактом истории языка. Напр., любой русский согласный в позиции перед огубленными гласными /o/ и /u/ становится лабиализованным. Это происходит потому, что, предвосхищая округление и вытягивание губ, необходимые для образования этих гласных, мы округляем и вытягиваем губы уже на этапе произнесения согласного. Поскольку перед четырьмя другими гласными этого не происходит, дело представляется таким образом, что перед /o/ и /u/ согласный как бы изменяется, т. е. произносится не так, как перед /a/, /e/, /i/, /ы/. Реализации фонемы в зависимости от фонетической позиции называются аллофонами фонемы (см. **Аллофон, Фонема**), поэтому описанное «изменение» звука называют аллофонным варьированием. Однако если выясняется, что реализация фонемы меняется во времени (напр., следующее поколение носителей языка произносит более открытое /a/ в первом предударном слоге, чем предыдущее поколение), то мы имеем дело уже с определенным изменением в процессе исторического развития языка, т. е. с одной из разновидностей звукового изменения. Аллофонное варьирование никогда не отражается на письме.

Звуковые изменения не следует смешивать с **чередованиями фонем** (см.) в составе морфемы. Чередования обычно возникают вследствие звуковых изменений, но сами по себе звуковыми изменениями не являются. В современном русском языке переход /e/ в /o/ не является действующим звуковым законом. Переход этот давно завершился, но он отразился в виде чередования фонем в родственных морфемах: *ель* — *ёлка*, *дешёвый* — *дешевле*, *жёны* — *женский* и т. п. Таким образом, /e/ не изменяется в /o/ в современном русском языке, /o/ не изменяется в /a/ в безударной позиции, звонкие парные согласные не оглушаются, т. е. не изменяются в глухие, перед глухими согласными — они чередуются в составе морфемы.

ЗНАК ПЕРЕНОСА (-) — неалфавитный знак современного русского письма (см. **Неалфавитные знаки**) в виде короткой горизонтальной черты в середине строки. По начертанию совпадает с **дефисом** (см.). Знак переноса разделяет слово на две части при переносе его с одной строки на другую. Вошел в практику русского письма в самом начале XVIII в., но писался внизу строки, в современном же виде употребляется с 1710 г.

Впервые особый знак переноса под названием «съединительная» встречается в «Грамматике славенской» Л. Зизания (1596). Он представлял собой прямую черту в середине строки, немного загибающуюся вверх в правой части (**ѧгль ~скій**). Позднее в «Грамматике» М. Смотрицкого (1619) в той же функции описан знак, названный «единитная» (**прійдѣ//тє, скор//башє**). Он похож на двойную **оксію** (см. **Диакритические знаки**), спущенную в строку, а также немного напоминает современный **слеш** (см.).

ЗНАК ПРЕПИНАНИЯ [ц.-сл. **прѣпинание** ‘препятствие, помеха’ от **прѣпинати** — ‘препятствовать, задерживать’] — неалфавитный графический знак (см. **Неалфавитные знаки**), указывающий на смысловое и структурное членение письменного текста и сигнализирующий об интонации его прочтения. Знаки препинания — сигналы паузы, заминки, остановки перед каким-либо препятствием, возникшим на пути плавного чтения текста, которые ведут мысль читателя в заданном автором направлении. В русской графической системе к знакам препинания относят **точку** (см.), **вопросительный знак** (см.), **восклицательный знак** (см.), **запятую** (см.), **точку с запятой** (см.), **двоеточие** (см.), **тире** (см.), **многоточие** (см.), **скобки** (см.), **кавычки** (см.).

В русских текстах XI–XIV вв. отсутствовало графическое разграничение между словами внутри фразы и отдельными фразами. Внутри абзацев в небольшом интервале между слитно написанными группами слов на уровне середины строки ставилась **строка** (**срокка**) — знак (·), промежуточный между запятой и точкой, которые до XVI–XVII вв. функционально не противопоставлялись. Своим возникновением в XV в. часть знаков препинания (точечный ромбик (:·), двоеточие (:), подобие запятой (,)) обязана практике переписывания книг, в которых писцы по своему усмотрению отделяли слова и части текста друг от друга, но лишь с появлением книгопечатания началась история знаков препинания в синтаксическом их смысле. С конца

XVIII в. разрабатываются правила расстановки известных современной письменной практике знаков препинания (включая тире, многоточие, кавычки) в тексте (см. **Правила пунктуации**).

В зависимости от места постановки знака в тексте выделяют **знаки конца предложения** (см.) и знаки середины предложения (запятая, точка с запятой, двоеточие, скобки, тире, кавычки), напр.: *Кривицкий (заместитель Симонова по «Новому миру») мне нравится. Умен, схватывает на ходу, с ним легко. Хочет власти — но сольной власти: напр., надо мной* (Ю. Олеша). На основе выполняемой знаком препинания функции разграничивают знаки отделяющие (= разделительные) (см. **Отделяющие знаки препинания**) и выделяющие (см. **Выделяющие знаки препинания**).

ЗНАКИ КОНЦА ПРЕДЛОЖЕНИЯ — отделяющие знаки препинания (см.), сигнализирующие о завершении высказывания (грамматическая функция), цели сообщения и его эмоциональной окраске (смысловая и интонационная функции). К знакам конца предложения относятся **точка** (см.), **многоточие** (см.), **вопросительный знак** (см.), **восклицательный знак** (см.) и их комбинации: !.., ?.., ?!, напр.: *На четыре времени года раскладывается человеческая жизнь. Весна!!! Лето. Осень... Зима?* (Т. Толстая).

И ДЕСЯТЕРИЧНОЕ — название буквы **і**, входившей в состав русского алфавита до орфографической реформы 1917–1918 гг. *И десятиричное* восходит к букве **кириллицы** (см.) **і** (с вариантами **и**, **ї**), которая по своему происхождению является заимствованием греческой буквы **Ι, ι (йота)**; пришла на смену глаголической букве **ѣ (ѣ)**. В древний период она носила название «ижеи»; позднее называлась также «и с точкой». Название «и десятиричное» эта буква получила потому, что в древней **цифери** (см.) имела числовое значение '10', в отличие от кириллической буквы **и (иже)**, которая передавала число '8' и неофициально называлась «и восьмеричное»; и тоже восходит к греческой букве **Η, η (эта)**. Видимо, уже в древней кириллице **і** и **и** были **дублетными буквами** (см.), обозначая фонему /i/. Выбор же одной из этих букв в позднейшее время регламентировался правилами, складывавшимися с XV в. и узаконенными Академией наук в 1758 г.: и следовало писать перед согласными и на конце слова (*игла, сила, нести*), а **і** — перед гласными и перед **й** (*репетиція, іерей, русский*). Исключениями были сложные слова, в которых первая часть оканчива-

лась на и (*пятиугольникъ*). Кроме того, **і** писалось в слове *міръ* в значении 'Вселенная', в отличие от *миръ* в значении 'согласие, отсутствие войны'. В этом случае **і**, наряду с буквой **ѵ** (*ижица*), помогало различению на письме омофо́нов (см. **Дублетные буквы**) *міра* (род. ед. от *міръ*) — *мира* (род. ед. от *миръ*) — *мура* (род. ед. от *муро* — совр. *миро* 'масло с ароматическими веществами, употребляемое в некоторых христианских обрядах'). Так, название романа Л. Н. Толстого «*Война и мир*» представляет собой антонимическую пару, и распространено заблуждение, будто бы автор имел в виду мир как вселенную, основано всего лишь на опечатке: при очередном переиздании романа в 1913 г. на первой странице первого тома в заглавии произведения было ошибочно напечатано *міръ*. Тогда как название поэмы В. В. Маяковского «*Война и миръ*» было задумано поэтом как орфографическая антитеза заглавию толстовского романа, что ныне приходится разъяснять в комментариях.

До орфографической реформы 1917–1918 гг. (см. **Реформа орфографии**) у буквы **і** было еще одно звуковое значение, кроме /i/: в начале слова и между гласными буква **і** передавала фонему /j/ (*іодъ*, *маіоръ* и т. д.).

В современных церковнославянских текстах количество слов с **і** (**і**) больше: эта буква пишется и перед согласными — в заимствованных из греческого языка словах, напр.: **і́косъ** (один из видов церковного песнопения) < гр. οἶκος (= *ikos*) 'дом', **κέλλι̑а** 'келья' < ср.-гр. κελλίον, мн. κελліа и др. Буквы **и** и **і** были дублетами, поэтому начиная с XVIII в. предпринимались попытки убрать из алфавита одну из них (как правило, **и**), но предложения так и не были приняты. Орфографическая реформа 1917–1918 г. исключила букву **і** из русского алфавита, на ее месте в зависимости от передаваемого ею звука стали писать **и** (*исторія* > *история*, *міръ* > *мир*) либо **й** (*маіоръ* > *майор*).

ИДЕОГРАММА [гр. *ιδέα* (= *Idea*) 'идея, первообраз' и *γράμμα* (= *gramma*) 'рисунок, буква'] — условный рисунок, обозначающий на письме общее содержание (идею, прообраз) передаваемого сообщения, или условный письменный знак (пиктограмма) в пиктографическом письме; иногда идеограммой называют **логограмму** (см.).

В современном русском письме, которое по своему типу является буквенно-звуковым, имеются некоторые отступления от буквенно-звукового письма, что, в частности, выражается в использовании арабских и римских цифр, а также знаков типа № 'номер', №№ 'но-

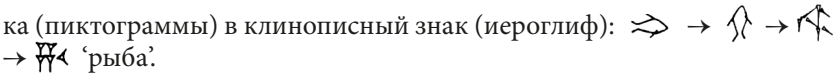

мера, § ‘параграф,’ §§ ‘параграфы,’ ° ‘градус,’ £ ‘фунт стерлингов,’ =, + и т. п., напоминающих знаки идеографического (словесного) письма, т. е. являющихся своего рода идеограммами (логограммами), которые передают не звуковой состав слова, а его значение или пучок ассоциативно связанных понятий, которые могут быть выражены разными словами. Так, текст +20°C, записанный с помощью идеограмм (логограмм), передает содержание сообщения, но может быть прочитан (произнесен) по-разному: *плюс двадцать градусов по Цельсию*, или *плюс двадцать градусов Цельсия*, или даже *двадцать градусов выше нуля по Цельсию*, или *двадцать градусов тепла по Цельсию* и т. п. См. также **Гетерограмма**.

ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ (см. **Морфолого-графических аналогий принцип орфографии**)

ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО (см. **Логография**)

ИЕРОГЛИФ [от гр. *ἱερός* (= *ieros*) ‘священный’ и *γλῦφω* (= *gliphō*) ‘вырезаю’] — графическое средство в разных типах письма (прежде всего в *словесном* и *словесно-слововом*), используемое для обозначения разных языковых единиц — слов, морфем, слогов и звуков. Термин «иероглиф» характеризует графическое средство прежде всего с внешней стороны, подчеркивая его отличие от единиц алфавитных письменностей — букв. Что касается языковых единиц, которые передаются иероглифами, то в иероглифическом письме иероглифы могут быть **логограммами** (см.), т. е. обозначать слова, **идеограммами** (см.), т. е. обозначать семантически связанные друг с другом несколько слов, но также могут иметь и собственно фонетическое (слововое) значение.

Сначала иероглифами назывались письменные знаки (**пиктограммы** (см.), **идеограммы** (см.), фонетические знаки) древнеегипетского словесно-слогового письма; в настоящее время термин обычно употребляется для обозначения знаков китайского письма — самой древней из до сих пор используемых систем письма, а также восходящих к ним знаков других письменностей (корейской, японской и др.). Иероглифами фактически были и клинописные знаки, хотя обычно они так не называются. Первоначально иероглифы представляли собой рисунки, которые в результате схематизации превратились в абстрактные знаки письма. Ср. развитие шумерского рисуночного зна-

ка (пиктограммы) в клинописный знак (иероглиф): → 'рыба'.

ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО (ИЕРОГЛИФИКА) — система письма, знаки которого называют иероглифами. В одном и том же письме **иероглиф** (см.) может быть: 1) **логограммой**, т. е. обозначает целое слово (понятие), 2) **детерминативом**, уточняющим понимание текста, 2) **силлабограммой**, обозначающей отдельный слог. Подобный **тип письма** (см.) называется словесным (или словесно-слоговым) (см. **Словесное письмо**). Типичным примером иероглифики является современное китайское письмо. В древности такое письмо было распространено у народов Египта, Месопотамии и др. (см. **Иероглиф**).

ИЖИЦА — название буквы *v*, до орфографической реформы 1917–1918 гг. занимавшей последнее место в русском алфавите.

Русская дореформенная буква *v* восходит к кириллической *ѳ* (в глаголице ей соответствовала *ѡ*). Видимо, первоначально она предназначалась для передачи в заимствованиях греческой буквы *v*, которая читалась как [ü] в архаическом греческом произношении. На такое греческое произношение, вероятно, ориентировались составители первой славянской азбуки. В разговорном же греческом на месте [ü] произносилось [i]. Обычно славяне того времени заменяли греческий [ü] (*v*) славянскими звуками [i] (**и**, **ѣ**), [ü] (**ю**) или [u] (**оу**). Это отражается древними памятниками: ср. гр. ἰποστάσις (= *ipostasis*) 'сущность' > ст.-сл. **ѳпостась** ~ **оуѳпостась** ~ **ипостась**, гр. μῆρον > ст.-сл. **мѳро** ~ **миро** 'благовонное масло'. Так сложилась дублетность букв **и/ѣ** и **ѳ**.

Вследствие того что уже в глаголице и древней кириллице буква *ѳ* (глагол. *ѡ*) использовалась как элемент диграфа **оуѳ** (глагол. *ѡѡ* > *ѡѡ*), обозначающего фонему /u/, с последующим изменением **оуѳ** → **ѳ** (в гражданском шрифте **у**), начертание отдельно используемой ижицы изменилось: *ѳ* → *v* (в гражданском шрифте **v**).

Глаголическая *ѡ* и кириллическая *ѳ*, вероятно, сначала называлась «икъ» (или «вкъ»). В русской традиции за ней закрепилось значительно более позднее название «ижица», которое восходит к наименованию дублетной буквы **и** — «иже» (более позднее название — «и восьмеричное»), которая также обозначала фонему /i/.

Вводя **гражданский шрифт** (см.), Петр I первоначально не включил в него ижицу: предполагалось, что в зависимости от произно-

шения *v* должна была заменяться буквами *в* или *і*. В окончательном варианте 1710 г. он ее сохранил. В 1735 г. ижицу снова отменили, а в 1758 г. она в очередной раз была восстановлена. В дальнейшем *v* употреблялась все реже и почти не использовалась для передачи /v/. После орфографической реформы 1917–1918 гг. (см. **Реформа орфографии**) ижица была окончательно выведена из алфавита.

Ижица сохраняется в современном церковнославянском языке, где она употребляется в словах, заимствованных из греческого, на месте греческой буквы *v* (ипсилон) и может обозначать две фонемы: согласную /v/ после гласных *а* и *ε* (*пáвeль* ‘Павел’, *лáврa* ‘лавра’, *ε̑вáγγeлiε* ‘Евангелие’) и гласную /i/ в остальных случаях (тогда над самой буквой ставятся надстрочные знаки) — *ἵпocтacь* ‘ипостась’, *мiрo* ‘миро’ и др.

ИЛЛИТЕРАТЫ [от лат. *illiteratus* ‘внеписьменный’, ‘неписанный’] — слова, обозначающие языковые жесты и весьма приблизительно передаваемые на письме, такие как *зм* (выражение сомнения, иронии), *а-а* (выражение несогласия), *узу* (выражение согласия), *тсс* (призыв к молчанию), *бр-р* (выражение холода или отвращения) и т. п. Это своего рода слова-предложения, естественно включающиеся в русскую диалогическую речь: — *Сeня, а ты Софи Лорен видел?* — *А-а!* — *А кока-колу пил?* — *Узу!* (диалог из к/ф «Бриллиантовая рука»).

Фонетическая специфика иллитератов заключается в том, что их звуковые оболочки неотделимы от передаваемых ими значений и поэтому состоят не из фонем, а представляют собой функционально нечленимый звуковой комплекс. С этим и связаны трудности в передаче иллитератов средствами буквенно-звукового (алфавитного) письма, поскольку буквы предназначены для обозначения именно фонем. К иллитератам примыкают слова, имитирующие звуки, издаваемые человеком (чихание (*апчхи*), сплевывание (*тффу*), свист (*фью*), храп (*хр-р-р*) и т. п., которые легко могут превращаться в языковые жесты), а также животными (*мяу*, *ку-ка-ре-ку*), и вообще звуки окружающего мира (*буль-буль*, *чух-чух-чух* и т. п.).

Чтобы ввести звуковые жесты и звуковые образования, имитирующие звуки окружающего мира, в письменный текст и передать их средствами русского алфавита, необходимо соотнести звуковую оболочку иллитерата со звуковой системой русского языка, пропустить ее через звуковую систему своего языка (или, как говорят лингвисты, через его «фонологическое сито»), как это обычно происходит при

фонетическом освоении заимствований. Так, единая артикуляция звукового жеста, передаваемого на письме как *Br-p!*, которая представляет собой отсутствующий в системе русских согласных губно-губной дрожащий (обозначаемый в МФА [ʋ]), после прохождения через фонологическое сито разлагается на две фонемы /br/, последовательность которых закономерно обозначается сочетанием букв **б + р**. Если же прочесть *Br-p!* по правилам русской графики, получившееся произношение будет иметь мало общего с оригиналом.

ИНТЕРЛИНЬЖ [от фр. *interlignage* ‘написанное между строк’, букв. ‘междустрочие’: *inter* ‘между’ и *lignage* ‘число строк’] — вертикальный **пробел** (см.), интервал между строками текста; служит одним из приемов создания **геометрии текста** (см.).

ИНТЕРПУНКЦИЯ [лат. *interpunctio* ‘расстановка точек между словами’, от *inter* ‘между’ и *punctum* ‘точка’] — то же, что **пунктуация** (см.).

ИНТОНАЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ПУНКТУАЦИИ — принцип, в основе которого лежит стремление отразить на письме интонацию устной речи. Редко выступает в чистом виде, т. к. интонация, как правило, является следствием заданного смыслового и грамматического членения предложения (см. **Грамматический принцип пунктуации** и **Смысловый принцип пунктуации**). Ср.: *Брат — мой учитель* и *Брат мой — учитель*. Тире здесь фиксирует паузу, однако место паузы предопределено структурой предложения, его смыслом. Из существующих знаков препинания с выражением интонации в наибольшей степени связаны тире, многоточие, вопросительный и восклицательный знаки. Так, интонационный принцип лежит в основе выбора знака препинания на конце предложения. Повествовательные предложения и вопросительные предложения без вопросительных слов отличаются друг от друга интонацией (которая, в свою очередь, задана смыслом и грамматикой), что на письме отражается выбором либо точки, либо вопросительного знака. Напр.: — *Дед, скоро мы поедим?* — *спросил Егорушка у Пантелея* (А. Чехов). При превращении вопроса в утверждение вопросительный знак заменяется точкой: *Дед, скоро мы поедим*. В некоторых случаях в зависимости от интонации происходит выбор либо вопросительного, либо восклицательного знака. Напр., замена вопросительного знака в предложении 1) *За-*

чем ему гулять? — сказал *Пантелей*. (А. Чехов) на восклицательный в предложении 2) *Зачем ему гулять!* — сказал *Пантелей*. полностью меняет смысл высказывания. Второе предложение не только характеризуется эмоционально-восклицательной интонацией, но и противоположным вопросительной форме предложения утвердительным смыслом ('ему незачем гулять').

Интонационный принцип обуславливает постановку многоточия при передаче взволнованной речи, напр.: *Он... вы не думайте... Он не вор и не что-нибудь... только...* (В. Короленко). Многоточие подчеркивает прерывистый характер речи, ее затрудненность, которые обусловлены эмоциональным напряжением говорящего.

Гораздо чаще интонационный принцип выступает в качестве сопровождения грамматического или смыслового принципа, причем относительно грамматического принципа интонационный находится в явно подчиненном положении. Это особенно ярко проявляется, 1) когда знак препинания ставится при отсутствии паузы или 2) когда при наличии паузы знак препинания отсутствует. Напр., обособление придаточной части в предложении «*Вы пишете портреты людей, **которых вы не любите***», — сказал *Крылов*. (Д. Гранин) происходит на основании только грамматического принципа, т. к. придаточное определительное интонационно не отделяется от главной части. Наоборот, в предложении *Часов около пяти утра на скотном дворе экономии раздался звук трубы*. (В. Катаев) сочетание слов *часов около пяти утра* интонационно отделяется от остальной части предложения, но никак не обособляется.

Подчиненное положение занимает интонационный принцип и относительно смыслового принципа пунктуации. При сопоставлении предложений *Он быстро сунулся в какой-то темный переулочек и исчез — навсегда*. (М. Горький) и *Он быстро сунулся в какой-то темный переулочек и исчез навсегда*. кажется, что различие между ними создается только интонацией. На самом деле возможность различного интонирования определяется здесь заложенной в предложении возможностью по-разному организовать смысл его частей.

Интонация оказывается важной при пунктуационном оформлении бессоюзных предложений: при перечислительной интонации используется запятая, при пояснительной — двоеточие, при интонации обусловленности и противопоставления — тире. Напр.: *Океан с гулом ходил за стеной черными горами, вьюга крепко свистала в отяжелевших снастях, парход весь дрожал* (И. Бунин); *Ответить Миллер не*

успел: лодка вошла в буруны (К. Паустовский); *Он просил на праздник оставить дома — не оставили* (В. Распутин). С одной стороны, тип интонации сопровождается в бессоюзном предложении определенные смысловые отношения (т. е. можно говорить о том, что и в бессоюзном предложении интонационный принцип пунктуации выступает как сопровождение смыслового), однако, с другой стороны, в последнее время в бессоюзных предложениях отмечается усиление интонационного принципа при постановке знаков препинания: так, тире часто ставится и там, где правилами рекомендуется постановка двоеточия (напр.: *Паханов крепко держал капитана за локоть — капитан был еще слаб.* — К. Паустовский), — поскольку тире в подобных случаях подчеркивает паузу между частями сложного предложения, постановка этого знака отражает именно интонационную сторону высказывания.

Знаки пунктуации (тире и кавычки) могут использоваться для передачи такого компонента интонации, как **фразовое ударение** (см.).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ (см. Чередования фонем)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ (см. Традиционный принцип орфографии)

КАВЫЧКИ (« », “ ”) — парный знак препинания (см.), служащий для выделения условных имен собственных (названий произведений, газет, журналов, предприятий и т. п.), являющийся показателем чужого слова (безабзацной прямой речи, цитат и т. п.), а также выполняющий оценочно-стилистическую функцию: *Именно в это время он, по собственным словам, почувствовал, что «дух его вполне развился и он может творить».* Из-под пера его вылились: ряд глав «*Евгения Онегина*», сцены из «*Фауста*», «*Цыганы*» и ряд удивительных лирических произведений, между которыми достаточно назвать «*19 октября*», «*Я помню чудное мгновенье*», «*Подражания Корану*», «*Пророк*» и «*Андрей Шенья*» (Ф. Кони); *Часто и почти бессознательно повторяла она: «Пора, пора, давно пора!»* Что значило это отрывочное восклицание? (Ф. Достоевский); *Эти комментарии могут носить поясняющий, полемический или «разоблачающий» характер* (А. Шмелев). Кавычки иногда используются как средство графического выделения **фразового ударения** (см.): ср. *Итак, порядок слов выпадает как «организатор» предложения* (Н. Валгина).

В русском языке кавычки существуют в нескольких графических вариантах: «...» — так называемые «елочки», „...“; "...” и “...” — «лапки». Кавычки разного рисунка используются в тех случаях, если в начале и конце текста (прямой речи, цитаты) встречаются внутренние и внешние кавычки: «елочки» используются как внешние, а „лапки“ (или “лапки”) — как внутренние, напр.: *Автор статьи указывает, что «в золотой фонд мировой литературы вошли такие произведения русской классики, как “Война и мир”».* «Марровские», или «английские» кавычки (‘...’) используются для указания значения слова, напр.: *устар. кавыка — ‘каракуля’, ‘завитушка на письме’.*

Количество этих вариантов кавычек увеличится, если принять во внимание письмо других языков: ср. в хорватском »...« (внеш.) и >...< (внутр.); в финском ”...” (внеш.) и ’...’ (внутр.), в японском 「...」 (внеш.) и 『...』 (внутр.) и др.

КАЛЛИГРАФЁМА [от гр. καλλιγραφία (= *kalligraphia*) ‘красивый почерк, рисунок, стиль, чистописание’] — одно из **графических средств выразительности** (см.): шрифтовое изменение, выделение части текста при помощи использования курсива, подчеркивания, разрядки, цветового окрашивания, шрифта другой гарнитуры, кегля и т. п. См. также **супраграфемика**.

Каллиграфемы служат, как правило, графическим средством передачи **логического ударения** (см. **Фразовое ударение**). Исследователи отмечают, что средний читатель воспринимает текст, набранный обычным шрифтом, быстрее, чем текст, выделенный при помощи шрифтовых изменений. Поэтому шрифтовые выделения служат сигналом паузы, небольшого замедления восприятия.

При помощи шрифтовых изменений (как правило, курсива) нередко выделяют такие элементы текста, которые являются для него инородными: эпиграфы, поэтические вставки, цитаты, слова другого языка и т. п.

Напр.: «Разве вы *бьете* своих детей, моя милая? — спросила бабушка, значительно поднимая брови и делая особенное ударение на слово *бьете*» (Л. Толстой); в книге для детей слова, обозначающие цвета радуги, напечатаны соответствующей краской: *Красный, жёлтый, синий цвет* — / *А дождя-то больше нет!* и т. д.

КИРЙЛЛИЦА [от имени собств. *Кирилл*, ср. ст.-сл. *кѣрилѣ* < др.-гр. *Κύριλλος*] — наряду с **глаголицей** (см.) одна из двух древнейших

славянских азбук, использовавшихся в канонических старославянских памятниках (см. **Старославянский язык**), а также любой алфавит, так или иначе являющийся дальнейшим развитием или преобразованием древней кириллицы.

Несмотря на название, в настоящее время более или менее общепринятым является мнение, согласно которому св. Кирилл (в миру — Константин) был создателем глаголицы, а позднее в значительной степени на ее основе в Болгарии возникла кириллица. Ее появление и начало широкого распространения, в том числе замена ею глаголицы, очевидно, относится к деятельности учеников свв. Кирилла и Мефодия в Болгарии, где в конце IX в. сложились благоприятные условия для развития старославянской письменности. Есть основания считать, что название «кириллица» (**коуриловица**, как написано в одном древнерусском тексте) сначала относилось не к кириллице, а к глаголице.

Первоначальная кириллица по количеству букв, их порядку в алфавите и звуковому значению в основном совпадала с глаголицей, но резко отличается по начертаниям букв (ср. соответственно кириллические и глаголические буквы: **а** — **ѿ**, **б** — **ѡ**, **в** — **ѣ**, **г** — **ѥ** и т. д.).

По начертанию кириллица представляла собой греко-византийский **устав (уставное письмо)** (см.), дополненный буквами глаголицы, которые были введены Кириллом специально для передачи славянских фонем, не имевших соответствий в греческом языке. Постепенно эти дополнительные глаголические буквы были стилизованы под греческое уставное письмо. Так, древнеславянское /**вогъ**/ нельзя было записать, используя только греческие буквы, поскольку в греческом языке не было фонем /**b**/ и /**ъ**/ (см. **Ер**) и соответствующих букв, поэтому к греческим уставным буквам добавлялись глаголические: /**вогъ**/ → **ѡѡѡѡ** (глаголица) → **ѡогѡ** (первоначальная кириллица) → **богъ** (стилизованная кириллица). Замена глаголицы кириллицей была проведена в Болгарии, т. к. именно там существовала традиция употребления греческого письма без его приспособления к строю славянской речи. Вместе с тем глаголица и кириллица долгое время оставались равноправными.

В отличие от глаголицы, которая была искусственно созданным алфавитом, кириллица — это исторически сложившийся алфавит, представлявший собой приспособление греческого письма к звуковому строю славянской речи под сильным влиянием глаголицы.

КЛИНОПИСЬ — форма письма, в которой графические знаки по своему начертанию представляют собой комбинацию клинообразных штрихов. Тексты, записанные клинописью, дошли до нас на глиняных табличках, на которые клинописные письменные знаки наносились, когда глина была еще мягкой, специальными палочками, чем и объясняется особая форма штрихов. Древнейшей известной системой письма была шумерская клинопись (самая ранняя табличка датируется 3500 г. до н. э.). К ней восходят более поздние клинописные системы. По **типу письма** (см.) клинописные системы являются словесно-слоговыми (см. **Словесное письмо**). Ср. знаки ассирийской клинописи, передающие ассоциативно связанные друг с другом понятия — **идеограммы** (см.) или **логограммы** (см.): 'солнце, день', 'зерно, знак', 'пахать'.

КЛИТИКА [др.-гр. κλίνω (= *kliно*) 'клоню, наклоняю'] — акцентно несамостоятельная словоформа, которая без объединения с другой словоформой не может составить **фонетическое слово** (см.) и примыкает к предшествующей или последующей ударной словоформе, образуя вместе с ней одно фонетическое слово. В первом случае, когда клитики примыкают к предшествующему слову, они называются **энклитиками**, во втором — **проклитиками**. В русском языке энклитиками являются частицы *же, ли, бы, -ка*, проклитиками — союзы *и, но*, предлоги — *на, за, по*. Энклитики *же, ли* всегда занимают положение после первого ударного слова простого предложения или части сложного (ср. *Он же ничего не знал. — Не знал же ничего он. — Ничего же он не знал. — Знал ли он это? — Он ли это сказал? — Это ли он сказал?*). Предлоги в русском языке иногда могут становиться ударными и составлять вместе с некоторыми существительным одно фонетическое слово (*на́ год, за́ бороду, по́ полю* и т. п.). Подобная оттяжка ударения на предлог не является продуктивной в современном языке и постепенно сходит на нет, сохраняясь главным образом в устойчивых оборотах (ср. *схватился за́ голову, но положи́ть ру́ку за го́лову; нечи́ст на́ руку, но наложи́ть повя́зку на ру́ку*).

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ — то же, что **традиционный принцип орфографии** (см.). Термин не представляется удачным и широко не используется, поскольку консерватизм является характерной особенностью не столько **орфографии** (см.) как таковой (см. также **Тип письма**), сколько **письма** и **письменности** в целом.

КОНСОНАНТНО-ВОКАЛИЧЕСКОЕ ПИСЬМО́ (см. **Буквенно-звуковое письмо**)

КОНСОНАНТНОЕ (КОНСОНАНТНО-ЗВУКОВОЕ) ПИСЬМО́ — выделяемая некоторыми лингвистами разновидность, наряду с консонантно-вокалическим, **буквенно-звукового письма** (см.). Предполагается, что в консонантном письме буквами алфавита обозначаются только согласные фонемы, а гласные не находят специального выражения. Долгое время считалось, что таким было финикийское алфавитное письмо XII–X вв. до н. э., к которому восходят почти все известные системы буквенно-звукового письма. Согласно этому подходу консонантно-вокалическое письмо, в котором графическими знаками обозначены как согласные, так и гласные фонемы, впервые появилось в IX–VIII вв. до н. э. у греков, которые заимствовали финикийский алфавит и добавили к нему буквы, передающие гласные. Однако, согласно современным представлениям, финикийское алфавитное письмо было слоговым (см. **Слоговое письмо**), в котором обозначались и согласные, и гласные фонемы. Финикийское алфавитное письмо восходит к семитскому письму Финикии, Сирии и Палестины, в свою очередь, являвшемуся продолжением древнеегипетского иероглифического словесно-слогового письма, в котором наряду с иероглифами имелись фонетические знаки, обозначавшие слоги. Греки же, заимствовав финикийский алфавит, стали использовать систематически те графические средства для обозначения гласных, которые в разных семитских системах использовались факультативно. Таким образом, консонантное письмо следует, по-видимому, рассматривать как слоговое письмо с факультативным обозначением гласных.

КОНТА́КТ [лат. *contactus* ‘прикосновение’] — слитное написание. Понятие, тесно связанное с понятиями **дефиса** (см.) и **пробела** (см.), т. е. выбор между пробелом, дефисом и контактом определяет выбор раздельного, полуслитного (дефисного) и слитного (контактного) написания. В лингвистике термин «контакт» широко используется также при изучении взаимовлияния языков (ср. **языковые контакты**). Языковые контакты могут отражаться в сфере письма и письменности.

КО́СВЕННО ПРОВЕРЯЕМЫЕ ПРОИЗНОШЕНИЕМ НАПИСА́НИЯ — то же, что **Проверяемые написания** (см.).

КРА́СНАЯ СТРОКА́ — отступ вправо в начале строки печатного или рукописного текста (см. **Абзац**).

КРА́ТКА (*устар.* **КРА́ТКАЯ**) (\sim) — надстрочный знак в виде дужки, который ставится над буквой и для указания на ее неслоговой характер. Заимствован из греческого письма, где обозначал краткость гласного: ср. гр. $\acute{\alpha}$, $\acute{\iota}$, $\acute{\upsilon}$ (краткие) — $\bar{\alpha}$, $\bar{\iota}$, $\bar{\upsilon}$ (долгие). Со 2-й пол. XIV в. кратка \sim над гласной буквой (**ю**, **ё**, **й** и т. п.) указывала на йот, предшествующий этой гласной (ср. **своѧ** /svoja/), но со временем закрепились только над **и** (ср. **своѧ** /svoj/), став элементом новой буквы **й** (и с краткой), обозначавшей фонему /j/. Древнерусское название этого знака — «чаша» или «чашка». В современном письме кратка является неотъемлемым элементом **буквы й** (см.). В белорусском письме наряду с буквой **й**, аналогичной русской **й**, имеется буква **ѣ** (бел. *у нескладбѣае* ‘у неслоговое’), которая обозначает неслоговой [ц]/[w] (ср. бел. *воўк* ‘волк’, *праўда* ‘правда’, *прыехаў у горад* ‘приехал в город’).

КСЕНОГРАФЁМИКА [от гр. $\xi\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ (= *xenos*) ‘чужой’ и $\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\omega$ (= *graphō*) ‘пишу’] — 1. Совокупность элементов иных знаковых систем — букв других алфавитов, **гетерограмм** (см.) и т. п., выступающих в качестве параграфических средств письма. 2. Раздел **параграфемики** (см.), изучающий такие знаки и средства.

Ксенографемы служат одним из средств графической выразительности (см. **Графические средства выразительности**). Их выразительные возможности нередко используются в художественных текстах, в особенности поэтических. См., напр., в стихотворении С. Марина (1776–1813): *Искусства ратного Суворов госп-1/ В Италию вступивши лишь е-2; / Разбил французов вне и замешал вну-3: / В Париже будем мы как дважды два — 4*. Цифры и математические символы часто присутствуют в текстах А. Кондратова (1937–1993) — лингвиста и поэта, принадлежавшего к так называемой филологической школе: *100-ю на острове +совском / совсем 1... Но торо+ь / Гу100ю ночью авгу100вской / Упьюсь — и в листьях уто+ь*. Фрагмент поэмы В. Маяковского «Война и миръ», написанной в 1915–1916 гг., представляет собой нотную запись: в части I даны ноты аргентинского танго, популярного в эту эпоху.

Гетерограммы могут служить внесловесными эквивалентами текста. Так, в одной из строф стихотворения А. Вознесенского «Нирвана» неалфавитные знаки, образующие визуальную рифму, легко

могут быть прочитаны, поскольку такое чтение (*параллельные и второго*) подсказано рифменными парами:

Над трамплином в небо смертельное,
как двуперстие на дорогу,
взвиты лыжины I I
словно путь Николая II

Двуплановость высказывания создается и благодаря включению в кириллический текст символов, имеющих сходное с буквами изображение, но нагруженных семантикой не буквенно-звукового, а иероглифического по своей природе знака: «П@УТИН@» (название компьютерного центра); «Бе\$ценный доллар» (название документального фильма) и т. п.

Инкрустация в кириллический текст элементов латиницы может преследовать разные цели:

а) включение латинских букв в названия фирм и товаров, рекламные слоганы служит символом новизны, модности называемого предмета, ориентированности его на молодежную аудиторию: *магазин «KONTEЙNER», салон красоты «МОЗАИКА»;*

б) выделение латиницей частей слова сигнализирует о том, что такие элементы могут быть прочитаны как самостоятельно значимые слова: *Федоров VIPендривается в Шереметьеве* (заглавие газетной статьи); *Человек — это существо любящее и призванное к любви. Иногда чужой язык помогает увидеть то, о чем умалчивает свой. В сердцевине русского слова... читается английское «love» — любовь. Об этом заповеди: возлюбить Бога всем сердцем и возлюбить ближнего как себя. Слово «человек» не только о человеческой любви, но еще и о любви языков, о любви латиницы и кириллицы, поскольку здесь наглядно представлена графика их сплетения* (М. Эпштейн). (Приведем пример неосмысленного и потому неудачного применения этого приема: в названии стоматологической клиники «БЕЛОЗУБOFF» графически маркирован элемент *off*, который может быть прочитан не только как русский суффикс фамилии в его англоязыченном произношении, но и как широко используемое английское слово, употребляемое в качестве наречия для указания на удаление, отсутствие чего-л. Ср. реализацию того же приема в названии пьесы М. Угарова «Облом off», где *off* удачно прочитывается как сленговый глагол в значениях 'прекращать' и 'убить, укокошить, ликвидировать'.)

в) иноязычное графическое оформление отдельных букв, целых слов или фрагментов текста подчеркивает инородность называемых ими явлений, принадлежность их к иной, чуждой культуре: «Живой словарь *иностранных слов*» (заглавие лексикографического пособия С. Жуковского); *Компания такая: я, т. е. Алекс, и три моих druga, т. е. Пит, Джорджик и Тем, причем Тем был и в самом деле парень темный, в смысле glupyi, а сидели мы в молочном баре «Korova», шевели mozgoi насчет того, куда бы убить вечер* (Энтони Бёрджесс. Заводной апельсин / перевод В. Бошняка) — Ср. оригинальный текст романа: *There was me, that is Alex, and my three droogs, that is Pete, Georgie, and Dim, dim being really dim, and we sat in the Korova Milkbar making up rassoodocks what to do with the evening* (трудность перевода состояла в том, чтобы для русскоязычного читателя эти слова выглядели столь же непривычно, как и для англоязычного);

г) в художественном тексте включение элементов иноязычного алфавита может быть и способом передачи особенностей речи персонажа: *...заявила, глотая твердое «л»: — Я соврава пану (Б. Акунин); ...лягушка Самсон... вывалил свой слишком длинный язык... и тут внезапно хлопнула дверь... <...> Самсон торчал у закрытых дверей, высунув язык, причем язык его простирался по обе стороны закрытых дверей... дядя Сережа... спросил... сколько время... <...> ...Самсон... залопотал языком... — Без пятаhathцathi пятаhathцathi (без пятнадцати и т. д.)* (Л. Петрушевская).

ЛАТИ́НИЦА [от латинский (язык) < лат. *lingua latina*] — латинский алфавит, которым пользовались говорившие на латинском языке древние римляне. Латиница является одним из ответвлений греческого алфавита, хотя существуют и другие гипотезы. Очевидная связь латинского алфавита с греческим объясняет сходство ряда букв латиницы и **кириллицы** (см.), которая тоже восходит к греческому алфавиту. Это сходство особенно ярко выражено в современном типографском латинском шрифте и кириллическом гражданском шрифте, который по начертанию является стилизацией шрифта антиква (см. **Гражданский шрифт**).

Собственно латинский алфавит, состоявший из 24 букв, сложился в IV–III вв. до н. э. В течение длительного времени состав, начертания и функции букв латиницы стихийно менялись (буква **w** появилась в XI в., буквы **j** и **u** — в XVI в.).

На основе латиницы созданы алфавиты многих других языков. В случае необходимости латиница приспособлялась к фонологическим системам других языков в первую очередь посредством использования **диакритических знаков** (см.) или **диграфов** (см.): ср. буквы с надстрочными знаками в чешском (č, š, ř, ě, ů, á, é, í), с надстрочными (ż, ć, ś, ź, ń) и подстрочными (ą, ę) знаками в польском языке и т. п.

В связи с широкой распространенностью латиницы в языках мира периодически возникали идеи перевода языков, пользующихся другими алфавитами, а также и неалфавитными системами письма, на латинский алфавит. В 1920-е гг. в рамках проекта латинизации письменностей народов СССР выдвигалась и даже начала разрабатываться на государственном уровне идея латинизации и русского письма, однако в 1930 г. эта работа была прекращена.

ЛÉКСИКО-МОРФОЛОГІЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОРФОГРА́ФИИ — принцип современной русской орфографии, регулирующий слитное, полуслитное (дефисное) и раздельное написание знаменательных и служебных слов, а также словосочетаний русского языка. В самом общем виде принцип этот прост: слова пишутся отдельно друг от друга (*с начала года, мало известен*), а морфемы — слитно (*сначала женщины с детьми, малоизвестен*) или через дефис (*порусски, русско-английский*). Сложность заключается в том, что в некоторых случаях непросто отличить морфемы от служебных слов (ср. **непросто отличить** [т.е.] сложно, трудно отличить' и **не просто, а сложно отличить**), а сложные слова — от сочетаний слов (**тяжелораненый солдат** и **тяжело раненный в голову солдат**). Кроме того, посредством сложных правил орфографии разграничиваются слитные и дефисные написания.

ЛИГАТУ́РА [из лат. *ligatura* 'связка, пучок'] — графический знак (буква алфавита или символ фонетической транскрипции), образованный соединением, спайкой двух букв в одно целое (ср. дат., исл., норв. æ ← а + е; ст.-сл. (глаголица) ѿ ← ш + ѿ, ѿ ← э + в; ст.-сл. (кириллица) ѡ ← ш + т, ѣ ← о + ѣ; серб. и мак. љ ← л + љ, њ ← н + њ (в современной сербской и македонской кириллице буква њ уже отсутствует); символы **международного фонетического алфавита** (см.) tʃ ← t+f, dz ← d+z и т. п.). Лигатуры возникают из **диграфов** (см.), которые обычно не включаются в алфавит (ни оу, ни шт, ни ты не входили как отдельные буквы в состав древних азбук). Исходные

элементы лигатуры, приспособляясь друг к другу, могут частично менять начертания, свойственные исходным буквам, а иногда буквы, образовывавшие лигатуры, могут выпадать из алфавита. Обычно в современных системах письма графические знаки лигатурного происхождения являются уже самостоятельными буквами алфавита. Так, современная русская буква **щ** — лигатурного происхождения: ср. ст.-сл. кир. диграф **штѣ** → ст.-сл. и др.-рус. **ѡ** → рус. **щ**. В средневековой письменности лигатуры использовались для экономии места и ускорения письма, а также, возможно, для более строгого соблюдения принципа «одна буква — одна фонема». В славянском письме (у южных славян с XIII в., а у восточных славян с XV в. — в эпоху второго южнославянского влияния) лигатуры как средство украшения текста получили широкое распространение в **вязи** (см.) — особом кириллическом декоративном письме, когда строка связывается в непрерывный орнамент.

ЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ПУНКТУАЦИИ — то же, что **Смысловый принцип пунктуации** (см.).

ЛОГИЧЕСКОЕ УДАРЕНИЕ — см. **Фразовое ударение**.

ЛОГОГРАММА [от гр. λόγος (= *logos*) ‘слово’ и γράφω (= *graphō*) ‘пишу’] — графическое средство для обозначения слов или семантически связанных друг с другом нескольких слов конкретного языка — основная единица **словесного письма** (см.), или **логографии** (см.).

ЛОГОГРАФИЯ (см. также **Словесное письмо**) — тип письма (см.), в котором основной графической единицей является знак, обозначающий слово или несколько семантически связанных слов, — **логограмма** (см.; см. также **Идеограмма**, **Иероглиф**).

МАЛЕНЬКАЯ БУКВА — то же, что строчная буква (см. **Прописная и строчная буквы**).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНЕТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ (МФА) — разработанная Международной фонетической ассоциацией в 1886 г. и постоянно совершенствующаяся универсальная система символов для транскрибирования звуков различных языков. В основе МФА лежит фонологический принцип: в нем представлены сим-

волы только для таких звуков, которые хотя бы в одном известном языке используются как самостоятельные фонемы. В основном МФА (а это более 100 символов для согласных и гласных) создан на базе **букв** (см.), отчасти — букв греческого алфавита. Кроме того, МФА имеет более 50 **диакритических знаков** (см.).

МФА, будучи универсальным, полезен в общей фонетике как база для сравнения фонетических реализаций (аллофонов) фонем в разных языках. Он создавался с опорой на английский, французский и немецкий языки, но не всегда оказывается удобен для других языков. На основе МФА создаются изводы для отдельных языков. Напр., для русского языка транскрипция МФА видоизменена для обозначения мягких согласных: в отечественной традиции — запятая справа и сверху от согласного [t'] (в МФА — [tʰ]). Иначе в русской фонетике обычно обозначаются шипящие — [čʲ], [š], [ž]; в МФА для них используются соответственно [t͡ɕ] или [t͡ʃ], [s̺], [z̺]: ср. *ча́шки* [čáškʲi] и МФА [ˈt͡ɕaʂkʲi]). В российской средней школе символами МФА иногда пользуются при изучении иностранных языков.

МЕТАГРАФЁМИКА [от гр. μετά- (= *mathā*) ‘между, после, через’ и γράφω (= *graphō*) ‘пишу’] — то же, что **параграфемика** (см.).

МНОГОТÓЧИЕ (...) — одиночный отделяющий знак препинания, обозначающий паузу или незаконченность высказывания, которые вызваны перерывом в изложении мысли, волнением говорящего, внешними помехами, а также подчеркивающий некоторую недосказанность, открытость финала или отмечающий пропуск в цитате. Напр.: *В этом было что-то южное, напоминающее Севастополь, Керчь... Анапу. Это было особенно нестерпимо* (И. Бунин); — *Вы... вы уходите?... Как вы смеете! Пойдите ко мне, дайте мне руку... Это... Все это... так... так интересно... Я... я даже не знаю, как вас зовут* (Е. Шварц); *Вместе с цветами, с птицами прилетали сладкие, сладкие звуки... Женские голоса чудились в них...* (И. Тургенев). Многоточие может ставиться и в конце предложения, и в его начале, и в середине. Поставленное автором в начале произведения многоточие указывает на некий предтекст: *...И небо за окном светлеет, и Елистратов устает страдать* (А. Дмитриев). Завершающее художественное произведение многоточие обозначает открытый финал произведения, т. е. возможность его продолжения, или, как в стихотворениях в прозе И. Тургенева, это знак задумчивости: *Да... Смерть нас примирила...*

Парное многоточие, по мнению Б. С. Шварцкопфа (см. его работу «Современная русская пунктуация: система и ее функционирование». М., 1988), является выделяющим знаком препинания, который служит для оформления вставных конструкций: *Но вдруг тема, едва помеченная и лишь начавшая развиваться, прорезывается... как бы это объяснить... какой-то музыкальной царяпиной, раскалывающей ее затем сверху донизу* (М. Осоргин).

Многоточие сравнительно молодой знак препинания, он появляется в текстах XVIII в., а кодифицирован в грамматике А. Х. Востокова (1831), где назван «знаком пресекательным», который ставится, «когда речь бывает прервана».

МОРФЕМАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ (см. Морфологический принцип орфографии)

МОРФЕМНЫЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ (см. Морфологический принцип орфографии)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ — орфографический принцип, в соответствии с которым находящиеся в слабой позиции фонемы, участвующие в живых фонетических чередованиях, передаются — в целях большего графического единообразия морфем — не теми буквами, которыми эти фонемы должны быть обозначены в соответствии с **главными значениями букв** (см.), а буквами, предназначенными в графике для передачи чередующихся с ними фонем в сильной позиции: не ****вада** /vadá/, ****вот** /vot/, а **вода**, **вод**, т. к. **воду**. В случаях, где возможен выбор, буква для обозначения фонемы в какой-либо морфеме выбирается на основании проверки по сильной позиции фонемы, если проверка в принципе возможна. Соответственно, обе чередующиеся фонемы обозначены одной буквой — той, которая по правилам графики предназначается для передачи фонемы, находящейся в сильной позиции: **вол** /vol/ → **волы** /valý/, **пруды** /prudý/ → **пруд** /prut/. Принцип проверки по сильной позиции распространяется не только на слабые позиции, где имеется чередование фонем, но и на те, где чередования фонем нет (т. е. где в сильной и в слабой позиции представлена одна и та же фонема), но могло бы быть, т. к. фонетические условия те же, что и в случаях с чередованием фонем: ср. **вал** → **валы**, где чередуются ударное /a/ и безударное /a/ (т. е., строго говоря, чередование фонем отсут-

ствует: это чередование аллофонов, а не фонем), а безударное /a/ согласно морфологическому принципу передается буквой **а** по сильной позиции. То же самое в случае *прута* /prutá/ → *прут* /prut/. В случаях же, где чередования фонем невозможны даже теоретически и, соответственно, невозможна проверка по сильной позиции, морфологический принцип не применим. Напр., в слове *вокзал* /vagzá/ написание букв **о** и **к** для обозначения фонем в слабой позиции (/a/ в безударной позиции, /g/ — перед звонким шумным согласным /z/) определяется **традиционным принципом орфографии** (см.). Таким образом, и морфологический, и традиционный принципы орфографии обеспечивают единообразие в написании морфем. Им противостоит **фонетический принцип орфографии** (см.), который ограниченно действует в русской орфографии в тех случаях, где теоретически возможно применение морфологического принципа, но по правилам русской орфографии не применяется, напр. в приставках на -з-: ср. *разлить* /razl'it' / (сильная позиция /z/) — *разбить* /razb'it' / (слабая позиция /z/) — *распить* /rasp'it' / (слабая позиция /s/). Во всех трех случаях для /a/ в приставке слабая позиция, которую можно проверить по сильной (ср. *рб́злив*, *рб́спить*). В соответствии с морфологическим принципом приставку *роз-* следовало бы писать **розлить*, **розбить*, **розпить*. Точно так же написания по морфологическому принципу можно перевести на фонетический принцип орфографии и, соответственно, писать не *вода*, *вод*, а **вада*, **вот*.

В связи с особым пониманием **фонемы** (см.) в Московской фонологической школе некоторые ее представители вместо термина «морфологический принцип» используют термин **фонематический принцип орфографии**. Это связано с тем, что, напр., в словоформах *вода* [vdá], *вод* [vót] они усматривают последовательность фонем <вода>, <вод>, и, соответственно, написания букв **о** и **д** понимаются как адекватнофонемные. Таким образом, для того принципа, который другие лингвисты называют фонетическим (или фонематическим), остается название **фонетический принцип орфографии** (см.).

МОРФОЛОГО-ГРАФИЧЕСКИХ АНАЛОГИЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ — орфографический принцип, в соответствии с которым графически единообразно оформляются написания слов, принадлежащих к одной грамматической категории. Действие этого принципа проявляется в написании буквы **ь** после шипящих на конце существительных ж. р. 3-го скл., глаголов в форме инф. и повел. накл.,

а также наречий: напр., *рожь*, *вещь*, *ночь* — как *тень*, *дверь*; *режь*, *утешишь*, *не плачь* — как *брось*, *приготовь*; *бережь* — как *тереть*; *наотмашишь*, *вскачь* — как *впрячь*, *вглубь* и др.

Морфолого-графическая аналогия в этих случаях возможна потому, что буква **ь** после непарных по твердости/мягкости шипящих не имеет фонетического значения и не обозначает какую-либо морфему. Написание **ь** нельзя считать проявлением действия **традиционного принципа орфографии** (см.), как это имеет место в случаях типа *идеишь*, *ходишь*, где **ь** пишется исключительно в силу традиции, без какой-либо опоры на произношение или морфологическую аналогию, и его написание нужно просто заучивать (в этом смысле написание **ь** в омонимичных формах ед. ч. повел. накл. *еишь* и в 2 л. ед. наст. вр. *еишь* определяются разными принципами орфографии), хотя само по себе единообразие в написании **ь** в окончании 2 л. ед. глаголов наст. вр., разумеется, вписывается в общую «морфологическую» стратегию русской орфографии. Кроме того, с **ь** пишутся и новые заимствованные слова ж. р., относящиеся к 3-му скл. (*бриошь*, *ретушь* и т. п.).

Единообразие в написании слов, принадлежащих к одной и той же грамматической категории, по выражению Л. В. Щербы, «имеет значение смысловое» — написание буквы **ь** выполняет функцию грамматического сигнала: **ь** сигнализирует о принадлежности слова *тушь* к ж. р. (тогда как слово *туш* — сущ. м. р.); формы *плачь* — к повелительному наклонению глагола (тогда как слово *плач* — сущ. м. р.); слов *наотмашишь*, *вскачь* — к категории наречий и т. п.

Иногда этот принцип орфографии называют **идеографическим** (определение Л. В. Щербы: т. к. «знаки ассоциируются непосредственно со смыслом, минуя звук»), **иероглифическим**, **смысловым**, **грамматическим** или **граммематическим**. Некоторые лингвисты считают написание такого рода одним из проявлений **дифференцирующего (дифференцировочного) принципа** орфографии (см. Дифференцирующие написание).

МФА (см. Международный фонетический алфавит)

НАЗВАНИЯ БУКВ — одна из характеристик алфавита, наряду с составом, порядком, начертанием и, возможно, звуковым значением букв. Знание названий букв в большинстве случаев помогает при чтении **аббревиатур** (напр., МЧС: ср. нормативное /emʧéés/ и ненормативное /emʧaés/), хотя строгого правила ориентироваться на офици-

альное название буквы нет (ср. нормативные варианты *ФРГ* /feergé/ и /efergé/, и при этом наряду со знанием строгого алфавитного порядка букв является одним из важных показателей культуры речи. Названия некоторых букв имеют варианты, напр.: **й** — «и краткое» и «ий», **э** — «э» и «э оборотное». У буквы **л**, наряду с традиционным названием «эль», появился почти официальный вариант «эл», возникший в результате выравнивания нестандартного названия буквы «эль» (с мягкой финалью) по типу названий с твердой финалью («эн», «эм», «эс», «эр», «эф»). В то же время в просторечии имеют место попытки выровнять названия букв «эн», «эм», «эс», «эр», «эф» (а вместе с ними — и нового «эл») по типу названий букв «бэ», «вэ», «гэ», однако названия «лэ», «нэ», «мэ», «сэ», «рэ», «фэ» не являются нормативными.

Правописание названий букв официальными правилами русской орфографии строго не регламентировано: напр., при предпочтительном, подсказывающем произношение, написании *бэ, вэ, жэ, цэ* и т. п. встречаются (в том числе и в толковых словарях русского языка) написания *бе, ве, же, це* и т. п. Современные названия букв, за исключением твердого и мягкого знаков, являются несклоняемыми существительными среднего рода: ср. *прописное А, строчное б, написано лишнее н* и т. п. Нынешние названия букв (*а, бе/бэ, ве/вэ, ге/гэ* и т. д.) начали вводиться с середины XVIII в. по модели названий букв латинского алфавита и в XX в. полностью вытеснили старые (*азъ, буки, вьди, глаголь* и т. д. < ст.-сл. *азъ, воукы, вѣди*, глаголи и т. д.), восходившие к названиям букв в древнейших **глаголице** (см.) и **кириллице** (см.). Новые названия букв, обозначающих парные по твердости/мягкости согласные, отражают изменение в их произношении (*бе /bɛ/ > бэ /bɐ/* и т. п.). Некоторые из старых названий букв сохраняются в устойчивых выражениях: ср. *ни аза не знает* 'ничего не знает', *стоять фертот* 'стоять с самодовольным видом, оперев руки в бока' и т. п.

НАРУШЕНИЯ СЛОГОВОГО ПРИНЦИПА ГРАФИКИ — разновидность написаний, которые прямо нарушают **слоговой принцип графики** (см.) при обозначении твердости/мягкости парных по этому признаку согласных и фонемы /j/ перед гласными. Нарушения слогового принципа графики характерны для некоторых заимствований и сложносокращенных слов. К нарушениям слогового принципа русской графики относятся следующие типовые случаи:

- Написание **й** перед нейотированным гласным при обозначении /j/ в начале слова и после гласных в таких словах, как *йогурт, фойе* (вместо ***ёгурт, **фое*).
- Написание **о** после **ь** при обозначении /j/ после согласных в словах типа *бульон, каньон* (вместо ***бульён, **каньён*).
- Обозначение /j/ на стыке двух частей сложносокращенных слов, где /j/ обозначен так, как если бы это был стык самостоятельных слов: *минюст, стройуправление* (вместо ***минъюст, **строюправление*) и т. п.
- В таких же случаях при обозначении твердости/мягкости согласного: *госинспекция, пединститут* (вместо ***госынспекция, **педынститут*) и т. п.
- Написание **е** после твердых согласных, парных по твердости/мягкости, в заимствованиях: *тире, модель* (вместо ***тирэ, **модэль*) и др.
- Написание **е** после гласных и в начале слова при отсутствии /j/: *проект, пациент* (вместо ***проэкт, **пациэнт*).

НАЧЕРТАНИЯ БУКВ — одна из характеристик алфавита, наряду с составом, порядком, названием и, возможно, звуковым значением букв. Русские буквы представлены в четырех основных начертательных разновидностях: *рукописные строчные, рукописные прописные, печатные строчные* и *печатные прописные* (см. **Графема**). Прописные буквы называют также *большими* или *заглавными*, а строчные — *малыми*. Прописные и строчные буквы были введены в русское письмо вместе с гражданским шрифтом во время Петровской реформы азбуки 1708–1710 гг. (см. **Гражданский шрифт**). Употребление строчных и прописных букв определяется правилами орфографии.

По начертанию буквы современного русского алфавита отличаются простотой, редко выступают за пределы строки (печатные **ц, щ, у, б**, рукописные **з, д, ф, в, ѓ**), а использование **диакритических знаков** (см.) минимально (**ё, й, щ**). **Диграфов** (см.) и **лигатур** (см.) в современном русском письме нет, хотя в древней **кириллице** (см.) они имелись: ср. ст.-сл. и др.-рус. **оу** (и ее лигатурный вариант **ѡ**) → **у**, ст.-сл. и др.-рус. **чы** (и ее варианты **чи, ы**) → **ы** (после исчезновения варианта **и десятиричного** (см.) без точки **и**). Начертания некоторых букв принципиально изменились, особенно важные изменения произошли в связи с введением **гражданского шрифта** (см.). Так, н

(«наш») → **н/н**, н («и восьмеричное») → **и/и**, ц → **ц** → **ц/ц**, ʎ → **ч** → **ч/ч**, ѡ («юс малый») → **я/я** и т. п.

НЕАДЕКВАТНОФОНЕМНОЕ НАПИСАНИЕ — написание буквы (или буквосочетания) в словоформе, при котором фонема (или сочетание фонем), независимо от ее положения в сильной или слабой позиции, передается буквой (или сочетанием букв), не предназначенной для этой фонемы (сочетания фонем) в **графике** (см.). Неадекватнофонемные написания обусловлены не графикой, а орфографией. Так, буква **и**, которая имеет графическое значение /i/ (ср. *сидит* /s'i'dit/, или /'il'i/) или /ji/ (ср. *воробы* /vara'b'ji/), в словоформах *жил* или *цирк* обозначает фонему /ы/, что определено правилами орфографии (см. **Ограничения слогового принципа графики**). Неадекватнофонемными являются написания букв **я**, **г** и последнего **о** в словоформе *мясного* /m'i'snova/. Написания всех трех букв определяются правилами орфографии: **я** — **морфологическим принципом орфографии** (см.), **г** — иероглифически-традиционным, **о** — фонемно-традиционным (см. **Традиционный принцип орфографии**). В графике же они имеют совсем другие значения: **я** — /ja/ и /a/ (+ мягкость предшествующего согласного), **г** — /g/ и /g'/, **о** — /o/. Словоформу *мясного* можно записать и так, чтобы все написания были адекватнофонемными — «*миснова*» (см. **Адекватнофонемное написание**).

В том же значении, что и термин «неадекватнофонемное написание» (термин В. Ф. Ивановой), используется традиционный, но менее точный термин «нефонетическое написание».

НЕАЛФАВИТНЫЕ ЗНАКИ — символы письма, не являющиеся буквами (см. **Буква**, **Графема**) и, соответственно, не входящие в состав **алфавита** (см.), но играющие важную роль в создании текста и способствующие его правильному пониманию и восприятию. К неалфавитным (небуквенным) знакам письма относятся **знаки препинания** (см.), **пробел** (см.), **красная строка** (см.), **дефис** (см.), **слеш** (см.), **апостроф** (см.), **знак ударения** (см.), **идеограммы** (см.), **эмотиконы** (см.), **каллиграфемы** (см.).

НЕОГРАФИЯ [от гр. νέος (= *neos*) 'новый' и γράφω (= *graphō*) 'пишу'] — 1. Вспомогательная историко-филологическая дисциплина, в рамках которой ученые исследуют палеографическими методами (см. **Палеография**) тексты нового и новейшего времени; иногда рассматри-

вается как раздел палеографии, поскольку задачи палеографического и неографического анализа текста в значительной степени совпадают.

2. Раздел лексикографии, занимающийся научным описанием и представлением в словарях лексических и фразеологических неологизмов.
3. *устар.* Новый способ писать, нововведение в орфографии.

НЕПРОВЕРЯЕМЫЕ НАПИСАНИЯ (см. **Бесповерочные написания**)

НЕПРОИЗНОСИМЫЕ СОГЛАСНЫЕ — буквы согласных, в определенных сочетаниях (при стечении трех или более согласных) лишённые звукового значения, т. е. обозначающие ноль звука: *сердце* /sěrcə/ (ср. *сердец* /s'irděc/, *сердечный* /s'irděč'nyj/), *солнце* /sónca/ (ср. *солнечный* /sóln'ič'nyj/), *счастливый* /s':isl'ivyj/ (ср. *счастье* /s':ás't'ja/).

Обычно произносимыми являются согласные **д** и **т** в сочетаниях *стн*, *здн*, *рди*, *рдч*, *сти*, *зди*, *нтск*, *ндск* и согласные **в** и **л** в сочетаниях *вств* и *лнц*. В некоторых случаях наблюдается вариантность произношения: напр., в слове *костный* /kósnyj/ согласная **т** не произносится, а в словах *постлатъ*, *разостлатъ* произношение без /t/ не рекомендуется, возможно, для того чтобы избежать возникновения омофонов (ср. *послатъ*, *разослатъ*), хотя в случае *костный* омофоны появляются (ср. *косный*). В слове *чувство* есть произносимый согласный, а в слове *явственный* — нет, и в соответствии с литературной нормой следует произносить /f/. В петербургском литературном произношении (см. **Орфоэпия**), для которого было характерно в некоторых случаях так называемое побуквенное произношение, допускалось произнесение произносимых согласных: ср. *кост/лявий*, *пост/т/ный*, *сол/нце*, *чу/ф/ство* и др. Такие колебания в произношении приводили к гиперкорректному произнесению (см. **Гиперкорректные написания**) согласных в тех словах, где оно не обусловлено ни письмом, ни происхождением и историей слова (напр., слово *яства* часто произносят и даже пишут как *явства*, по аналогии с *чувства*).

Пропуск произносимых согласных на письме считается грубой орфографической ошибкой, поскольку при этом нарушается **морфологический принцип орфографии** (см.). Для проверки написания следует подобрать такую форму или родственное слово, в которых этот согласный отчетливо произносится, оказываясь, напр., перед гласным или **сонантом**, ср.: *поздний* — *опоздать*, *безмолвствовать* — *безмолвный*, *разостлатъ* — *растилать* и т. п., но: *ужасный* — *ужа-*

сен, властвовать — *власти, послать* — *посылать* и т. п. Однако такая проверка возможна лишь при условии, что проверяющему известно правильное литературное произношение проверочного слова: напр., *ужасен*, а не ***ужастен, **ужасть*. Трудность этой орфограммы заключается и в том, что в некоторых случаях помощь может оказать лишь этимологический анализ.

НЕФОНЕТИЧЕСКОЕ НАПИСАНИЕ — то же, что **Неадекватнофонемное написание** (см.).

ОГРАНИЧЕНИЯ СЛОВОВОГО ПРИНЦИПА ГРАФИКИ — разновидность написаний, на которые не распространяется **слоговой принцип графики** (см.). Ограничения касаются обозначения твердости/мягкости непарных по этому признаку согласных русского языка. Слоговой принцип русской графики применяется только при обозначении твердости/мягкости только парных по этому признаку согласных. Непарные согласные (твердые /ž/, /š/, /c/ и мягкие /č/, /š':/) не нуждаются в специальном указании на их фонетическую твердость или мягкость. Поэтому после таких согласных графика предоставляет выбор в употреблении йотированных и нейотированных гласных, а также мягкого знака. Напр., даже если написать после твердого **ш** йотированную букву **я** или **ь**, слова ***душя* и ***душь* будут прочитаны с твердым согласным /š/. Если же их прочтут с мягким [š'], то они не будут восприняты и поняты как слова русского литературного языка. Написание йотированных или нейотированных гласных (см. **Буквы йотированные**) после букв, обозначающих непарные по твердости/мягкости согласные, определяется, таким образом, не слоговым принципом графики, а правилами **орфографии** (см.), как это и положено в случае возможного выбора: после **ж, ш, щ, ч** и **ц** пишутся **а, у, е**, после шипящих **ж, ш, щ, ч** — только **и**, написания **и/ы** после **ц**, а также **ё/о** после всех непарных регулируются особыми орфографическими правилами. Тем самым все написания гласных после непарных по твердости/мягкости согласных, как бы противоречащие слоговому принципу русской графики (типа *лыжи, парашют, цирк, чудо, чаща* и т. п.), связаны с ограничением этого принципа, т. е. на них слоговой принцип не распространяется и, соответственно, они не являются его нарушением (см. **Нарушения слогового принципа графики**).

ОМОГЛИФЫ [от др.-гр. ὀμός (= *omos*) 'одинаковый' + фр. *glyphe* 'вырезанная черта' < гр. γλυφή (= *glyphē*) 'резьба'] — знаки, входящие

в графические системы разных языков или подсистемы одного письма и совпадающие (или похожие) по начертанию, но различающиеся значением. Напр., латинская буква **p** и **p** («эр») кириллицы; кириллическая буква **З** и арабская цифра **3**; римская цифра **I** и латинская буква **I**; заглавную кириллическую букву **Я** можно назвать зеркальным омоглифом **R** латиницы.

ОМОГРА́ММА [от др.-гр. ὁμός (= *omos*) ‘одинаковый’ и γράμμα (= *gramma*) ‘запись, письмо’] — текст, состоящий из двух частей, которые различаются лишь сегментацией, когда при одинаковой последовательности букв в них по-разному расставлены словоразделы и знаки препинания: *Азам учили, а замучили* (С. Федин); *Поэта путь мой — по этапу тьмой* (Д. Авалиани); *Да, в ноябре думал, осмысляя в ночи тайны небес: Давно я бреду, мало смысла явно. Читай ныне, бес!* (И. Чудасов). Также омограммой называют беспробельный текст (см. **Пробел**), предполагающий несколько вариантов сегментации: *НЕТУ-ЖИВЫХОДНАМЕСТЬ* (Д. Авалиани) — *Нету живых, одна месьть / Нету тужи! Выход нам есть*. В том же значении используются термины **пантограмма** (от гр. πᾶς ‘весь’, род. ед. παντός (= *pantos*) и **гетерограмма** (от гр. ἕτερος (= *eteros*) ‘другой’). Изредка омограммами называют слова, которые совпадают в написании, но различаются фонемным составом, т.е. термин «омограмма» используется как синоним термина «омограф» (см. **Омографы**).

ОМО́ГРАФЫ [от др.-гр. ὁμός (= *omos*) ‘одинаковый’ + γράφω (= *graphō*) ‘пишу’] — слова, совпадающие в написании, но различающиеся значением и произношением, в частности ударением: *átлас* и *атлác*, *набúхатъ* (воды в кастрюлю) и *набухáтъ* (от сырости). Омографы могут возникать в том числе и вследствие непоследовательного употребления буквы **ѐ**: *все* и *все* (= *всѐ*), *совершенный* и *совершенный* (= *совершѐнный*).

ОПÓРНЫЕ НАПИСА́НИЯ — тип обозначения фонем, при котором выбор буквы определяется **слоговым принципом графики** (см.) (с учетом его ограничений). По опорным написаниям в рамках действия **морфологического принципа орфографии** (см.) устанавливаются **проверяемые написания** (см.). Напр., в словоформах *вал*, *вол*, *вижу*, *увял* написания всех букв определяются графикой, и в них нет **орфограмм** (см.). В этом смысле все они потенциально являются

опорными, однако реально только написания **а**, **о**, **и** и **я** функционируют как опорные, т. к. по ним определяются написания букв **а**, **о** для обозначения фонемы /a/ в словоформах *валы́* /valý/ и *волы́* /valý/ и для обозначения фонемы /i/ в словоформах *увидал* /uv'ídál/ и *увядал* /uv'ídál/. Опорными обычно бывают адекватнофонемные (фонетические), т. е. соответствующие главным значениям букв написания, как в приведенных примерах *вал* /val/, *вол* /vol/, *вижу* /v'ížu/, *увял* /uv'ál/. Поэтому опорные написания иногда трактуются как написания, определяемые произношением. В принципе, неадекватнофонемное (нефонетическое) написание также может быть опорным, как и в словоформах *жил* /žyl/, *жив* /žyf/, которое является опорным при определении правильного написания в словоформах *жилá* /žylá/, *живо́й* /žyvój/. Опорные написания, которые не полностью определяются произношением, связаны с ограничением **слогового принципа графики** (см.). Так, написание **и** для обозначения фонемы /ы/ в слове *жил* частично определяется произношением (именно поэтому здесь не могут быть написаны буквы **а**, **о**, **е/ё**, **у**), а частично устанавливается орфографическим правилом, согласно которому для передачи /ы/ после **ж** и **ш** следует писать **и**, но не **ы**. Но при обозначении безударного гласного, чередующегося после шипящего с ударным /ы/ (*жилá*, *вы́шил*, *вы́шел*), написания **и** и **е** в словоформах *жил*, *шил*, *шел* и т. п. выступают как опорные.

ОРФОГРА́ММА [от гр. ὀρθός (= *orthos*) ‘правильный’ и γράμμα (= *gramma*) ‘буква’] — это правильное (нормативное) написание, регламентированное **правилами орфографии** (см.), в тех случаях, где правила графики и вообще исторически сложившаяся система письма допускают вариантную передачу соответствующей последовательности фонем и предоставляют пишущим выбор того или иного написания. Напр., современное русское письмо предполагает возможность обозначения фонемы /a/ в безударной позиции после твердых согласных буквами **а** или **о**: ср. *валы* и *волы*, *кампания* и *компания*, *карман* и *собака* и т. п. Фонема /t/ может обозначаться на конце слова буквами **т** и **д** (ср. *вот* и *вод*, *идет* и *вперед* и т. п.). Фонема /o/ под ударением после шипящих согласных может быть обозначена буквами **о**, **е** и **ё** (ср. *жолудь*, *жесткий* и *жёсткий*; *шов*, *шел* и *шёл*). Соответственно, выбор в каждом из этих слов той или иной буквы из ограниченного числа возможных определяется правилами орфографии, т. к. не связан с передачей фонологических различий. Коррелятивные

написания прописных и строчных букв тоже являются орфограммами и регулируются правилами орфографии: ср. нарицательное существительное *пески* и имя собственное *Пески* (исторический район Петербурга). К орфограммам относятся и написания, являющиеся результатом выбора между пробелом, его отсутствием и дефисом: ср. *нездоровый* и *не здоровый* (а большой); *нерешенные вопросы* и *не решенные* (мною) *вопросы*; *полдома* и *пол-дома*; *в четвертых* (классах) и *в-четвертых* (см. **Правила слитных, раздельных и дефисных (полуслитных) написаний**). Возможны словоформы, в которых нет орфограмм (ср. *дом*, *конь*, *мука* и т. п.), но встречаются и слова, в которых все буквы являются орфограммами. Таким, напр., является слово *еще*, звуковая оболочка которого состоит из 4 фонем (/jɨʂːó/) и которое, если учесть все теоретические возможности, предоставляемые русским письмом, может быть написано 168 способами (*еще*, *яще*, *ище*, *ещё*, *яще*, *ище*, *есче*, *есчѐ*, *езче*, *езчѐ*, *ешче* и т. д.). Из них только два — *еще* и *ещѐ* — являются орфографически правильными.

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ГИПЕРКОРРЕКТНОСТЬ (ГИПЕРКОРРЕКЦИЯ) [англ. *hypercorrection* < гр. ὑπέρ (= *hyper*) ‘сверх’ + лат. *correctus* ‘исправленный, правильный’] — применение правил орфографии вне пределов их действия, приводящее к появлению орфографических ошибок определенного типа — *гиперических* (см. **Гиперкорректные написания**).

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ЗОРКОСТЬ — способность, умение обнаруживать и классифицировать орфограммы, т. е. предвидеть в устном слове (перед его записью) и видеть в письменном слове точки применения орфографических правил. Орфографическая зоркость обладает сложной структурой, включающей мотивирующий, операционный и контролирующий компоненты, и формируется при обучении на основе сознательного отношения к письму.

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ РАН — экспертный орган, функционирующий при Отделении историко-филологических наук РАН и занимающийся вопросами упорядочения русского правописания и кодификации орфографических и пунктуационных норм. В задачи комиссии входит обсуждение актуальных вопросов русского правописания; оценка орфографических новаций и принятие решений по конкретным вопросам, связанным с орфографической

кодификацией и упорядочением письма; обсуждение и утверждение к печати очередных изданий правил орфографии и пунктуации и академического орфографического словаря; экспертная оценка словарей, справочных пособий и других нормативных источников по русскому языку с точки зрения их соответствия установленным нормам правописания. В состав комиссии входят известные ученые-русисты, авторы фундаментальных работ по теории и истории русского письма, специалисты по проблемам кодификации норм русского языка, представляющие наиболее авторитетные научные и образовательные учреждения России, а также учителя-словесники. Председателями комиссии в разные годы были такие крупные лингвисты, как Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, С. П. Обнорский, В. В. Виноградов и др.

Впервые была образована при Императорской Российской (Санкт-Петербургской) академии наук в 1904 г. под названием Комиссия по вопросу о русском правописании и на первом же заседании приняла решение о необходимости устранения из алфавита избыточных букв и разработки правил орфографии. Комиссия избрала из своих членов Орфографическую подкомиссию, в которую вошли выдающиеся ученые (Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, И. А. Бодуэн де Куртенэ и др.) и которая занималась вопросами реформирования собственно орфографии. «Постановления Орфографической подкомиссии по вопросу об упрощении русского правописания», включающие в себя 13 пунктов с комментарием и краткой исторической справкой к каждому из них, были приняты 11 (24) мая 1917 г. и уже 17 мая вошли в циркуляр Министерства народного просвещения при Временном правительстве, который предписывал введение нового письма «повсеместно» и «безотлагательно, с начала будущего учебного года». После Октябрьской революции новая орфография была утверждена декретами 1917 и 1918 годов.

В 1929 г. Орфографическая комиссия была создана при Главнауке (Главном управлении научными, научно-художественными и музейными учреждениями наркомпроса), а в 1930-е гг. она представила новый проект свода правил, ориентированный на их упрощение («Проект Главнауки») и не получивший одобрения.

В 1936–1954 гг. было разработано 11 проектов орфографического свода. Эта деятельность завершилась созданием «Правил русской орфографии и пунктуации», которые были в 1956 г. утверждены Президиумом Академии наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР.

Поскольку и этот свод полностью не разрешил всех вопросов, связанных с упорядочением норм правописания, в начале 1960-х гг. развернулась новая работа. Реформаторские предложения, опубликованные в 1964 г. в газете «Известия», вызвали бурный общественный протест. Прекращение обсуждения совпало со снятием Н. С. Хрущева, и любопытно, что проект 1964 г. и по сей день, полвека спустя, связывается в общественном сознании с идеей полнейшего волюнтаризма и научной необоснованности, тогда как на самом деле работа Орфографических комиссий 1930-х и 1960-х гг. породила целый ряд весьма ценных исследований, определяющих принципы построения русской орфографии.

В начале 1970-х гг. распоряжением Отделения литературы и языка АН была организована новая Орфографическая комиссия — при Институте русского языка АН СССР. Предложения этой комиссии, гораздо менее радикальные, были сформулированы в 1973 г. и переданы в Президиум АН СССР, однако не получили никакого отклика. Орфографическое строительство было законсервировано, приостановилось и обновление академического «Орфографического словаря русского языка» (последним дополненным было 13-е издание 1974 г., и до 1991 г. этот словарь переиздавался только в стереотипном виде; в 1991 г. появилось 29-е издание, исправленное и дополненное). Работа по усовершенствованию правил правописания возобновилась лишь спустя 15 лет, в 1988 г., когда в ИРЯ АН СССР была создана Орфографическая комиссия в новом составе (председатель Д. Н. Шмелев, затем Ю. Н. Караулов, затем В. В. Лопатин). Основным результатом ее работы стал проект новой редакции «Правил русской орфографии и пунктуации», подготовленный к 2000 г. и призванный заменить «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. Главными задачами новой редакции провозглашались следующие: сделать правила более подробными, восполнить некоторые упущения свода 1956 г., ввести новый материал и разработать принципы правописания новых слов. В 1999 г. был опубликован «Русский орфографический словарь», который по объему превосходил прежний более чем в полтора раза и впервые регламентировал написание множества новых слов, появившихся в русском языке в конце XX века.

Положения нового проекта бурно обсуждались в обществе. От части предложений, которые были подвергнуты наиболее резкой критике, авторы проекта в результате отказались. В 2006 г. были опубликованы одобренные Орфографической комиссией РАН «Правила

русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник». Подготовлен и орфографический словарь («Русский орфографический словарь», под ред. В. В. Лопатина, 1-е изд., М., 1999; 2-е изд., испр. и доп., М., 2005; 3-е изд., М., 2010; 4-е изд., испр. и доп., М., 2012), который является дополнением к правилам.

В 2015 г. председателем Орфографической комиссии РАН стал А. Д. Шмелев.

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ОШИБКА — ненормативное написание слова, противоречащее установленному правилу, напр.: **безшабашный*, **пишит*, **ветрянная мельница*, **нехочу* и т. п. Наряду с пунктуационными, орфографические ошибки являются нарушением норм письменной речи. Квалификация какого-либо написания как ошибочного нередко зависит от динамики орфографической нормы. Так, слово *идти* до 1956 г. писалось не с сочетанием букв *дт*, а с *тт* (*итти*); написание *розыскной* сохранялось как нормативное до выхода в 2005 г. «Русского орфографического словаря Российской академии наук», в котором был закреплен иной вариант — *разыскной* (для устранения не оговоренного в своде 1956 г. исключения из правила написания приставки *роз-/раз-*). Разумеется, в старых текстах написания *итти* или *розыскной* не должны рассматриваться как ошибочные. Вопреки орфографическим правилам пишутся исключения, однако они не противоречат нормам. Напр., вопреки общему правилу, согласно которому в корне слова после *ц* следует писать *и*, в некоторых словах пишется буква **ы**: *цыган*, *цыплёнок*, *на цыпочках*, *цыкнуть*, *цыц*. Не являются орфографическими ошибками написания, имеющие зафиксированные в современных орфографических словарях варианты: *фортепиано* и *фортетьяно*; *окей* и *о'кей*; *Интернет* и *интернет*. От орфографических ошибок, следует отличать, с одной стороны, намеренные отклонения от нормативного написания слова (ср. названия музыкальной группы «Аукц**Ы**он», газеты «Коммерсан**т**» и т. п.) (см. **Авторская орфография, Графон, Орфографический троп**), а с другой — случайные описки и опечатки, которые иногда внешне могут не отличаться от орфографических ошибок: напр., *вятрянка*, где имеет место один из распространенных типов описок — антиципация (предвосхищение) буквы следующего слога.

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ БУКВ (см. **Второстепенные значения букв**)

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ — справочные издания, содержащие алфавитный перечень слов в их нормативном написании и устанавливающие нормы передачи звукового облика слова на письме в соответствии с правилами орфографии, которые являются действующими в эпоху создания такого словаря. Правильное написание слова представлено во всех лексикографических пособиях, однако орфографические словари специально предназначены для упорядочения написания слов.

В России орфографические словари появились в начале XIX в., однако первым научно подготовленным изданием стал построенный в соответствии с «Правилами орфографии и пунктуации» 1956 г. «Орфографический словарь русского языка», созданный в Институте русского языка АН СССР (1-е изд. 1956 г.; 36-е изд. 2003 г.). В 1999 г. из печати вышел новый «Русский орфографический словарь», также подготовленный членами Орфографической комиссии Академии наук. Этот словарь в полтора раза больше по объему (содержит 160 тыс. слов), и в нем написание ряда слов было изменено (*деланая улыбка, неразлейвода, конно-гвардейский, гиперъядро, плеер* и т. п.) — в соответствии с положениями новой редакции правил орфографии, которые так и не были утверждены. Последующие издания «Русского орфографического словаря» (2-е изд., испр. и доп., М., 2005; 3-е изд., М., 2010; 4-е изд., испр. и доп., М., 2012) уже не содержат рекомендаций, противоречащих действующим правилам.

Существуют орфографические словари, посвященные отдельным проблемам правописания, напр.: «Полный словарь буквы Ъ» И. К. Ганна (Вильна, 1887); «Слитно или раздельно?» Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой (3-е изд., М., 2004); «Слова с удвоенными согласными» Н. П. Колесникова (Ростов н/Д., 1995); «Как правильно? С большой или с маленькой?» В. В. Лопатина, И. В. Нечаевой, Л. К. Чельцовой (М., 2005); «Этимологические тайны русской орфографии» Л. А. Глинкиной (Оренбург, 2001) и др.

ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ РАЗБОР — лингвистический анализ написания, предполагающий выявление **орфограмм** (см.), соотнесение их с **правилами орфографии** (см.) и орфографическими принципами (см. **Принцип орфографии**). Опирается на фонетический, морфемный, словообразовательный и морфологический разборы. Орфографический разбор призван не только показать, какие трудности вызы-

вает написание слова, но и объяснить, чем обусловлен выбор верного написания.

ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ ТРОП — одно из **графических средств выразительности** (см.): стилистически значимое нарушение орфографической нормы, напр.: *Моя соседка учится играть на пианино по самоучителю, и на мою голову сыплются **фальшивые** звуки* (у «фальшивых» звуков — фальшивое написание). Орфографический троп обнажает отношение пишущего к называемому: *Рыжий... любил упомянуть шокирующую деталь собственного быта — чаще всего выдуманную или утрированную — в кругу людей **эскюства** — форма **эскюства** в этом тексте Д. Быкова символизирует манерность и претенциозность; *графский-то титул и сделал из Толстого **великого-писателя-земли-русской*** — дефисным написанием В. Набоков превращает хрестоматийную оценку Л. Толстого (из письма И. Тургенева 1883 г.: «Друг мой, великий писатель земли русской, внимлите моей просьбе...») в единую номинацию с иронической оценкой и т. п. (также см. **Авторская орфография; Графон; Орфографическая ошибка**).*

ОРФОГРАФИЯ [из лат. *orthographia* ‘правописание’, от гр. ὀρθός (= *orthós*) ‘правильный’ и γράφω (= *graphō*) ‘пишу’] — 1. Аспект письма (наряду с **типом письма** (см.), **алфавитом** (см.) и **графикой** (см.)), в котором определяются общие принципы и конкретные правила, обеспечивающие единообразие написания слов и морфем в тех случаях, где у пишущего существует выбор в рамках возможностей, предоставляемых графикой. 2. Исторически сложившаяся система обозначения на письме словоформ конкретного языка, принятая и используемая его носителями. 3. Раздел лингвистики, изучающий орфографию в первом и втором значениях. Как аспект письма орфография определяет принципы и правила написания конкретных морфем, словоформ и словосочетаний. Этим она отличается от графики, устанавливающей соотношение букв алфавита с системой фонем в целом, вне связи с конкретными словоформами. Важнейшим понятием орфографии является **орфограмма** (см.).

Русская орфография как система правил распадается на пять разделов:

- 1) правила передачи звуков (фонем) буквами в составе слов и морфем;
- 2) **правила слитных, отдельных и дефисных (полуслитных) написаний** (см.);

- 3) **правила употребления прописных и строчных букв** (см.);
- 4) **правила переноса** (см.) слова;
- 5) **правила графического сокращения слов** (см. **Правила сокращения слов**);

К сфере орфографии относится, кроме того, передача средствами русской графики заимствованных слов (см. **Транскрипция**², **Транслитерация**).

Поскольку русское письмо является буквенно-звуковым (см. **Тип письма**), центральную и наиболее обширную часть орфографии составляют правила выбора буквы для обозначения той или иной **фонемы** (см.). Письменная передача фонем не всегда вызывает затруднения у пишущего; напр., едва ли кто-то будет сомневаться в том, как писать слова *кран*, *пол* или *сразу*. В этих случаях правила орфографии не нужны — здесь руководствуются правилами **алфавита** (см.) и **графики** (см.). А вот написание наречия *еще/ещё* имеет множество вариантов, каждый из которых верно передает его фонемный состав /jɨʃːo/: *ещо*, *есче*, *есчо*, *естче*, *естчо*, *яще*, *яцо*, *яшче*, *яшчо*, *исче*, *истче*, *ище*, *ицо*, *исчо* и др. Выбор верного, принятого в современном обществе варианта написания и определяется орфографическими правилами.

ОРФОЭПИЯ [от гр. ὀρθός (= *orthós*) ‘правильный’ и гр. ἔπος (= *epos*) ‘речь’] — 1. Специальный раздел языкознания, изучающий вариативность литературного произношения и на основании этого изучения разрабатывающий произносительные рекомендации. 2. Совокупность произносительных правил и норм литературной устной речи. Соответствующее нормам литературного языка произношение называют орфоэпическим. Принципы и правила письма, его графики и орфографии опираются исключительно на орфоэпическое произношение. Так, в словоформе *плачу́* написание корневого **а** является **орфограммой** (см.): выбор буквы **а**, а не **о** определяется в соответствии с **морфологическим принципом орфографии** (см.) тем, что под ударением в том же корне пишется **а** (*плáтишь*). Проверка приведет к правильному написанию только в том случае, если мы ориентируемся на орфоэпическое произношение *плáтишь*, а не *плóтишь*, где корневой гласный оказывается под ударением. Написание *текёт* в соответствии с нелитературным (просторечным) произношением /t'ikot/ не будет содержать ни орфографической (т. к. обе орфограммы — **е** и второе **т** написаны правильно, написание **ч** или **к** не являет-

ся орфограммой), ни графической (поскольку к соответствует правилам русской графики) ошибки. Ошибка здесь только орфоэпическая.

Произносительные правила и нормы бывают двух типов — орфоэпические и орфофонические. Орфоэпические правила устанавливают фонемный состав конкретных словоформ (напр., *течѣт* /t'ič'ot/, а не *текѣт* /t'ik'ot/), а орфофонические — реализации фонем в разных фонетических позициях (напр., *час* /č'as/ → [č'as] с мягкой аффрикатой, а не с твердой; *вода* /vadá/ → [vldá] с [л] в первом предударном слоге, а не [vъdá] с [ъ], который нормативен во втором предударном — [vъdлvós] *водовоз*). Таким образом, /t'ik'ot/ → [t'ik'ot] содержит орфоэпическую ошибку, а /t'ič'ot/ → [t'ič'ot] — орфофоническую. Орфоэпические варианты и ошибки, в принципе, могут отражаться на письме (ср. *скучно*, *мылся*, *дверь* (петербургский вариант) — **скушно*, **мылса*, **дъверь* (московский вариант), *несу* /n'isú/ (литературное иканье) — **нясу* /n'ású/ (южнорусское яканье) и т. п.), орфофонические — не отражаются (за редкими исключениями, связанными с **ограничениями слогового принципа графики** (см.): ср. **чэстный*, **течот*).

Место ударения также входит в сферу орфоэпии, а ошибка в месте ударения рассматривается как орфоэпическая (ср. *магазѣн*, а не **магазѣн*). Некоторые лингвисты к ведению орфоэпии относят образование вариантов грамматических форм слов (*бухгалтерѣ*, а не **бухгалтерá*), что также часто связано с изменением места ударения в словоформе.

Основные орфоэпические нормы современного русского литературного языка сформировались к середине XVII в. как особенности московского говора, который лег в основу литературного языка. На протяжении XVIII — 1-й пол. XX в. эти нормы приобрели современный вид в результате взаимодействия московского и петербургского произношения. Петербургский вариант произношения формировался в ином, нежели в Москве, диалектном окружении. Кроме того, он подвергался более сильному воздействию со стороны написания. В настоящее время различия между московским и петербургским произношением в основном стерлись.

ОТДЕЛЯЮЩИЕ ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ — пунктуационные знаки, служащие границей самостоятельных предложений (точка, многоточие, вопросительный и восклицательный знаки) или частей сложного предложения (запятая, точка с запятой, тире, двоеточие), а также разделяющие однородные члены предложения. Напр.: *На че-*

тыре времени года раскладывается человеческая жизнь. Весна!!! Лето. Осень... Зима? (Т. Толстая); *Шел дождь, и от сильного ветра шумели деревья.* (А. Чехов); *Весенний, светлый день клонился к вечеру; небольшие розовые тучки стояли высоко в ясном небе...* (И. Тургенев); *Погода была ужасная: ветер выл, мокрый снег падал хлопьями.* (А. Пушкин); *Дунул ветер — все дрогнуло, ожило и засмеялось.* (М. Горький); *По утрам солнце бьет в нее сквозь пурпурную, лиловую, зеленую и лимонную листву.* (К. Паустовский). Отделяющие знаки препинания всегда одиночны. Некоторые классификации подразделяют подобные знаки на две группы: 1) разделительные — знаки конца предложения, которые используются для оформления отдельного предложения как законченного, и 2) отделительные — знаки середины предложения, которые используются для разграничения частей сложного предложения и однородных членов в простом предложении.

ОШИБКОПАСНОЕ МЕСТО — участок текста, содержащий **орфограмму** (см.) или **пунктограмму** (см.).

ПАЛЕОГРАФИЯ [от гр. *παλαιός* (= *paleos*) 'древний' и *γράφω* (= *graphō*) 'пишу'] — вспомогательная историко-филологическая дисциплина, которая занимается исследованием внешней стороны древних письменных памятников (письменных знаков и эволюции начертаний, материала и орудий письма, орнаментов и т. п. в их историческом развитии) с целью установить датировку и место создания, а иногда также авторство или подлинность памятника (рукописной книги, грамоты, надписи и т. п.). В России становление палеографии как научной дисциплины приходится на 1-ю пол. XIX в.

В зависимости от языка и алфавита, который использован в памятнике, палеография делится на арабскую, армянскую, грузинскую, греческую, латинскую, славянскую и др. Славянская палеография делится на глаголическую и кириллическую (кирилловскую). В основе палеографии лежит сравнение датированных и недатированных памятников письменности, прежде всего рукописных книг. Сначала изучаются рукописи, время и место создания которых можно точно установить (напр., по записям самих писцов). Затем устанавливается список определенных палеографических примет, присущих рукописям определенного места и определенной эпохи создания, а также хронологическая последовательность, в рамках которой таким приметам свойственно изменяться (напр., смена начертаний отдельных

букв, которые эволюционируют отнюдь не хаотически, а закономерно, типов почерков писцов, писчего материала и т. п.). Потом на основе установленных примет анализируются рукописные источники, датировка и локализация которых ранее не были известны. В славяно-русских рукописях представлены несколько типов почерков, хронологически сменявших друг друга: **устав** (см.), **полуустав** (см.) и **скоропись** (см.). Палеография в первую очередь занимается изучением античных и средневековых памятников. Дисциплину, в рамках которой ученые исследуют палеографическими методами рукописные тексты нового и новейшего времени, иногда называют **неографией** (см.).

ПАРАГРАФЕМИКА [от гр. *παρά* (= *para*) ‘возле, около’ и *γράφω* (= *graphō*) ‘пишу’; ср. гр. *παράγραφω* ‘приписываю, присоединяю’] — 1. Совокупность невербальных знаков и средств, участвующих в организации письменного текста и способствующих восприятию и пониманию его читателем (см. также **Графические средства выразительности**). 2. Раздел языкознания, изучающий такие знаки и средства (см. также **Графическая стилистика**). В этом же значении используется термин **метаграфемика**.

Термин введен в 1959 г. американским лингвистом Эриком Хэмпом. О параграфии, или метаграфии, как «различных приемах, употребляемых в пределах или за пределами письма как такового» упоминается в работе Игнация Гельба *Principles of Writing systems within the Frame of Visual Communication* (1979). К числу «пара- и мета-приемов» Гельб относил знаки препинания для обозначения границ между словами, сочетанием слов, предложениями и т. д.; форму знаков (напр., две формы сигмы в греческом для указания на ее начальную и среднюю или конечную позицию в слове); форму букв (напр., прописные буквы и строчные); различные условные приемы, включая цвет (напр., на картах или в бухгалтерских книгах); и, наконец, статистические и приборные графики.

В России изучение графических приемов как дополнительных средств выражения содержания началось уже в первые десятилетия XX в. в рамках семиотических (И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Реформатский) и стиховедческих исследований (Г. О. Винокур, Б. В. Томашевский, В. М. Жирмунский, Ю. Н. Тынянов и др.).

Параграфические средства, служащие для передачи паралингвистической информации, — это своего рода «письменные жесты», спо-

собные дополнить и прояснить содержание сказанного. В современную эпоху с ее поисками новых способов выражения, значительным усилением визуальности письменного текста и появлением текстов новой, нелинейной природы (гипертекстов, содержащих многоуровневую информацию) декодирование и интерпретация параграфических средств становится для читателя важным этапом восприятия, способствующим максимально полному извлечению смыслов.

В репертуар параграфических средств входят различные приемы расположения текста на плоскости (см. **Геометрия текста**); **каллиграфемы** (см.); **орфографические тропы** (см.), или приемы **экспрессивной орфографии** (см.); **неалфавитные знаки** (см.); таблицы, схемы, символы, рисунки, графики и т. п., вплоть до фактуры материала, на котором располагается текст. Набор этих инструментов зависит от характера создаваемого текста. Все многообразие таких паравербальных средств, которые создают воздействующий потенциал письменного текста, можно свести к нескольким группам: 1) синграфемные — механизмы пунктуационного варьирования (см. **Синграфемика**); 2) супраграфемные — механизмы шрифтового варьирования (см. **Супраграфемика**); 3) топографемные — механизмы графической аранжировки плоскостной синтагматики текста (см. **Топографемика**); 4) ксенографемные — механизмы включения в графический облик слова элементов иных знаковых систем (см. **Ксенографемика**); 5) пиктографемные — механизмы замены буквенного знака пиктографическим элементом, тематически связанным с областью рекламируемого (см. **Пиктографемика**).

ПЕРЕХОД /Е/ В /О/ — позиционно обусловленное звуковое изменение в истории русского языка, состоявшее в том, что фонема /e/ в некоторых условиях изменялась («переходила») в /o/: др.-рус. **мѣдѣ** > /m'ed/ > мѣд, **плѣлъ** > /pl'el/ > плѣл, **сѣстры** > /s'estry/ > сѣстры и мн. др. Кроме того, иногда переходом /e/ в /o/ называют также возникшее на основе этого изменения чередование /e/ || /o/ (ср. *тѣплый* — *тѣплится*, *грѣб* — *грѣбля*, *дешѣвый* — *дешѣвле* и т. п.).

Переход /e/ в /o/ происходил XIV–XVI вв. в тех говорах, на основе которых формировалась произносительная норма современного русского литературного языка. Ко времени перехода в /o/ гласный /e/ мог находиться только после мягких согласных, причем в /o/ изменялся только такой /e/, который находился перед твердым согласным. Если после /e/ шел мягкий согласный, то /e/ не изменялся в /o/: ср. *ѣлка* — *ель*,

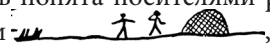

сёла — *сельский*, *Пётр* — *Петя*, *оёнок* — *пень*. Переход /e/ в /o/ происходил после падения **редуцированных гласных /ъ/ и /ь/** (см.), т. к. в /o/ переходил и такой /e/, который получился из /ь/ в результате падения редуцированных гласных /ъ/ и /ь/: ср. **льнь** > [л'ен] > *лён*), но до изменения ятя /ѣ/ (**ѣ**) в /e/, поскольку /e/ из ятя не переходил в /o/ (ср. **сѣно**, **свѣтъ** дало *сено*, *свет*, а не ****бѣлый**, ****свѣт**). В ряде случаев современное распределение форм с /e/ и /o/ не соответствует указанным условиям перехода /e/ в /o/, что объясняется позднейшими звуковыми изменениями, преобразованиями по аналогии или заимствованием слов после завершения соответствующего изменения (см. **Звуковые изменения**). Напр., отсутствие перехода /e/ в /o/ в словоформах *первый*, *женский*, *деревенский*, *гребля*, где, казалось бы, можно было ожидать в соответствии с условиями изменения ****жѣнский** (ср. *жѣны*), ****грѣбля** (ср. *грѣб*), объясняется тем, что в момент перехода /e/ в /o/ согласный после /e/ был мягким. Отверждение этого согласного — уже другое звуковое изменение русского языка, но более позднее, чем переход /e/ в /o/. На конце слова в окончаниях существительных переход /e/ в /o/ происходил по аналогии: **ворьк** > *ворьё*, **житьк** > *житьё* по аналогии с *окно*, *село*).

В церковном (книжном) произношении переход /e/ в /o/ не осуществлялся, поэтому слова, которые попали в литературный язык из церковнославянского языка, его не отражают. Так, в бытовых словах *пёк*, но *печь*, *пёчка* исторически закономерное распределение форм с разной огласовкой, а отсутствие перехода в *пёкло* объясняется тем, что оно заимствовано из церковнославянского языка, где это слово имело значение 'ад'. Церковное произношение отражено и в словах *небо*, *перст* (указующий), *житие* (святого) и др. в соответствующих значениях (ср. произношение слов *нёбо*, *напёрсток*, *житьё-бытьё* и др., отражающие переход /e/ > /o/). Различие между церковным и бытовым произношением в отношении слов, затронутых этим изменением, стало основой традиции (которая держалась до начала XIX в. и хорошо прослеживается в рифмах) читать соответствующие слова «без перехода /e/ в /o/», особенно в жанрах высокого стиля.

В настоящее время переход /e/ в /o/ не является действующим звуковым законом, поскольку это звуковое изменение давно завершилось, но в современном русском языке оно отразилось в виде чередования фонем /e/ || /o/: *ель* — *ёлка*, *дешёвый* — *дешевле*, *лёгкий* — *легче*, *шёпот* — *шепчет* и т. п. Отсутствие строгой фонетической

закономерности является причиной сосуществования вариантов орфоэпической нормы (и, как следствие, орфоэпических ошибок: ср. неправильное произношение слов *афера*, *современный*, *опека* с /o/ вместо правильного /e/ и, наоборот, неправильное произношение слов *манёвры*, *блѣклый* с /e/ вместо правильного /o/. Необязательность написания буквы **ѣ** в современном письме также вносит свой вклад в расшатывание орфоэпической нормы (см. **Орфоэпия**).

Поскольку до перехода /e/ в /o/ фонема /o/ не могла находиться после мягкого согласного, в древних славянских алфавитах — **глаголице** (см.) и **кириллице** (см.) — не было специального средства для передачи на письме произношения /o/ после мягких согласных. После перехода /e/ в /o/ такое графическое средство понадобилось, и эти поиски разной степени удобства (ср. написания типа **модъ**, **меодъ**, **мьодъ**, **мѣодъ**) к середине XVIII в. привели к более или менее систематическому использованию в этой функции сочетания **іѣ** (ср. *міѣдъ*, *сліѣзы*), а позднее Н. М. Карамзиным была введена в практику письма **буква ѣ** (см.).

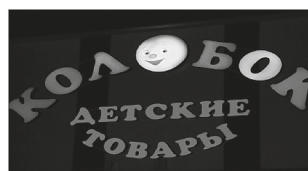
ПИКТОГРАММА [от лат. *pictus* ‘нарисованный’ и гр. *γράμμα* (= *gramma*) ‘запись, письмо’] — рисунок, который используется как графическое средство в так называемом **пиктографическом письме** (см.) для передачи некоторой информации (значения), но не обязательно для обозначения языковых единиц. Поскольку пиктограмма не привязана к конкретной языковой системе, а передает только общий смысл сообщения, она может быть понята носителями разных языков. Ср. письмо охотников из Аляски , состоящее из нескольких пиктограмм: ‘лодка с двумя охотниками’ + ‘ничего нет (человек, раскинувший руки в жесте отрицания)’ + ‘еда (одна рука человека подносит еду ко рту, другая указывает на жилище)’ + ‘жилище охотников’, т. е. «Два охотника ушли из жилища, потому что у них не осталось еды».

Пиктограммы еще не являются элементами системы условных знаков собственно письма (см. **Тип письма**). Граница между рисунком как художественным самовыражением и пиктограммой как средством передачи сообщения заключается в том, что пиктограммы представляли собой в какой-то степени условные схематизированные знаки, предназначенные для передачи определенной информации, причем понятные адресатам сообщения. В процессе постепенной дальнейшей схематизации пиктограммы могли преобразовывать-

ся в **идеогаммы** (см.) (**логограммы** (см.)), **иероглифы** (см.), клинописные знаки (см. **Клинопись**), т. е. знаки собственно письма: ср. изменение китайского иероглифа *ши* ‘стрела’ $\uparrow \rightarrow \text{矢}$. При этом идеогаммы (логограммы) словесно-слогового письма сначала фактически представляли собой пиктограммы, но использовались уже для обозначения единиц языка — слов. Ср. рисуночные условные знаки со значением ‘бык’ разных иероглифических системах словесно-слогового письма: шумерское , египетское , хеттское , китайское .

ПИКТОГРАФЭМИКА [от лат. *pictus* ‘нарисованный’ и гр. $\gamma\rho\alpha\phi\omega$ (= *graphō*) ‘пишу’] — 1. Совокупность пиктограмм, тематически связанных с содержанием текста и заменяющих в алфавитном письме буквенные знаки, что характерно для современных рекламных текстов. 2. Раздел **параграфемики** (см.), изучающий такие замены.

Термин предложен Т. М. Григорьевой (2003), по мнению которой тенденция к пиктографичности характерна для рекламных текстов и номинаций городских объектов и заключается в том, что рисунок (пиктограмма) внедряется в букву и, заменяя ее, становится знаком отдельного слова или всего рекламного текста. Целью использования пиктографемы (изображения, соединяющего в себе черты графемы и пиктограммы) всегда является обыгрывание ассоциаций, дешифровка смысла текста, извлечение имплицитной информации, заложенной в знак — пиктографему. Рисуночные эквиваленты имеются у большинства букв кириллического алфавита. См., напр.:

Пиктограмма может становиться эквивалентом не только отдельной буквы, но и целого слова. Так, рисунок сердца выступает эквивалентом слова «люблю» во фразах типа *Я ♥ свой город* и т. п.

ПИКТОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО́ [от *пиктография* < лат. *pictus* ‘рисованный’ и гр. *γράφω* (= *graphō*) ‘пишу’, т. е. *рисуночное письмо*] — тип письма, в котором знаки письма — **пиктограммы** (см.) — используются в качестве средства для передачи некоторого сообщения, и при этом не обязательно для обозначения языковых единиц (фонем, слогов, морфем или слов). В связи с тем что пиктографическое письмо передает не конкретные языковые единицы и их звучание, а только общий смысл сообщения, пиктографию, как и **предметное письмо** (см.), обычно относят не к собственно письму, а к предписьменностям, или протописьму (см. **Тип письма**).

ПИКТОГРА́ФИЯ (то же, что **Пиктографическое письмо**)

ПИСЬМО́ — система начертательных обозначений, которая используется носителями языка для трансформации звучащей речи в графическую. Изучением истории и теории письма занимается отдельная лингвистическая дисциплина — **грамматоло́гия** (см.).

Этимология термина *письмо*, образованного от глагола *писать*, не отражает всей сложности скрывающегося за ним понятия. В письме как явлении языка необходимо различать разные фазы (*писание* — *текст* — *чтение*) и различные аспекты (**тип письма** (см.), **алфавит** (см.), **графика** (см.), **орфография** (см.)).

Звуковая и письменная формы языка не равноправны: письменная форма и функционально, и исторически вторична по отношению к звуковой. Язык долгое время существовал без письменности, есть бесписьменные языки и сейчас. Письмо появляется как некое продолжение языка на определенном историческом этапе его развития. Широкое распространение письменности в современных обществах фактически превращает письменный язык в самостоятельную знаковую систему. Устная и письменная речь имеют свои сферы действия и дополняют друг друга. В отличие от звуковой стороны языка, письмо является чем-то внешним по отношению к говорящему на данном языке индивиду. С этим связано то, что звуковая (устная) и письменная формы родного языка различным образом осваиваются людьми: устная форма усваивается в детстве как бы сама собой, естественным, незаметным образом, а письменной форме обучаются специально. Это приводит к тому, что в глазах неискушенного, но грамотного носителя языка отношения между устной и письменной речью искажаются: письмо полностью заслоняет собою устную речь, как

бы подменяет язык. Отсюда не только распространенное отождествление буквы и звука (ср. *Он не выговаривает букву р*), но и резко отрицательное отношение к реформированию письма (см. **Реформа орфографии**), которые воспринимаются как покушение на основы языка.

В письме выделяются четыре аспекта — тип письма, алфавит, графика и орфография. **Тип письма** (см.) определяется тем, какие языковые единицы (слова, морфемы, слоги, фонемы) обозначаются отдельными знаками письма. Если по своему типу письмо является буквенно-звуковым, как, напр., русское, то это предполагает наличие **алфавита** (см.), который представляет собой упорядоченную совокупность **букв** (см.). **Графика** (см.) связывает алфавит с системой фонем языка безотносительно к конкретным словам и морфемам. **Орфография** (см.), являясь продолжением графики, регламентирует написания конкретных слов и морфем. Так называемое **предметное письмо** (см.) и **пиктографическое письмо** (см.) относят обычно к предписанностям, которые не являются письмом в собственном смысле слова — потому что средства, используемые в них для коммуникации, не обозначают единицы языка (их план содержания и выражения), а передают лишь общий смысл сообщения.

ПОБОЧНОЕ УДАРЕНИЕ — дополнительное (второстепенное), в отличие от основного (главного), менее ярко выраженное **ударение** (см.) слова. Графически побочное (второстепенное) ударение может обозначаться знаком грависа (см. **Диакритические знаки**) (´) (*м́олокозаво́д*) или (,) (*м, олокозаво́д*). В русском языке, как правило, возникает в длинных многосложных словах. При этом если в потоке речи словоформа получает побочное ударение, оно всегда падает на первый слог слова и, соответственно, всегда предшествует главному ударению словоформы. Напр., в слове *молоко́* ударение падает на окончание и в производных словах никогда не падает на первый слог корня (ср. *моло́чный, молóчник, молочи́шко*), но если сложное слово *молокозаво́д* произносится с побочным ударением, то это ударение обязательно окажется на первом слоге: ср. *м́олокозаво́д* (но не **моло́козаво́д, *молоко́заво́д*). На месте первого гласного под побочным ударением произносится не [ò], а [à], даже если он чередуется с ударным /о/: ср. *гдо́ловкружíteльный* [gàl'v'kružít'íl'nyj] при наличии словоформы с ударением на первом слоге — *гóлову, -ы*. В некоторых случаях гласный, находящийся под второстепенным ударением,

может подвергаться редукции: [gʲɫʲvʲkruʒɨtʲilʲnɨ], *замечательно* [zʲɛmʲiʧʲatʲilʲnɨ].

В русском языке побочное ударение часто появляется в сложных словах (*пéнообразовáние, рáдиолокáция* и т. п.); в словах, где основной русским языком первый корень превратился в приставку (*у́льтралéвий, а́нтигерóй*); в заимствованных словах с приставками *де-, ре-* и т. п. (*дэнацифика́ция, репатриáнт*); в русских словах с приставками *пере-, до-* и т. п. (*пéреговáриватьсá, дóговорíтьсá*); в сложносокращенных словах, включая **аббревиатуры** (см.) (*Лéнэне́рго; ВДНХ* [vè-de-en-há]); факультативно — в словах с оценочным значением в экспрессивной речи (*замечáтельно, пòтряса́юще, дóловокружíteльный*).

ПОЛИГРАФ [от гр. πολύς (= *polys*) ‘многий’ и γράφω (= *graphō*) ‘пишу’] — сочетание двух (см. **диграф**) и более (ср. **триграфы, тетраграфы** и т. д.) букв, которое регулярно используется для обозначения на письме одной фонемы конкретного языка. Таковы, напр., нем. диграфы *ng /ŋ/* и *pf /pʰf/*, триграф *sch /ʃ/*, тетраграф *tsch /tʃ/*. В польском письме два диграфа *sz /sʒ/* и *cz /tʃ/*, будучи поставлены друг за другом для передачи сочетания двух фонем */sʒ/ + /tʃ/*, не являются тетраграфом, поскольку *szcz* обозначает не одну, а две фонемы, хотя иногда пол. *szcz* называют тетраграфом.

ПОЛУУСТАВ — второй из трех последовательно сменявших друг друга почерков кириллического письма, представленных в русских средневековых рукописях. Полуустав приходит на смену **уставу** (см.) во 2-й пол. XIV в., параллельно со сменой пергамена бумагой. Возникновение полуустава было связано с ускорением письма: буквы полуустава мельче уставных, допускается кривизна прямых линий, появляется наклон, выносные буквы (над строкой), слитные написания. В целом по сравнению с уставом полуустав — письмо менее торжественное, менее отчетливое, более беглое. Буквы полуустава отстоят друг от друга уже не на одинаковом расстоянии, пишутся с легким наклоном и могут в пределах одной рукописи (и даже строки) иметь несколько вариантов начертаний, что для устава (в особенности раннего, XI–XII вв.) было невозможно. Однако уже в XIV в. в рукописях, писанных полууставом, начинают появляться особенности, характерные для **скорописи** (см.), которая к XVI в. сменяет полуустав в деловой письменности. Однако в книжной письменности XVI в.

развивается особая разновидность полуустава — каллиграфический полуустав.

ПРА́ВИЛА ГРА́ФИКИ — в буквенно-звуковом письме правила, определяющие отношения между знаками письма и языковыми единицами, которые обозначаются этими знаками, т. е. между буквами алфавита и фонемами. В русском письме правила графики вытекают из **слогового принципа графики** (см.), а также из его ограничений (см. **Ограничения слогового принципа графики**) и нарушений (см. **Нарушения слогового принципа графики**). Главным образом это правила обозначения твердости и мягкости согласных и правила обозначения фонемы /j/.

ПРА́ВИЛА ОРФОГРА́ФИИ — совокупность правил, предписывающих выбор одной из графически верных записей во всех случаях, когда для такой записи возможны варианты. Иначе говоря, орфографические правила — это всегда правила выбора. Так, существует несколько возможностей графической записи слов *риелтор* (***риэлтор*, ***реелтэр*, ***риелтэр* и т. п.), *диджей* (***ди-джей*, ***ди джэй* и т. п.) и даже *корова* (***карова*, ***каррово*), которые достаточно точно, в соответствии с основными правилами чтения передают фонетический облик (произношение) слова, однако лишь один из таких возможных вариантов признается верным — на основании орфографических правил и фиксации правильного варианта в орфографических словарях.

Поскольку русская орфография определяет не только выбор буквы для обозначения того или иного звука в составе слова (*капучино* или ***капуччино*?), но и выбор между «контактом/дефисом/пробелом» (***общественнополезный*, ***общественно-полезный* или *общественно полезный*?), между строчной или прописной буквой (***крайний север* или *Крайний Север*?), выбор места словораздела при необходимости перенести часть слова на следующую строку (*разыскивать*, *разы-скивать* или ***раз-ыскивать*?), а также выбор варианта сокращения (*просторечное: прост.* или ***прос.*?), то и орфографические правила распадаются на пять разделов (см. **Орфография**).

Иногда в качестве еще одного раздела орфографии выделяют правила передачи средствами русской графики заимствованных слов (см. **Транскрипция**², **Транслитерация**, **Трансплантация**).

Наибольшее количество предписаний в русской орфографии — это правила, применяемые при обозначении звуков буквами в составе слов, и базируются они на орфографических принципах (см. **Принцип орфографии**). Этой группе правил в своде 1956 г. «Правила орфографии и пунктуации» посвящены 75 параграфов из 124.

Поскольку официально утвержденный свод правил орфографии не только не изменялся в течение более чем полувека, но и изначально, в соответствии с жанром, не мог восприниматься как учебное пособие для преподавания основ правописания («как объем правил, так и характер изложения их, вытекающие из специфических задач свода, не соответствуют ни тому количеству сведений, ни тому методу обучения, которые установлены для школы», — говорится в предисловии к этому документу), с течением времени он «оброс» огромным количеством разнообразных справочников, в которых основные правила комментируются и уточняются. Ср., напр., формулировку одного и того же правила в своде 1956 г. (I) и в популярном справочнике Н. С. Валгиной и В. Н. Светлышевой «Орфография и пунктуация» (II):

I

§ 61. Двойное **н** пишется в суффиксах **-енн-**, **-онн-** прилагательных, образованных от существительных, напр.: *соломенный, болезненный, клюквенный, искусственный, внутренний, ведренный, свойственный, обеденный, революционный, позиционный*.

Примечание. В слове *ветренный* и в производных от него пишется одно **н**, но в приставочных образованиях пишется **-нн-** (*безветренный, подветренный*).

Прилагательные с суффиксом **-ян-** (**-ан-**), образованные от существительных, пишутся с одним **н**, напр.: *волосяной, дровяной, глиняный, кожаный*. Прилагательные *деревянный, оловянный, стеклянный* пишутся с двойным **н**.

С одним **н** пишется суффикс **-ин-** в прилагательных, напр.: *соловьиный, куриный, гостинный*, а также в существительном *гостиница*.

II

Суффиксы прилагательных, образованных от имен

1. **нн** пишется:

- 1) у прилагательных, образованных от существительных с помощью суффиксов **-енн-**, **-онн-**: *искусственный (искусство), клюквенный, соломенный, торжественный; дискуссионный, канализационный, операционный, сессионный*;

- 2) у прилагательных, образованных от прилагательных с помощью суффикса **-енн-**, указывающего на большую меру признака: *высоченный, здоровенный, широченный*;
- 3) у прилагательных, образованных от существительных с основой на **н** (вторая **н** — суффикс прилагательного): *длинный* (*длин-а*), *истинный* (*истин-а*), *миллионный* (*миллион*), *старинный* (*старин-а*), *холстинный* (*холстин-а*), *ценный* (*цен-а*), *фельетонный* (*фельетон*);
- 4) у прилагательных, образованных от существительных на **-мя** (*время, пламя, семя* и др.): *временный, пламенный, семенной, именной*; такие прилагательные произведены от основы косвенного падежа существительных, у которых при склонении появляется корневое наращение **ен**; ср.: *время — времени, о времени, пламя — пламени, о пламени* и т. д.

Примечания:

- 1) В производных существительных пишется столько **н**, сколько их имелось в исходном прилагательном; ср.: *торжественный — торжественность, длинный — длины, семенной — семенник* и т. п.
 - 2) В прилагательном *ветренный* пишется одна **н**, т. к. оно образовано не от существительного *ветер*, а от глагола *ветритъ* (устар.) с помощью суффикса **-н-**, что не противоречит правилу написания **-н-** у отглагольных прилагательных; ср.: *выветренный, обветренный, заветренный* — образованы от глаголов совершенного вида.
 - 3) Прилагательные типа *бараний, сазаний, тюлений* пишутся с одной **н**, т. к. они образованы от существительных с основой на **н** путем прибавления суффикса **-j-** (так же, как *волчий, рыбацкий*).
 - 4) Прилагательные *безымённый* и *безымянный* в современном языке имеют значения 'неизвестный по имени', 'не сохранивший имени творца, автора'. Однако чаще употребляется слово *безымянный*: *безымянная могила, речка, высота; безымянное произведение, также безымянный палец*.
 - 5) Слова *пряный, румяный, юный* пишутся с одной **н** (непроизводные прилагательные), в производных от них словах также одна **н**: *пряность, румяный, румяна, юность* (но: *юннат*, т. к. это слово образовано на основе сочетания *юный натуралист*).
2. **Н** пишется у прилагательных, образованных от существительных с помощью суффиксов **-ин-, -ан-, -ян-**: *воробьиный* (*воробей*), *голубиный* (*голубь*), *журавлиный* (*журавль*), *соловьиный* (*соловей*), *кожаный* (*кожа*), *песчаный* (*песок*), *вощаной* (*воск*), *полотняный* (*полотно*), *серебряный* (*серебро*), *дрвяной* (*дрова*), *глиняный* (*глина*).

Исключения: *стеклянный, оловянный, деревянный*.

Примечания:

1. Суффиксы *-ан-*, *-ян-* придают прилагательным значение 'сделанный из какого-либо вещества, материала' или 'предназначенный, служащий для чего-нибудь'; ср.: *глиняный, песчаный, серебряный* — 'сделанный из глины, песка, серебра'; *платяной, дровяной* — 'предназначенный для платяев, дров'.
2. Необходимо различать прилагательные, орфография которых связана с их значением:
 - а) *ветренный* — 'с ветром' (*ветренная погода*); 'легкомысленный' — перен. (*ветренная девушка*); *ветряной* — 'приводимый в действие силой ветра' (*ветряной двигатель, насос, мельница*); в словосочетании *ветряная оспа* у прилагательного пишется суффикс *-ян-* (ср.: *ветрянка* — разг.);
 - б) *масленный* — 'намазанный, пропитанный или запачканный маслом' (*масленный блин, каша, рука*); 'льстивый, заискивающий' — перен. (*масленные глаза, масленный голос*, также: *масленная неделя* — *Масленица*); *масляный* — 'разведенный на масле', 'действующий с помощью масла' (*масляное печенье, масляная краска, масляный двигатель*); ср.: *масленная бутылка* ('испачканная маслом') и *масляная бутылка* ('предназначенная для масла');
 - в) *серебрённый* — 'подвергшийся серебрению, покрытый серебром' (*серебрённая ложка*); *серебряный* — 'сделанный из серебра' (*серебряная чаша*);
 - г) *соленый* — 'содержащий соль' (*соленая рыба*); *соляной* — 'состоящий из соли' (*соляные копи, соляной столб*).

В словосочетании *соляная кислота* у прилагательного пишется суффикс *-ян-*.

Правила орфографии с неизбежностью время от времени должны подвергаться корректировке — в тех случаях, когда в действующем своде обнаруживается их очевидное несоответствие практике письма или неполнота, противоречивость формулировок; однако такая корректировка не подразумевает коренного изменения, «реформы» орфографической системы (см. **Реформа орфографии**). Ибо само существование правил обеспечивает решение двух разнонаправленных задач: задачу обучения (поскольку правило формулирует критерии, позволяющие выбрать единственно верный вариант написания из многих возможных) и задачу сохранения русской орфографии как логичной системы, базирующейся на определенных принципах (поскольку в отсутствие правил письмо становится традиционным).

ПРА́ВИЛА ПЕРЕНО́СА — предписание, руководство для пишущих, объясняющее условия и запреты при размещении частей одного слова на разных строках. Напр.: *ве-/ликолепный, вели-/колепный, велико-/лепный, великолеп-/ный*. Назначение переноса — экономия пространства листа в случае несовпадения конца строки с завершением слова. Кроме того, одной из функций переноса является эстетическая: текст без переносов выглядит менее красиво вследствие неравномерного заполнения строк. Перенос помогает пишущему, но не должен мешать читающему, поэтому соблюдение правил обеспечивает целостность и быстроту восприятия перенесенного слова при чтении. Фонетический аспект речи предполагает переносить слово с учетом его деления на слоги (слогоделение: *со/ба/ка* — перенос: *со-/бака* или *соба-/ка*). Морфемный принцип предписывает при переносе учитывать членение слов на значимые части (деление на морфемы: *при/нес/ти* — перенос: *при-/нести* или *принес-/ти*). В некоторых случаях эти принципы вступают в противоречие и пишущему приходится следовать одному из них, пренебрегая вторым.

ПРА́ВИЛА ПУНКТУА́ЦИИ — свод правил употребления **знаков препинания** (см.) в письменном тексте. История разработки правил русской пунктуации насчитывает несколько веков (первые попытки внести порядок в употребление знаков препинания относятся к началу XVI в.). Толчком к более основательному осмыслению пунктуационной системы стало распространение книгопечатания. Первыми трудами, в которых предпринята попытка систематизации употребления знаков препинания, были грамматики Л. Зизания (1596) и М. Смотрицкого (1619). Важной вехой в описании и теоретическом осмыслении русской пунктуации стала «Российская грамматика» М. В. Ломоносова (1755). Однако длительное время единых правил пунктуации не было, как не было и понимания, какую сторону предложения — грамматическую, смысловую или интонационную — должна отражать пунктуация (см. **Принцип пунктуации**). Принятие пунктуационных правил в 1956 г. положило конец разнобою в употреблении знаков препинания, хотя на настоящий момент эти правила нуждаются в уточнении, т. к. пунктуационная система продолжает развиваться.

Согласно правилам пунктуации знаки препинания делятся на две группы — знаки отделяющие и знаки выделяющие. Отделяющие знаки служат средством отделения одной части текста от другой:

предшествующего предложения от предложения, следующего за ним; одного однородного члена от другого, подлежащего от сказуемого и т. д. К отделяющим знакам относятся точка, вопросительный знак, восклицательный знак, запятая, точка с запятой, двоеточие, тире, многоточие. Точка, вопросительный знак и восклицательный знак употребляются только в конце предложения, остальные отделяющие знаки — внутри предложения.

Выделяющие знаки указывают на границы синтаксической конструкции, которая вводится в предложение с целью пояснения, уточнения, дополнения содержания предложения в целом или его части, напр., для выделения обособленных членов предложения, вводных и вставных конструкций, обращений и пр. К выделяющим знакам препинания относятся парные знаки — двойная запятая, двойное тире, скобки и кавычки. Первая или вторая часть двойной запятой и двойного тире не употребляется в том случае, если граница выделяемой конструкции совпадает с отделяющим знаком.

ПРАВИЛА СЛИТНЫХ, РАЗДЕЛЬНЫХ И ДЕФИСНЫХ (ПОЛУСЛИТНЫХ) НАПИСАНИЙ — руководство для пишущих, объясняющее, рекомендуемое условия выбора **контакта** (см.), **дефиса** (см.) или **пробела** (см.) между значащими единицами языка (словами, морфемами), на которые членится речевой поток.

Проблема слитных, полуслитных (дефисных) и раздельных написаний в полный рост встала перед русской орфографией лишь в XVIII в. В целом до XVI в. древнерусским рукописным памятникам не было известно раздельное написание слов: текст, как правило, писался слитно, образуя в одной строке непрерывный ряд букв, периодически разделяемый точками на смысловые отрезки, не совпадающие ни с предложениями, ни со словами.

Очевидно, что включение правил членения текста на слова в состав орфографии достаточно условно, т. к. эта проблема входит в более широкий вопрос о членении письменного текста на смысловые отрезки и потому теоретически находится на стыке с пунктуацией.

При этом проблема выбора одного из возможных вариантов написания и по сей день остается сложной и спорной, а практика письма нередко противоречит рекомендациям, сформулированным орфографическими правилами. Это связано с тем, что правила орфографического оформления «контакта/дефиса/пробела» базируются на лексико-морфологическом принципе, в основе которого лежит

следующая логика: отдельно должны писаться разные слова, а слитно — части одного слова, т. е. морфемы; полуслитные же (дефисные) написания отражают незаконченность превращения двух лексических единиц в одно целое и представляют своего рода компромисс: через дефис пишутся такие элементы языка, в которых можно усмотреть как лексическое (свойственное слову), так и словообразовательное (свойственное морфеме) значение.

В процессе языковых изменений лексические единицы могут терять самостоятельность и становиться элементами единого слова, но такой процесс идет медленно, постепенно — вот почему нелегко добиться полного соответствия между правилами раздельного, дефисного и слитного написания слов и языковой реальностью. Справедливости ради следует сказать, что применительно к этой области орфографические правила могут лишь отражать основные закономерности, намечать крепнущие языковые тенденции, а словари — лишь фиксировать те или иные этапы в жизни отдельного слова. Не удивительно, что в разнообразных справочниках и пособиях по орфографии порой предлагаются противоречащие написания: специалисты-филологи пытаются разработать максимально простую для применения на практике теорию выделения слова как отдельной лексической единицы и построить на основе этой теории логичную систему правил.

Вплоть до середины XVIII в. основанием для выбора написания служил лишь фонетический критерий: отдельно писались лишь фонетически самостоятельные слова, а не имеющие самостоятельного ударения служебные слова не отделялись пробелами от знаменательных, к которым они фонетически примыкали. При разработке теории слитных/раздельных написаний в основание отдельных правил орфографии легли иные критерии:

- семантико-синтаксический — разграничивающий написание частей слова (слитное) и частей словосочетания (раздельное): напр., *нижеподписавшийся*, *палата легкораненых*, но *ниже расположенный*; *легко раненный* в руку;
- словообразовательно-грамматический — устанавливающий зависимость написания (слитное или дефисное) сложных прилагательных и сложных существительных от способа их образования: напр., *железобетонный* (от *железобетон* + суффикс *-н-*), *железнодорожный* (от *железн(ая) дорог(а)*

(т. е. основ слов, отношение между которыми носит подчинительный характер) + суффикс *-н-*), *лесопарк* (от *лес* + *парк* при помощи соединительной гласной), но *научно-технический* (от *научн(ый)* + *технический*, т. е. основ слов, отношение между которыми носит сочинительный характер), *жюль-верновский* (от *Жюль Верн*, т. е. от раздельно пишущихся сочетаний имени и фамилии), *диван* (от *диван* + *кровать* без соединительной гласной);

- морфологический — разграничивающий написание различных частей речи или их разрядов: *смотреть* (куда?) ***вдаль*** (наречие), ***непросохиая*** (прилагательное) *одежда*, ***нигде никогда*** (отрицательные наречия) *не был*, *делать по-иному* (наречие), но *всматриваться* (во что?) ***в даль*** (существительное с предлогом), ***не просохиая*** *за ночь* (причастие) *одежда*, *я не знаю*, ***ни где он был***, ***ни когда*** (частица *ни* + вопросительное наречие) *он вернулся*; ***по иному*** (прилагательное с предлогом, относящимся к главному слову словосочетания) *принципу*;
- семантический — определяющий дефисное написание некоторых групп слов, образуемых с соединительными гласными: сложных прилагательных, обозначающих оттенки качества, преимущественно цвета или вкуса (*тускло-розовый*, *терпко-сладкий*); сложных единиц измерения (*койко-место*, *человеко-день*); названий промежуточных сторон света (*северо-восток*, *юго-юго-запад*).

Написания, основанные на перечисленных критериях, можно отнести к дифференцирующим (см. **Дифференцирующие написания**). Ср., напр., различное орфографическое оформление прилагательных *естественноисторический* (от *естественная история* + суффикс *-ическ(ий)*) и *естественно-исторический* (от *естественный* + *исторический*), где сама орфография служит для читающего сигналом о том, в каком значении употреблено слово (*естественноисторические исследования* — исследования в области естественной истории, *естественно-исторические исследования* — исследования в области как естественных, так и исторических дисциплин).

Сложность выбора между раздельным, слитным или дефисным написанием связана с множественностью критериев, которыми вынужден руководствоваться пишущий. Кроме того, значительная часть слитных, раздельных и дефисных написаний базируется и вовсе

не на каких бы то ни было принципах, а лишь на традиции, и является отражением **традиционного принципа орфографии** (см.). Главным образом, это касается правописания наречий и наречных сочетаний (*до зарезу*, но *позарез*; в *обмен*, но *вдобавок* и т. п.), а также сочетаний с *пол-* (*полмандарина*, но *пол-апельсина*, *пол-лимона*). Можно сказать, что в современной орфографии система правил, регламентирующих слитное/раздельное написание наречий, вообще отсутствует — вместо логичной системы имеется лишь попытка объяснить закрепленные традицией написания.

Таким образом, область слитных, дефисных и раздельных написаний можно отнести к «горячим точкам» современной русской орфографии. Поэтому на рубеже XX–XXI вв. Орфографическая комиссия РАН попыталась разработать иную концепцию правил такого рода, положив в их основание **формально-грамматический принцип**, т. е. при выборе написания сложных прилагательных учитывать прежде всего фактор наличия/отсутствия суффикса в основе первого компонента сложного слова. Это предложение опиралось на отражаемую нормативными словарями тенденцию писать через дефис сложные прилагательные типа *народно-хозяйственный*, *валютно-обменный* (хотя они производны от сочетания *народное хозяйство* и *валютный обмен*, в которых слова связаны подчинительными отношениями) и писать слитно прилагательные типа *глухонемой*, *нефтегазовый* (несмотря на равноправное соотношение основ). Именно формально-грамматический принцип лег и в основу рекомендаций, на которых построен справочник Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой «Слитно или раздельно? Опыт словаря справочника» (1-е изд., 1972; 3-е изд., испр. и доп., 2004) и которые во многом противоречат рекомендациям действующего орфографического свода.

ПРА́ВИЛА СОКРАЩÉНИЯ СЛОВ — руководство для пишущих, объясняющее, рекомендуемое условия и запреты при написании части слова, слова или словосочетания в усеченном виде. Напр.: *километр* — *км*; *проспект* — *пр-т*; *улица* — *ул.*; *бывший в употреблении* — *б/у*; *железная дорога* — *ж/д*; *железнодорожный* — *ж.-д.*; *так далее* — *т. д.*; *тому подобное* — *т. п.* Сокращения применяются, чтобы сэкономить время записи и пространство листа. Однако приемлемы лишь такие сокращения, которые понятны читающему: в текстах, предназначенных для широкого читателя, — без расшифровки, а в научных изданиях — с расшифровкой в списке сокращений.

ПРА́ВИЛА УПОТРЕБЛЁНИЯ ПРОПИСНЫХ И СТРОЧНЫХ БУКВ — руководство для пишущих, объясняющее, рекомендуемое условия употребления прописных (больших, заглавных) и строчных (маленьких) букв.

Прописные — заглавные буквы, они «прописываются», выходят за границы строки. Строчные буквы вписываются в строку. Противопоставление прописных и строчных букв — один из способов графического выделения слов в тексте. Прописная оказывается маркированной — особой, «сильной» буквой, она выделяет слово из ряда других. Поэтому правила соответствующего раздела орфографии сосредоточены вокруг использования прописных букв. В традициях русского правописания закрепилось несколько основных функций прописной буквы. Синтаксическая (позиционная) функция проявляется при написании заглавной буквы в начале предложения. Морфологическая (семантическая) — в различении имен собственных и нарицательных (*Любовь* — женское имя; *любовь* — чувство). Символическая (ранговая) функция реализуется при написании с заглавной буквы нарицательных имен существительных в «патетическом стиле» (*Человек, Учитель, Родина*), местоимений (*Вы, Ваш* — прописная буква в этом случае используется при употреблении только по отношению к одному лицу). Выбор прописной или строчной буквы в некоторых случаях определяется стилистической характеристикой текста. Так, употребление прописной и строчной в названиях, связанных с религией, подчиняется общим правилам. Однако в церковных и философско-религиозных текстах в словах, обозначающих важнейшие религиозные понятия или употребляющихся в значении имен собственных, может писаться прописная: *Слово, Крест, Святые Дары, Святой Дух*. Слова «бог», «господь» в устойчивых сочетаниях, не связанных с их религиозным пониманием, следует писать со строчной: *бог с тобой* — выражение согласия или несогласия; *господь его знает* — неизвестно; *боже упаси* и т. п. В современных официально-деловых текстах с прописной может писаться особо значимое для документа и повторяющееся в нем слово: *Заказчик; Исполнитель* (напр., в тексте договора). По негласной договоренности в официальных документах для указания на определенный предмет используется прописная буква: *Устав, Программа*. Напр.: *Внимательно ознакомьтесь с содержанием настоящей Инструкции; Форма заявки Претендента устанавливается на уровне субъекта Российской Федерации в соответствии с примерной Формой заявки Претендента*.

В газетных заголовках, коммерческих и рекламных текстах прописные буквы используются как **графическое средство выразительности** (см.) — для выделения слова или части слова (*БуБеН*, *миниСАМ*, *текСТИЛЬ*, *Алтын* — названия магазинов; *ПроКофий*, *НямБург* — кафе; *СтоМатоЛоГия*, *РестораН*). В таких намеренно ненормативных написаниях могут выделяться не только первые (инициальные) буквы слов, но и другие (первая и последняя; в середине слова; несколько букв). Графическое выделение части слова в рекламе указывает на скрытый смысл, вызывая у потенциального покупателя направленные ассоциации: *Скидки на перФОРАторы до 30 %!* — в рекламе магазина инструментов актуальным является слово *фора*, выделенное внутри термина *перфоратор*; *Все по МАКСИМуму!* — обыгрывается выделенное прописными буквами название сигарет «Максим» и написанный строчными разговорный фразеологизм *все по уму*; использование прописных букв в рекламе чая «ЧайОК» призвано вызвать у покупателя положительные ассоциации (что подтверждается стихотворным рекламным слоганом на пачке: *Дело спорится быстрее, пьешь «ЧайОК» и все ОКей!*). Такие написания нельзя признать нормативными, но они выполняют основные функции: подчеркнуть значимость называемого объекта; привлечь внимание к нестандартным написаниям; выделить с помощью прописных букв часть написания для переосмысления слова, создания направленных ассоциаций.

Правила употребления прописных и строчных букв постоянно детализируются: так, в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г. им посвящены 18 параграфов, а в издании «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» 2006 г. — уже 57 параграфов.

ПРАВОПИСАНИЕ [калька с лат. *orthographia* и гр. ὀρθογραφία от гр. ὀρθός (= *orthos*) ‘правильный’ и γράφω (= *graphō*) ‘пишу’] — система общепринятых правил **орфографии** (см.) и **пунктуации** (см.), устанавливающих единообразные способы передачи речи на письме. Термин употребляется и в более узком значении: принято говорить о правописании как о способах письменного воспроизведения отдельного слова или категории слов (напр., *правописание суффиксов причастий*) и как о знании правил и соблюдении их на письме (*правописание у тебя хромает*). Правописание, с одной стороны, отражает логику развития языка, а с другой стороны — его историю, культурную традицию. В истории русского языкознания на протя-

жении многих веков противоборствуют две различные точки зрения на проблемы, связанные с установлением норм письменной речи: рационалистическая и культурно-консервативная. Сторонники первой полагают, что поскольку правописание необходимо и для письменного общения, и для хранения знания на данном языке, то оно должно быть системой, которая легка для усвоения и пригодна для передачи живой речи. Приверженцы другой точки зрения исходят из того, что установившееся правописание — это национальное достояние, в котором отражается история самого народа и его языка и которое служит укреплению культурно-исторической связи поколений. Сложность правописания, по их мнению, объективна, ибо, как замечал философ И. Ильин, она «имеет свои исторические, конкретные и в то же время философические и национальные основы». Именно противостояние этих различных точек зрения, с одной стороны, позволяет периодически реформировать, модернизировать, упрощать русское письмо, а с другой стороны — помогает тому, чтобы такие изменения не становились излишне радикальными.

ПРЕДМЕТНОЕ ПИСЬМО́ — система устойчивой коммуникации, осуществляемая при помощи предметов, которые выступают в качестве знаков. Не является письмом в собственном смысле слова, поскольку осуществляется не посредством знаков (меток) на предметах, а посредством предметов. Предметное письмо обычно относят к предписьменностям, или протописьму.

ПРИ́НЦИП ГРА́ФИКИ — принцип обозначения фонем в алфавитном письме. В более специальном смысле принцип **графики** (см.) как аспекта письма, противопоставленного **орфографии** (см.), — это руководящая идея выбора букв в тех случаях, где возможно однозначное обозначение фонем буквами. Одним из возможных принципов графики является фонографический — «одна буква — одна фонема», т.е. такой, когда каждой фонеме соответствует одна буква. Письмо, построенное по фонографическому принципу, похоже на фонематическую транскрипцию. В соответствии с таким принципом в русском письме парные твердые и мягкие согласные фонемы должны были бы всегда обозначаться своей буквой, напр. /n/ = **н**, /nʲ/ = **н̑**, /l/ = **л**, /lʲ/ = **л̑**, /k/ = **к**, /kʲ/ = **к̑**, /g/ = **г**, /gʲ/ = **г̑**, /s/ = **с**, /sʲ/ = **с̑**, /j/ = **й**, /a/ = **а**, /o/ = **о**, /i/ = **и** и т.п. Соответственно, русские словоформы *ноль* /noʎʲ/, *лѣн* /lʲonʲ/, *конь* /konʲ/, *киль* /kʲilʲ/, *голь* /golʲ/, *ноги* /nogʲi/, *князь* /knʲasʲ/, *ляг*

/ʁak/, ёлкой /jolkaj/ писались бы *нол, лон, коң, қил, гол, ноғи, қңас, лак, йолкай*. Однако современное русское письмо руководствуется другим принципом — **слоговым принципом графики** (см.; его также называют **силлабическим** или **буквосочетательным**), согласно которому мягкость согласных обозначается не буквой самого согласного, а мягким знаком **ь** или буквой, в первую очередь обозначающей следующую гласную фонему, причем эта гласная обозначается разными буквами в зависимости от твердости или мягкости предшествующего согласного. Применение слогового принципа графики позволяет, между прочим, в целом сэкономить на количестве букв алфавита: для обозначения 42 фонем в русском алфавите используются только 33 буквы.

ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ — руководящая идея выбора написания (в случаях, когда оно может быть вариативным), которая лежит в основе орфографии конкретного языка и из которой вытекают отдельные блоки орфографических правил, организуемых в целостную систему.

В орфографии любого языка могут сосуществовать несколько орфографических принципов. Как правило, один из них становится основным, ведущим, охватывающим большую часть **орфограмм** (см.), однако каждый раздел **орфографии** (см.) характеризуется своими собственными принципами. Отдельный орфографический принцип представляет собой общее основание для группы правил, в которых проявляется действие этого принципа.

В языках с **буквенно-звуковым письмом** (см.), к которым относится и русский, в качестве ведущего принципа орфографии может быть выбран один из трех возможных, и каждый из них имеет как достоинства, так и недостатки:

- 1) **фонетический принцип орфографии** (см.), который устанавливает написание слов в максимальном соответствии с их фонемным составом;
- 2) **морфологический принцип орфографии** (см.), который требует максимально (насколько позволяют правила графики) единообразной передачи на письме значимых частей (морфем), что дает читающему возможность опознать структурное членение слова и составляющие его морфемы и тем самым быстрее понять его смысл;
- 3) **традиционный принцип орфографии** (см.), при котором сохраняются написания, не адекватные фонемному составу.

ву слова (противоречащие современному произношению) и структурному членению слова и оправдываемые некоторой письменной традицией, а часто лишь условными договоренностями (напр., если это новые заимствования, не имеющие письменной традиции). Написания, соответствующие традиционному принципу, приходится просто заучивать.

Обычно при своем возникновении любое буквенно-звуковое письмо последовательно отражает все фонологические противопоставления, т. е. вообще не требует орфографии. Поэтому в принципе возможно письмо без орфографии. К такому же положению может привести и последовательное проведение фонетического принципа. По мере развития языка, когда произношение изменяется, а закрепленные письменными текстами написания остаются прежними, возникает разрыв между устной и письменной формами речи. И тогда перед культурой любого народа встает задача — либо закрепить этот разрыв (т. е. избрать в качестве ведущего принципа орфографии традиционный или морфологический — в зависимости от особенностей языка), либо попытаться его ликвидировать (иначе говоря, избрать принцип фонетический, т. е. попытаться вернуться к письму «без орфографии»).

Русская орфография относится к наиболее разумно организованным, потому что представляет собой не хаотичный набор неизвестно на чем основанных требований, а логичную систему правил, базирующуюся на незыблемых принципах. Ведущим в русской орфографии является **морфологический принцип** (см.), многие написания базируются на **традиционном принципе** (см.), а отдельные группы правил — на **фонетическом принципе орфографии** (см.). Подавляющее же число написаний — более 70 % — вообще не требуют применения какого-либо принципа орфографии, т. к. они определяются правилами графики и не предоставляют пишущему выбора.

ПРИНЦИП ПУНКТУАЦИИ — руководящая идея, определяющая постановку и выбор пунктуационных знаков в письменном тексте, которая лежит в основе пунктуации конкретного языка и организует отдельные пунктуационные правила в целостную систему.

Современная пунктуация отражает структуру, смысл и интонацию предложения, поэтому говорят о трех принципах русской пунктуации — грамматическом (см. **Грамматический принцип пунктуации**), смысловом (см. **Смысловой принцип пунктуации**) и инто-

национном (см. **Интонационный принцип пунктуации**). Эти три принципа не равнозначны: ведущим принципом русской пунктуации признается грамматический, при котором учитывается структура предложения; смысловой и интонационный принципы имеют подчиненный характер. Однако эти три принципа не столько противопоставлены, сколько тесно связаны между собой. Так, точка в конце предложения *На завтрашние газеты вряд ли стоило рассчитывать.* (Д. Гранин) обозначает, во-первых, границу между предложениями (грамматический принцип), во-вторых, законченность сообщения (смысловой принцип) и, в-третьих, понижение голоса и длительную паузу (интонационный принцип). В предложении *Все прочли этот рассказ и смутились: печатать его в таком небрежном виде было нельзя.* (К. Паустовский) постановка знака препинания обусловлена его грамматической структурой — тем, что это сложное предложение (грамматический принцип), но выбор знака (двоеточие) определяется причинным значением второй части бессоюзного предложения (смысловой принцип), причем данный тип бессоюзного предложения характеризуется особой пояснительной интонацией и паузой между частями (интонационный принцип). Таким образом, во многих случаях за знаком препинания стоит не один, а два или даже все три принципа пунктуации.

ПРОБЕЛ [из др.-рус. **пробѣлъ** ‘белый (незаполненный) промежуток’, из *про-* + **бѣл(ыи)**; ср. **прочёрнь** и **пробѣлъ**] — один из неалфавитных знаков письма (см. **Неалфавитные знаки**): интервал между элементами текста (словами, строчками или более значительными по объему фрагментами), служащий графическим знаком их границы. Пробел, обозначающий межсловные границы, фактически следовало бы отнести к знакам препинания, если учесть его грамматическую и семантическую функцию. Однако пробел после конечной буквы, обозначающей парную по твердости/мягкости согласную фонему, указывает на твердость последнего согласного словоформы и функционально противопоставлен мягкому знаку, передающему мягкость предшествующего согласного: ср. *кон* — *конь* (см. **Слоговой принцип графики, Буква мягкий знак**). Поэтому иногда пробел в русском письме трактуют как **букву** (см.) и называют «буквой пробела», которая, разумеется, никогда не включается в алфавит. Межсловный пробел — понятие, тесно связанное с понятиями **дефиса** (см.) и **контакта** (см.), т. к. выбор между пробелом, дефисом

и контактом определяет выбор раздельного, полуслитного и слитного написания. Пробел между словами — сравнительно позднее приобретение во всех письменностях, где он существует. Старославянская письменность (глаголическая и кириллическая) была беспробельной. Примером типичного древнерусского летописного текста может служить отрывок из Повести временных лет по списку Лаврентьевской летописи 1377 г. (л. 14 об.): **Всежелѣторекоса дръжина игоревн · штроци | свѣньльжи · изодѣлнса сѣть врѣжьемъ и портѣ · | амънази · пондикнажесна мивдань · дан | тѣ до вѣдешнимъ · послѣ шахъ игорь · | иде в дѣрева в дань ·** (вертикальные чертами обозначены концы строк в рукописи). Тот же текст с разделением на слова: **В се же лѣто рекоша дръжина игоревн · штроци свѣньльжи · изодѣлнса сѣть врѣжьемъ и портѣ · а мънази · понди княже с нами в дань · да и тѣ до вѣдешн и мъ · послѣша ихъ игорь · иде в дѣрева в дань ·** ('В тот же год [945 г.] сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельдовы обзавелись оружием (доспехами?) и одеждой, а мы — нагие. Пойдем, князь, с нами за данью. И ты приобретешь, и мы. Послушал их Игорь [и] пошел в Древлянскую землю за данью'). Письмо с пробелами между словами стало проникать в восточнославянскую письменность в XVI в. под западнославянским влиянием, чему способствовало распространение книгопечатания во второй половине XVI–XVII вв. В рукописных памятниках слитное письмо продолжало господствовать до XVII–XVIII вв. Вычленению отдельного слова при чтении средневекового текста способствовали лишь косвенные средства, к которым относились: 1) **диакритические знаки** (см.), ставившиеся над начальным гласным; 2) выносные буквы на конце слов; 3) **дублетные буквы** (см.), одна из которых употреблялась только в начале слова (**ѡ** и **Ѡ**, **ѣ** и **ѣ**, **ѡ** и **ѡ**), и др. Печатные книги сразу издавались с пробелами между словами, в рукописных же памятниках разделение на слова, более или менее соответствующее современному, окончательно формируется лишь к XVIII в. Что касается пробела в качестве знака твердости конечного согласного, то эта функция появляется только после реформы орфографии 1917–1918 гг. (см. **Реформа орфографии**).

В рамках целого текста пробел служит одним из **графических средств выразительности** (см.): в поэтическом произведении строфическая пауза подчеркивает законченность мысли в первой строфе и создает установку на восприятие следующей строфы как тоже относительно самостоятельного стихотворения; в прозаическом про-

изведении знаком деления текста на смысловые отрезки становятся **абзац** (см.) и **вертикальный пробел** — просвет перед строкой, увеличенный промежуток между строками, который также называют межстрочным интервалом, или **интерлиньяжем** (см.).

ПРОВЕРЯЕМЫЕ НАПИСАНИЯ — тип написаний, которые в рамках действия **морфологического принципа орфографии** (см.) могут быть проверены по **опорным написаниям** (см.). Противопоставлены **беспроверочным (беспроверочным, непроверяемым) написаниям** (см.). Более полное название проверяемых написаний — **косвенно проверяемые произношением написания**. Обычно возможность проверки связана с наличием живого фонетического чередования (см. **Чередования фонем**) в соответствующей морфеме: напр., в русском письме фонемы /s/ и /z/ в позиции перед шумным согласным могут быть обозначены и буквой **с**, и буквой **з** (ср. *рос, роз, стар, здоров, сдоба*), однако в словах *рос* и *роз* написание **с** или **з** проверяется по опорному написанию, которое представлено в этих морфемах перед гласными или сонантами (*росá*, если *рос* — род. мн., или *рослá*, если *рос* — прош. вр. м. р., *роза*), а в словах *стар, сдоба* и *здоров* такая проверка невозможна в силу отсутствия чередования глухого и звонкого согласных и, соответственно, опорного написания. Написание **с** и **з** в этих словах определяется **традиционным принципом орфографии** (см.), а практически просто заучивается, если написание не является фонетическим (см. **Фонетический принцип орфографии**).

Проверяемые написания представлены также и в других морфемах — приставках (*отдáть* — *óтдан* — *отодráть*; аналогично в предлогах: *на стóл* — *нá нос*, *по столу́* — *пó носу*), суффиксах (*пíсарь*, *лéкарь* — *псáрь*, *вратáрь*), окончаниях (*мы́ло* — *окно́*, *сту́ла* — *столá*, *хóдит* — *следúт*).

В некоторых случаях проверка возможна, но не осуществляется, так как соответствующие написания подчиняются **фонетическому принципу орфографии** (см.), напр. в приставках на -з- (*расписáть* при *рóспись*, *разнести́*).

ПРОКЛÍТИКА [от гр. проκλίνω (= *proklinō*) ‘наклоняю вперед’] — **клитика** (см.), примыкающая к ударному слову слева и входящая вместе с ним в одно **фонетическое слово** (см.): ср. *вы́шел на волю́*; *положил под_стóл*; но *ты́ же сказа́л, что вы́ не придете́* и т. п.

(проклитики выделены полужирным шрифтом, фонетические слова подчеркнуты).

ПРОПИСНАЯ БУКВА (см. Прописная и строчная буквы).

ПРОПИСНАЯ И СТРОЧНАЯ БУКВЫ [от др.-рус. **прописьныи** ‘вписываемый или наводимый золотом или кинovarью (о буквах)’, ср. **прописное слово**, **большое слово** ‘прописная буква’ (XVII в.); **строчьныи** ‘относящийся к строке, ряду букв в тексте’] — графические разновидности букв, отличающиеся по высоте, иногда по начертанию (напр., русские **А** и **а**, **Б** и **б**) и выполняющие различные функции в тексте. Иногда прописной и строчной варианты одной буквы считают разными графемами, а иногда — разными аллографами (см. **Аллограф**) одной графемы (буквы) (см. **Графема**). Прописные (большие, заглавные) буквы используются для указания на начало определенного отрезка текста (предложения, стихотворной строки и т. п.) и для выделения отдельных слов в тексте, а строчные (маленькие) противопоставлены прописным своей неспособностью играть роль такого выделителя.

В древности заглавные буквы употребляли только в заголовках, начале книги, главы, реже — абзаца, зачастую выделяя такую букву цветом, украшая орнаментом, рисунком. Воображение художника превращало букву «Р» в руку с ветвью, «В» — в виноградную лозу и т. д. Укрупненную начальную букву какого-либо раздела в тексте рукописной или печатной книги называли инициалом [от лат. *initialis* ‘начальный’] или буквицей. Обычный размер буквицы не превышал пяти строк. Инициалы, указывающие на членение текста на смысловые отрезки, были альтернативой пунктуации.

Поскольку древнее письмо было беспробельным, то в скорописи на протяжении XVI–XVII вв. в качестве сигнала границы слова стали употребляться строчные буквы несколько увеличенного размера. Постепенно, параллельно с появлением пробелов между словами и становлением пунктуационной системы, закрепились на письме и прописные буквы в начале предложения после точки, а потом и в собственных именах. В русском письме начертательное различие между прописными и строчными буквами было установлено в ходе Петровской реформы 1708–1710 гг.

Первые рекомендации по употреблению прописной буквы появились в XVII в. В 1619 г. Мелетий Смотрицкий («Грамматика

славенскія правильная синтагма») выделил группы слов, которые следует выделять прописной: имена собственные (*Богъ, Адамъ* и т. п.), «достоинства» (*Царь, Патриархъ, Воевода* и т. п.) и «художества» (*Грамматика, Логика, Философия* и т. п.). Строчные и прописные начертания букв впервые установлены Петровской реформой алфавита, а правила употребления прописной буквы были упорядочены лишь в руководстве Я. К. Грота «Русское правописание» (1885), где указаны условия выбора прописной или строчной буквы и выделены разряды слов, пишущихся с прописной: «Большие буквы во многих случаях доставляют ту практическую пользу, что при беглом чтении или при пересмотре прочитанного дают глазу точки опоры, отмечают ему отыскание нужного. Кроме того, они помогают узнавать... собственные слова».

Варьирование прописных и строчных букв является в русской графике элементом идеографического письма: отличающиеся по размеру, а иногда и по начертанию (вплоть до полного несходства) строчные и прописные буквы маркируют различие не в фонемном составе слова, а в его значении (ср.: *играть с шариком* ('маленький шар', т. е. имя нарицательное) и *играть с Шариком* ('кличка собаки', т. е. имя собственное); *обращаюсь к вам* (форма множественного числа местоимения) и *обращаюсь к Вам* (форма единственного числа местоимения); *боже мой* (междометие) и *Боже мой* (обращение к Богу)).

ПУНКТОГРАММА [от лат. *punctum* 'точка' и гр. *γράμμα* (= *gramma*) 'письменный знак'] — знак препинания, поставленный в соответствии с **правилами пунктуации** (см.), а также то место в тексте, где пишущий должен сделать выбор: ставить или не ставить знак препинания, и если ставить, то какой. Перечень пунктограмм соответствует перечню частных правил пунктуации, напр. **запятая между однородными членами** или **знаки препинания при прямой речи**. В понятие пунктограммы включается и отсутствие знака в том или ином месте предложения, если это отсутствие значимо, т. е. регламентировано правилами. Напр., отсутствие запятой между частями сложноподчиненного предложения, если придаточные являются однородными: *Мне хочется, чтобы после моей смерти кому-нибудь на Земле стало грустно — и чтобы этот кто-нибудь снял с полки томик Светлова и молча полистал его* (М. Светлов). Анализ пунктограмм называют пунктуационным разбором.

ПУНКТУАЦИОННАЯ ОШИБКА — ненормативная постановка или отсутствие знаков препинания, а также необоснованная замена одного знака препинания другим, противоречащие установленным правилам.

ПУНКТУАЦИОННЫЙ РАЗБОР — лингвистический анализ предложения, предполагающий выявление и объяснение **пунктограмм** (см.), их отнесенность к **правилам пунктуации** (см.) и пунктуационным принципам (см. **Принцип пунктуации**). Направлен на объяснение с помощью пунктуационных правил случаев постановки или отсутствия знаков препинания, а также рассматривает соотношение знаков препинания и условий их постановки. Использование пунктуационного разбора при обучении позволяет сформировать у ученика представление о функциях тех или иных знаков препинания, их соотношении с пунктуационными правилами и выработать сознательное отношение к решению о постановке знаков.

ПУНКТУАЦИЯ [от фр. *punctuation* ‘расстановка знаков препинания’ < лат. *punctum* ‘точка’ от лат. *pungo* ‘колю’] — 1. Система знаков препинания и некоторых других небуквенных графических средств, используемых для пунктуационной организации текста. 2. Исторически сложившаяся в языке система правил употребления знаков препинания в письменном тексте, а также принципы, лежащие в основании этих правил. 3. Раздел языкознания, изучающий пунктуацию в первых двух значениях.

Пунктуация как система знаков препинания состоит из небуквенных графических средств, которые используются для смыслового, синтаксического и отчасти интонационного членения текста на более мелкие отрезки. Основное назначение системы знаков препинания — облегчить читателю понимание смысловой и синтаксической структуры текста. По словам К. Паустовского, «знаки препинания — это как нотные знаки». Знаки препинания выполняют в тексте две основные функции — разделительную (см. **Отделяющие знаки препинания**) и выделительную (см. **Выделяющие знаки препинания**). Кроме знаков препинания, в пунктуационную систему входят некоторые другие графические средства — **абзац** (см.), вертикальный **пробел** (см.), шрифтовые средства: **курсив**, **полужирный шрифт** и др. (см. **Каллиграфема**, **Супраграфемика**). В последние годы обнаруживается тенденция к пополнению

пунктуационных средств языка за счет математических символов.

Формирование пунктуационных средств языка и правил их употребления — процесс исторический. Хотя пунктуационные знаки встречаются уже в древних рукописных книгах, в целом активное развитие пунктуации началось только после изобретения книгопечатания. В России разработка правил препинания приходится на XVIII–XIX вв. Разделы, посвященные употреблению знаков препинания, встречаются в грамматических трудах М. В. Ломоносова, Н. Я. Курганова, А. А. Барсова, А. Х. Востокова и др. Большой вклад в нормализацию правописания, и в частности пунктуации, внес во второй половине XIX в. академик Я. К. Грот. Однако и его капитальный труд «Русское правописание» (1885) не положил конца разнообразному пунктуационному оформлению печатных текстов. В XX в. разработке принципов русской пунктуации уделяли значительное внимание такие ученые, как Л. В. Щерба, А. М. Пешковский, А. Б. Шапиро. В 1956 г. Академией наук СССР были изданы «Правила русской орфографии и пунктуации», в которых изложены нормы употребления знаков препинания в русском языке. Этот труд лежит в основе современного употребления знаков препинания. Однако в «Правилах» 1956 г. отражены далеко не все случаи употребления знаков препинания, поскольку русская пунктуация продолжает развиваться.

РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ /Ъ/ И /Ь/ — фонемы /ъ/ и /ь/, которые входили в исходную систему гласных древнерусского языка и на письме передавались кириллическими буквами ѣ (ер) и ь (ерь).

Редуцированный /ъ/ восходит к праславянскому краткому звуку *ǫ и в древнерусском произносился как звук, средний между /u/ и /o/, а /ь/ возник из праславянского краткого и произносился как звук, средний между /i/ и /e/. Первоначальное произношение редуцированных гласных видно из древнерусских заимствований в финский язык: ср. др.-рус. **лъжка** ‘ложка’ → фин. *lusikka* и др.). Редуцированные гласные находились во многих древнерусских словах и морфемах — в корнях, приставках и предлогах, суффиксах и окончаниях: **сънѣ** ‘сон’, **днь** ‘день’, **тѣчка** ‘точка’, **сѣврати** ‘собрать’, **Смольнскѣ** ‘Смоленск’, **къ мѣнѣ** ‘ко мне’ и др.

Гласные /ъ/ и /ь/ произносились по-разному в зависимости от их места в слове. Напр., в конце слова (**домѣ**, **конѣ**) и перед слогом с другими гласными (**дѣва**, **всѣ**) редуцированные /ъ/ и /ь/ были короче

и артикулировались менее отчетливо, чем другие гласные. Можно сказать, что такие редуцированные были слабыми, т.е. находились в слабой позиции, а если /ъ/ и /ь/ оказывались перед слогом, в котором был слабый редуцированный (**дѣнь**, **лѣжка**, **сѣбѣрати**). Слабые редуцированные имели тенденцию к дальнейшему ослаблению вплоть до нуля звука, а сильные сближались с другими гласными: /ъ/ сближался с /о/, а /ь/ — с /е/. Сначала слабые редуцированные выпадали в быстрой речи, но восстанавливались в медленной, однако в конце концов формы без редуцированных постепенно проникли и в полный тип произнесения. Это звуковое изменение, которое заключалось в утрате слабых редуцированных и в переходе сильных в /о/, /е/, историки русского языка называют падением редуцированных гласных. Это изменение происходило в XII–XIII вв. Современные русские формы большинства приведенных слов, содержащих редуцированные гласные, соответствуют ожидаемым результатам: ср. **дѣва** > *два*, **сѣнь** > *сон*, **лѣжка** > *ложка*, **къ мѣнѣ** > *ко мне* и т.п. Однако если взять словоформу *Смоленск* или форму род. мн. *ложек*, *точек*, то после падения редуцированных из **Смольньскъ**, **лѣжкъ**, **тѣчкъ** следовало бы ожидать появления форм **Смолнеск*, **лжек*, **тчек*. Такие формы действительно отмечаются в древних рукописях, написанных во время падения редуцированных, но затем по аналогии с другими формами (напр., **лжек* > *ложек* по аналогии с закономерным *ложка*, **Смолнеск* > *Смоленск* по аналогии с закономерным *смоленский* из **смольньскни**) закрепились те формы, которые мы находим в литературном языке. В некоторых случаях в литературном языке закрепляются разные формы, восходящие к одной древней форме: ср. *грецкий* и *греческий* < **грѣчьскни**, *сбор* и *собор* < **сѣборъ**, *подошва* и *почва* < **подѣшьва** и т.п. Во всех случаях первой приведена фонетически закономерная форма, которая должна была получиться в процессе падения редуцированных.

В результате падения редуцированных в русском языке возникли чередования гласных с нулем звука: *сон* — *сна*, *день* — *дня*, *денѣк* — *денька*, *купец* — *кунца*, *срывать* — *срывать*, *ко мне* — *к тебе* и т.п. (см. **Беглые гласные**).

После падения редуцированных изменилось значение букв **ѣ** и **ь**, которые утратили прежнее звуковое значение и стали обозначать твердость и мягкость предшествующих согласных, а также использоваться в функции разделительных знаков. В современном русском письме **ѣ** утратил функцию обозначения твердости, оставив за со-

бой только разделительную функцию (см. **Слоговой принцип графики**).

РЕФОРМА ОРФОГРАФИИ — изменение норм правописания с целью его усовершенствования.

Строгого определения того, что именно можно считать орфографической реформой, не существует. В узком смысле реформой следует называть только значительные изменения правописания, состоящие не в корректировке отдельных правил орфографии и пунктуации, а в смене базовых принципов, на которых строится система письма или отдельная группа правил. Однако чаще термин «реформа» используется применительно к любым попыткам изменить русскую орфографико-пунктуационную систему, осуществлявшимся гласно и вызвавшим общественный резонанс. Обычному же грамотному носителю языка реформой кажется все, что меняет привычные для него правила.

Как старославянское, так и древнерусское письмо не базировалось на каких-либо теоретических установках и изначально было по преимуществу фонетическим, т.е. на письме передавались все позиционные чередования звуков: писали **ищадне** ‘потомство’ вместо **изчадне** (ср. **излиха** ‘слишком’ и **чадо**), **ицѣлити** ‘излечить’ вместо **изцѣлити** (ср. **цѣлити** ‘исцелять’), **вести** ‘везти’, а не **везти** (ср. **везж**), **излѣсти** ‘вылезти’, а не **излѣзти** (ср. **излѣзж**) и т.п. С развитием письменности все больше укреплялась литературно-письменная традиция (писали так, как принято, т.е. как писали раньше), а происходившие на протяжении веков изменения в произношении постепенно подталкивали пишущих к своеобразному компромиссу между стихийным фонетическим принципом письма и переставшими ему соответствовать традиционными написаниями, в результате чего постепенно стал формироваться **морфологический принцип орфографии** (см.). По мере укрепления письменной традиции и накопления **звуковых изменений** (см.) увеличивается разрыв между написанием и произношением, создавая предпосылки для возникновения орфографии с неоднозначным соотношением букв и фонем, которая первоначально не предусматривалась создателями славянской письменности.

С середины XVIII в., в эпоху поисков нормы русского литературного языка, общего стремления к упорядочению языкового употребления, начинаются теоретические поиски наиболее рациональных

принципов правописания: орфографические нормы уже не стихийно складываются и затем закрепляются в грамматиках, а создаются сознательно.

Первыми попытками найти такие принципы стали грамматика В. Е. Адодурова (1738–1740) и «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой» (1748) В. К. Тредиаковского, концептуально близкие по основным выдвинутым ими положениям. Как Адодуров, так и Тредиаковский (последний более последовательно) отстаивают принцип соответствия «буква — звук», т. е. фонетическое письмо (прежде всего в области согласных), споря со сторонниками письма по морфологическому принципу: «Та орфография только правильная, которая одни только наблюдает звоны [т. е. звуки]» (В. К. Тредиаковский). Доводы Тредиаковского основаны на анализе уже укрепившихся написаний: напр., сопоставляя слова *мороз* — *морозы* и *пишу* — *писание*, он приходит к выводу о том, что если в целях сохранения неизменного облика корня в слове *мороз* вместо *с* пишется *з*, то следовало бы и в существительном *писание* вместо *с* писать *ш*. И коль скоро орфограмма *пишание* невозможна, то следует и вовсе отказаться от морфологического принципа и писать *морос* — *морозы*.

Опровергнуть доводы Тредиаковского можно было лишь при помощи теории, разграничивающей позиционные и непозиционные чередования (см. **Чередование фонем**), которая появилась гораздо позднее. Поэтому сторонники основания орфографии на морфологическом принципе скорее констатировали сложившееся положение вещей, чем обосновывали разумность его применения в русском письме. М. В. Ломоносов указывал в «Российской грамматике» (1755): писать надо так, чтобы «не закрылись совсем следы произхождения и сложения речений» (т. е. слов), однако при этом не удаляться «от чистого выговора».

В филологических трудах XVIII в. вопросы правописания, его системной организации и практического применения занимали одно из ведущих мест. Орфографическая мысль развивалась по ломоносовскому пути, и несомненным завоеванием этой эпохи можно считать установление «словопроизводственного» (морфологического) принципа орфографии и утверждение важнейших правил правописания.

Языкознание XIX в. ознаменовалось, во-первых, возникновением сравнительно-исторического метода изучения языков и научного славяноведения с его интересом к древней письменности, что соз-

давало предпосылки для научного обоснования морфологического и традиционного принципов орфографии, и, во-вторых, новым отношением к орфографической норме: в эту эпоху нормы правописания не только излагаются в грамматиках, но и закрепляются в орфографических словарях. Задача традиционного принципа, который фактически не противопоставлялся морфологическому (объединяясь с ним общим названием «этимологический принцип»), по мнению многих орфографистов того времени, состоит в том, чтобы обнажить наиболее достоверный с точки зрения этимологии письменный облик слова. В руководстве «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне» Я. К. Грота (1873) отмечается, что «правописание бывает: 1) фонетическое (звуковое), когда слова пишутся сходно с произношением... и 2) этимологическое, или историческое, когда в письме, с одной стороны, соблюдается производство слов, а с другой — отражается древнее, уже изменившееся произношение или вообще употребляются общепринятые издавна начертания, не указываемые живой речью». По мнению Грота, в русском письме преобладает характер этимологический, при котором «согласно с непрерывно развивающеюся историческою жизнью языка в начертаниях ясны... следы происхождения и состава слов». Однако среди филологов — современников Грота были сторонники и фонетических, и морфологических, и традиционных написаний. Рекомендации различных орфографических руководств и словарей были зачастую непоследовательны и субъективны. Так, весьма популярные работы Н. И. Греча, посвященные практической орфографии, строились не на исследовании законов языка, а на литературных образцах. «Когда же образцы не давали ответа или между ними наблюдалось разногласие, придумывались правила чисто условные, основанные на... внешних соображениях» (Я. К. Грот).

В условиях отсутствия в XIX в. общепринятой теории письма и единых норм, опирающихся на строго обоснованные научные принципы, разноречивой в целом ряде написаний оказывался значительным. К концу XIX в. накопилось множество предложений по реформированию русской орфографии, которые поступали не только от ученых, но и от преподавателей словесности, замечавших, что усвоение многих орфограмм требует от учащихся траты огромного времени не на понимание принципов правописания, а на бессмысленную зубрежку, ибо школьное обучение не дает возможности объяснения традиционных написаний. Призывы к упрощению орфографии были

реализованы в проектах реформы русского правописания, с которыми в 1900 г. выступили Московское и Казанское педагогические общества. Немаловажно и то, что эпоха конца XIX — начала XX века была временем становления теории фонемы (И. А. Бодуэн де Куртене, Л. В. Щерба), которая позволила последовательно различать для каждой эпохи живые и исторические чередования и оказала сильное влияние на развитие теории русской орфографии.

В 1904 г. при Академии наук была создана **Орфографическая комиссия РАН** (см.). Основными направлениями ее работы стали построение орфографии на едином принципе и избавление русского письма от написаний, которые не оправдываются современным состоянием языка. Дискуссии по поводу усовершенствования письма породили в эту эпоху большую и весьма ценную научную литературу, которая характеризовала русскую орфографию с разных точек зрения и давала ей детальное освещение. Среди членов комиссии были сторонники построения орфографии и на фонетических, и на традиционно-исторических началах, однако в результате перевесил принцип именно морфологической орфографии, которая позволяет передавать на письме «составные части слов в их наиболее чистом, независимом виде» (согласно формулировке Р. Ф. Брандта). Окончательный проект реформы был подготовлен к лету 1912 г., но провести его в жизнь помешала боязнь «орфографической смуты», хотя с этого времени уже появились единичные издания, напечатанные по новой орфографии.

Рекомендации Орфографической комиссии, пройдя трудный путь обсуждений и сокращений, воплотились в закон лишь на волне тех глобальных перемен, которые принесли революционные события 1917 г., — подобно тому, как и Петровская реформа азбуки 1708–1710 гг. была тесно связана с общим духом социальных преобразований. Фактически реформа была декретирована уже Временным правительством, которое 11 (24) мая 1917 г., в день памяти святых Кирилла и Мефодия, утвердило новые правила русского письма.

Из алфавита были удалены буквы **ѣ** (см. **Ять**), **ѿ** (см. **Фита**), **і** (см. **И десятиричное**) — вместо них теперь следовало употреблять **е**, **ф**, **и**. О букве **ѵ** (см. **Ижица**) новые правила не упоминали, однако она полностью вышла из употребления именно в результате этой реформы. Написание **ѣ** (см. **Буква твердый знак, Ер**) сохранено в середине слов в качестве разделительного знака, но отменено на конце слов и частей сложных слов после твердых согласных. Церковнославянские окон-

чания прилагательных, причастий и местоимений *-аго, -яго* заменены русскими *-ого, -его*. Устранены разграничения некоторых форм мужского и среднего рода, с одной стороны, и женского рода — с другой: формы местоимений женского рода *однѣ* и *онѣ* теперь уравниены с формами мужского и среднего рода *одни* и *они*, а формы именительного и винительного падежа прилагательных, причастий и местоимений женского рода *-ия, -ья* — с формами мужского и среднего рода на *-ие, -ье*. Форма притяжательного местоимения *ея* заменена на *еѣ*. Введено написание *-с-* вместо *-з-* на конце некоторых приставок (*без-(небез-, обез-), воз-(вз-), из-(сыз-), низ-, раз- (роз-), через-(чрез-)*) перед следующим глухим согласным. Указано на желательность, хотя и необязательность употребления буквы *ѣ*; утверждены правила переноса.

Уже от имени советской власти, для которой упрощение правописания стало одной из первостепенных задач, были созданы три руководства к проведению реформы. 23 декабря 1917 г. Народный комиссариат просвещения издал декрет, согласно которому предписывалось «в кратчайший срок осуществить переход к новому правописанию»: по-новому с 1 января 1918 г. должны печататься все периодические (журналы, газеты) и непериодические (книги, труды, сборники и т. п.) издания, писаться все документы и бумаги, а в школах новые правила предполагалось вводить постепенно. «Появление каких бы то ни было текстов по старой орфографии будет считаться уступкой контрреволюции, и отсюда будут делаться соответствующие выводы», — заявляла новая власть. 10 октября 1918 г. Совет народных комиссаров утвердил второй декрет, несколько уточнявший вводимые правила: здесь уже нет упоминания о букве *ѣ*, а также о слитных и отдельных написаниях. Но самое главное — новые нормы правописания были представлены в этом декрете как разработанные Народным комиссариатом просвещения, и тем самым орфографические изменения становились важной акцией именно советского правительства. 14 октября 1918 г. Высший совет народного хозяйства принял постановление «Об изъятии из обращения общих букв русского шрифта в связи с введением новой орфографии». Этот документ требовал прекратить отливку исключенных из русского алфавита букв, изъять их матрицы из касс наборных машин, печатать все издания по новой орфографии, а за нарушение постановления установить штраф.

Новая орфография приживалась трудно: отдельные советские издательства допускали в текстах дореформенные написания вплоть

до 1923 г., а эмигрантские издания сохраняли верность дореформенному письму, ставшему ностальгическим символом прежней России, до последнего номера (напр., парижская газета «Возрождение» — до 1940 г.). У большинства носителей языка новый облик печатного слова вызывал раздражение. Но через некоторое время пишущий «свыкся с большинством повелительных декретных указаний» и «перестал испытывать болезненное чувство толчка на ухабе, когда безжалостным толчком выбивал Ъ и заменял ее грубым Е» (из газет).

Реформа 1917–1918 гг. весьма способствовала устранению неоправданного орфографического разнообразия, однако нововведения не коснулись целого ряда спорных написаний, по-прежнему остававшихся вариантными: **о** и **ё** после шипящих (*чёрный* и *чорный*), удвоенных согласных (*ветренный* и *ветренный*), непроверяемых гласных (*калач* и *колач*) и др.

Дальнейшее развитие орфографического реформирования было связано с очевидной многим лингвистам недостаточностью свершившейся реформы. И хотя, по мнению Л. В. Щербы, неизбежным следствием всяких орфографических изменений становится снижение грамотности, т. к. самим фактом реформы разрушается авторитет орфографии как стабильной и незыблемой системы правил, в 1929 г. была создана новая Орфографическая комиссия, которая должна была завершить усовершенствование русской орфографии. Но проект Главнауки, появившийся в 1930 г. и включавший 20 пунктов (среди которых были предложения отменить букву **ъ** и использовать в качестве разделительного только **ь**; после шипящих и **ц** под ударением всегда писать только **о** (*пчолка*, *щоки*, *жоны*, *шол*); сохранять удвоенные согласные лишь при встрече одинаковых букв в корнях (*жужжать*), в корнях и приставках (*поддержка*) и в глаголах на *-ся* (*спасся*), но писать *деревянный*, *русский*, *комуна*; все сложные прилагательные писать в одно слово без дефиса (*бледнорозовый*, *Московскоказанская*) и т. п.), не был одобрен. Критики проекта отмечали прежде всего то, что у его создателей отсутствовала принципиальная точка зрения на письменный язык, вследствие чего их предложения были направлены на упрощение, но не урегулирование орфографии.

С 1934 г. в Москве и Ленинграде активизировалась работа уже не по реформированию, а по упорядочению и улучшению существующей орфографии. Этот этап орфографического строительства должен был привести к созданию единого орфографического свода, построенного на научных принципах. Из действующих норм правописания

предполагалось устранить ничем не оправданные исключения, противоречия, двойкие написания, ввести определенную систему в расположении правил и уточнить их формулировки. В итоге были созданы «Правила русской орфографии и пунктуации» — первый академический свод правил, первый опыт наиболее полной кодификации, первый в истории русской культуры официально утвержденный документ, получивший статус обязательного для всех пользующихся русским языком. Кроме того, был составлен большой (на 110 тыс. слов) «Орфографический словарь русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро (с приложением правил орфографии). Оба эти документа вышли в 1956 г. — опять-таки на фоне значительных политических перемен в жизни СССР.

Правила свода (203 параграфа, из которых 124 посвящены орфографии и 79 — пунктуации) не только во многих случаях «исключили исключения», ликвидировали разноречивую ряды написаний, но и выдвинули ряд совершенно новых положений: 1) после русскоязычных приставок на согласный, кроме приставок *меж-* и *сверх-*, всегда писать букву **ы** вместо **и**: *разыграть*, *подытожить* и т. п.; 2) писать по единому правилу (через дефис) все наречия, образованные от прилагательных и местоимений, начинающиеся с *по-* и оканчивающиеся на *-ки*, *-ьи*, *-ому*, *-ему*: *по-русски*, *по-птичьи*, *по-соловьиному*, *по-моему*, *по-пустому*; 3) писать по единому правилу (через дефис) все прилагательные, образованные из двух основ и обозначающие: а) качество с дополнительным оттенком: *раскатисто-громкий*, *горько-солёный*; б) оттенки цветов, напр.: *ярко-синий*, *темно-русый*, *изжелта-красный*.

Введение для большинства написаний единой безвариантной нормы привело к утверждению так называемого орфографического режима, который имел и некоторые довольно печальные последствия, породив своего рода «орфографический фанатизм»: владение навыками правописания оказалось возведенным чуть ли не в ранг нравственной категории.

Однако и этот свод правил, который считается действующим и поныне, не разрешил всех орфографических проблем: так, напр., в нем не было оговорено не вписывающееся в правила написание *розыскной*; сохранялась труднообъяснимая зависимость слитного или дефисного правописания элемента *пол-* от следующей буквы; слитность или раздельность написания отдельных наречий, хотя и регламентировалась правилами, но зачастую объяснялась лишь устойчиво-

востью традиций письма; оставалось не вполне упорядоченным написание сложных прилагательных и т. п.

Поэтому в начале 1960-х гг. дискуссии о необходимости уточнения и изменения действующих правил развернулись вновь. В 1963 г. была образована очередная Орфографическая комиссия, в состав которой входили не только выдающиеся языковеды (В. В. Виноградов, А. А. Реформатский, С. И. Ожегов), но и учителя, психологи, писатели (напр., К. И. Чуковский), и результатом ее работы стало создание в 1964 г. «Предложений по усовершенствованию русской орфографии», выдвинутых Орфографической комиссией. Этот проект отчасти повторял невоплощенные предложения, выдвигаемые как в начале XX в., так и в 1930-е гг.: после **ц** писать всегда **и** (*огурци, бледнолиций*); после шипящих не писать **ь** (*ноч, рож, читаем*); отменить чередования в корнях *-зар-/-зор-, -раст-/-рост-* и др.; изъять исключения (писать *жури, брошура, парашут, заец, достоен, деревянный, оловянный, стеклянный*) и т. п. Орфографические реформы всегда в той или иной степени безболезненно проходят лишь в период коренных изменений в государстве, и уже сама политическая атмосфера 1960-х не только предопределила неприятие нововведений, но и вызвала подозрения в том, что орфографические изменения вызовут изменения и в самом языке.

Одновременно с переустройством русской орфографии на научной основе всегда происходит ее стихийное преобразование, когда практические нововведения в письме опережают теоретические рекомендации лингвистов-кодификаторов. Эти рекомендации всегда безуспешны, если они противоречат этой исподволь зреющей тенденции в развитии русского письма. По замечанию одного из ученых, «обычай в подобных случаях имеет значение стихийной силы, с которой так же трудно бороться, как со всякой стихийной массой» (З. З. Опоков). И общее направление этого стихийного процесса всегда ведет, с одной стороны, к установлению господства одного, наиболее отвечающего структуре современного русского языка, орфографического принципа, а с другой — к упрощению правил, трудных для применения на практике.

Со времени создания академического свода «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. прошло более полувека, язык же находится в постоянном движении, развитии: появились новые слова и конструкции, в том числе и заимствованные, постоянно растет число сложных прилагательных, терминов, написание которых дей-

ствующими правилами не регламентировано. И понятно, что эти правила уже не вполне отвечают современному состоянию русской речи и стихийно сложившейся орфографической практике и потому нуждаются в целом ряде уточнений и поправок. Исходя из этих потребностей в конце минувшего столетия в Институте русского языка им. В. В. Виноградова в Москве и Орфографической комиссии РАН, в состав которой вошли ученые-лингвисты, преподаватели вузов и учителя средней школы, началась работа над проектом новой редакции правил. Главная задача новой редакции состояла в детализации правил, введении в них нового материала, разработке принципов правописания новых слов и устранении некоторых недочетов свода 1956 г. Авторы проекта открыто заявляли, что эти предложения следует считать не реформой, а лишь корректировкой некоторых орфографических норм.

Предлагаемые изменения не покушались на главнейшие устойчивые нормы, а, напротив, были призваны привести в соответствие с ней некоторые из тех употреблений, которые, в силу различных исторических обстоятельств, либо вступают в противоречие с реально сложившейся практикой, либо не являются типичными, либо не согласуются с сегодняшними тенденциями языкового развития. Однако, несмотря на это, предложения Орфографической комиссии вызвали бурные общественные дискуссии. От части предложений, подвергнутых наиболее ожесточенной критике, авторы проекта в результате отказались (напр., устранить исключения и писать *брошура* и *парашут*; устранить нарушения слогового принципа графики и писать *конвеер*, *феерверк* и т. п.; писать слитно образования с приставкой *экс-* в значении 'бывший' (*экспрезидент*, *экссоветский*); писать соединения с компонентом *пол-* ('половина') всегда через дефис (*пол-метра*, *пол-двенадцатого*); писать с одним *н* как прилагательные, так и причастия, образованные от глаголов несовершенного вида: *жареная на масле картошка* и *жареная картошка* и т. п.).

В 2006 г. были опубликованы «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник», содержащие 386 параграфов, из которых 219 посвящены орфографическим нормам и 167 — пунктуационным. Издан и орфографический словарь («Русский орфографический словарь», под ред. В. В. Лопатина, изд. 1-е, М., 1999; изд. 2-е, М., 2005), который является дополнением к правилам.

В этих изданиях довольно много нововведений: писать через **а** прилагательное *разыскной* (в соответствии с фонетическим прин-

ципом письма), как и во всех случаях употребления этой приставки; у слов с односложной основой на *-ий, -ия* в предложном падеже писать *е*: о *змие, о кие, в «Вице», на Бие* (тогда как «Правила» 1956 г. предлагали для всех слов с основой на *-и* написания *о гении, в «Виш», на Биш, о Мариш*); в качестве исключений писать через дефис некоторые сложные прилагательные с подчинительным соотношением основ: *государственно-монополистический* (от *государственная монополия*), *военно-исторический* (от *военная история*), *генно-инженерный* (от *генная инженерия*) и множество других (по мнению авторов справочника, дефисному написанию таких слов способствует наличие в первой основе суффикса относительных прилагательных *-н-, -енн-, -ов-, -ск-*) и т. п.

РИСУНОЧНОЕ ПИСЬМО́ (то же, что **Пиктографическое письмо**)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ — то же, что дифференцирующий принцип орфографии (см. **Дифференцирующие написание**).

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ — в классификации А. А. Реформатского — орфографический принцип, связанный с проявлением своеобразной идеографии и определяющий различное написание фонетически неразличимых слов (омонимов): *миръ* (антоним *войны*) и *миръ* (синоним *вселенной*) в дореформенной русской орфографии; *френч* (имя нарицательное) и *Френч* (имя собственное). При выделении этого принципа его действию следовало бы приписать появление **дифференцирующих написаний** (см.), а также написаний, объяснимых действием принципа морфолого-графических аналогий (см. **Морфолого-графических аналогий принцип орфографии**).

СИНГРАФЕМИКА [от гр. συν- (= *syn*) ‘вместе’ и γράφω (= *graphō*) ‘пишу’] — 1. Механизмы художественно-стилистического варьирования пунктуационных знаков; 2. Раздел **параграфемики** (см.), изучающий такое варьирование.

Возможность пунктуационного варьирования (выбора знака или места его постановки) определяется **смысловым принципом пунктуации** (см.). Синграфический же потенциал того или иного знака препинания заложен в функциях самих знаков. Так, способность

тире (см.) выступать в качестве знака актуального членения предложения используется в стихотворении В. А. Сосноры, которое представляет собой парафраз пушкинского «Я вас любил. Любовь еще, быть может...»: *Я вас любил. Любовь еще — быть может. / Но ей не быть* (в начале текста) и *Я — вас любил. Любовь — еще быть может...* / *Не вас, не к вам* (в финале стихотворения). Благодаря варьированию местоположения знака меняется не только смысл высказывания, но и частеречный статус слова *еще*: если во втором случае оно выступает как наречие, то в первом может быть понято как окказиональное прилагательное со значением 'возможный в будущем'.

Роль синграфем (знаков препинания, участвующих в художественно-стилистическом варьировании) играют и **внутрисловные знаки препинания** (см.), способные обнажить обусловленное контекстом структурное или интонационное членение словоформы. См., напр., в «Цыганском вальсе на гитаре» И. Сельвинского (1922): *Нючъ-чи? Сон-ы. Прох?ладыда / Здесь в аллеяях загалохше?-го сад-ы / И доносится толико стон'ы? гиттаоры*. По замечанию Ю. Тынянова, это стихотворение «читать... нельзя, а нужно петь».

В сознании носителей языка знаки препинания отчетливо семантизированы, и представление об инвариантном значении каждого из знаков отражается, в частности, в национальной фразеологии: *ставить точку (на чем-л.), до последней запятой, заметить в скобках* и т. п. Вследствие этого пунктуационные символы оказываются способными не только указывать на смысловое и структурное членение письменного текста и сигнализировать об интонации его прочтения, но и сами по себе быть носителями смыслов. Поэтому последовательность знаков препинания в тексте может быть семантически и стилистически значимой. Так, в эссе В. Л. Топорова «На допросе у вещего старца» последовательность «восклицательный знак — вопросительный знак — многоточие — точка» складывается в фигуру антиградации — названия нагруженных эмоционально-экспрессивным содержанием знаков расположены по убыванию экспрессии: *Трудно произнести такое — при всей очевидности, — еще труднее увенчать фразу не **восклицательным знаком** (возмущенным или восхищенным), не **вопросительным** («как он мог?» или хотя бы «неужели»?), не **пестрой**, как смешение рас, чередой вопросов и восклицаний и даже не **амбивалентным** в своей устремленности в будущее (которое, как известно, туманно) **многоточием**, а **невзрачной, сиротливой, взвешенной** или по меньшей мере как бы **взвешенной точкой***. Во фрагменте

рассказа Татьяны Толстой «Милая Шура»: *На четыре времени года раскладывается человеческая жизнь. Весна!!! Лето. Осень... Зима?* — последовательность «восклицательный знак — точка — многоточие — вопросительный знак» представляет собою пунктуационный комплекс, внутри которого градуирована эмоционально-экспрессивная функция каждого из его членов: от восторженности, выражаемой при помощи восклицательного знака, — через удовлетворенную завершенность, отмеченную точкой, — к недосказанности, символизируемой многоточием, — до недоумения, передаваемого знаком вопроса.

Более того, знаки препинания могут служить заместителями высказываний. См., напр., диалог:

Он: !

Она: ?

Он: !!

Она: ?

Он: !!!

Она: ?

Он: ???

Она: !

Он: «...», «...», «...»!

Она: «...», «...», «...», «...», «...», «...»...

Он: ?

Она: !

Он: ??

Она: !!!

Он: .

Она: .

Синграфически значимым может быть и отсутствие знаков препинания. В поэтическом тексте этот прием позволяет устранить границы между синтагмами, благодаря чему каждая словоформа оказывается включенной во множество сочетаний (напр.: *лечу стрелой насквозь больную жизнь / чей незабвенный образ я веду / за ручку до которой сам дошел / своим умом когда с него сходил.* — В. Строчков). В современной интернет-коммуникации семантически нагруженным становится отсутствие точки в конце текстовых сообщений, поскольку ее постановка служит для читающего сигналом нежелания пишу-

щего продолжать диалог — сообщает, что сказать ему больше нечего и потому длить разговор нет смысла.

СИНОГЛИФЫ [от др.-гр. *συν-* (= *syn*) ‘с, вместе’ + фр. *glyphe* ‘вырезанная черта’ < гр. *γλυφή* (= *glyphē*) ‘резьба’] — графические знаки, имеющие одинаковое звуковое значение, но различающиеся по начертанию. Напр., разные графические варианты строчной рукописной кириллической буквы: **т** и **Т**; варианты греческой *сигмы* **σ** (пишется во всех случаях кроме конца слова) и **ς** (используется на конце словоформы), которые считаются одной буквой (ср. *σῦσσιτος* ‘сотрапезник’); цифры **5** (арабская) и **V** (римская). Применительно к русскому письму до орфографической реформы 1917–1918 гг. можно говорить о синоглифии графем **е** и **ѣ**; **и**, **і** и **ѵ**; **ф** и **ѳ**, которые также называют омофоничными буквами и буквами-дублетами (см. **Дублетные буквы**).

СИНТАГМА [из гр. *σύνταγμα* (= *syntagma*) ‘нечто составленное, построенное’] — одно из центральных понятий интонации в концепции Л. В. Щербы, минимальная речевая единица, обнаруживаемая в результате одновременно смыслового и собственно фонетического (интонационного) членения конкретного речевого потока, высказывания. Членение на синтагмы происходит в процессе речи, поэтому синтагмы не являются единицами языковой системы. Щерба определял синтагму как «фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их». В конкретном речевом контексте синтагмы не делятся на меньшие интонационно-смысловые единицы. В смысловом отношении синтагмы, по Щербе, выражают «в данном контексте одно, хотя бы и сложное понятие», а фонетически — это «отрезки, характеризующие усилением ударения последнего слова». Так, в высказывании *Зная, что дома нет еды, | я зашел в магазин ||* две синтагмы, причем первая — *Зная, что дома нет еды* — представляет собой интонационно-смысловое единство, несмотря на его сложную синтаксическую структуру с союзом *что*. Полу жирным шрифтом выделена словоформа, на которую падает синтагматическое ударение. Синтагмы, входящие в состав высказывания, могут состоять из одного или нескольких слов и могут отделяться друг от друга паузами, но последнее не обязательно. Само же высказывание может состоять из одной или нескольких синтагм,

причем членение на синтагмы отражает смысловое членение высказывания. Классическим примером «минимальной пары» высказываний, смысл которых определяется синтагматическим членением, стали высказывания *Казнить нельзя, | помиловать.* и *Казнить, | нельзя помиловать.* Есть и более тонкие различия. Так, высказывание с нейтральным сообщением *Он зайдет ко мне завтра утром* || состоит из одной синтагмы. При необходимости уточнить время визита это высказывание может быть расчленено на две синтагмы: *Он зайдет ко мне́ завтра, | утром* ||. Если же надо подчеркнуть сам факт визита, то возможно и другое членение: *Он зайдёт ко мне́, | завтра утром* ||. Как мы видим, наличие разных возможностей синтагматического членения фразы не означает, что членение на синтагмы произвольно. Оно не может нарушать синтаксических правил русского языка. Напр., невозможно такое членение приведенного высказывания: *Он | зайдет | ко мне завтра | утром* ||. Различное членение на синтагмы часто обыгрывается юмористически: ср. *В Америке работают, | если платят хорошо* ||. *В России работают.* || *Если платят — | хорошо* ||.

Членение на синтагмы диктуется общим смыслом высказывания и, соответственно, грамматическими особенностями входящих в него словоформ. Напр., во фразе *Он замучил его стихами брата* членение на синтагмы зависит от структуры предложения. Если *его* является притяжательным местоимением, а *брата* — прямым дополнением в вин. п., то фраза может члениваться так: *Он замучил его стихами | брата* ||. Если же *его* — прямое дополнение, выраженное личным местоимением в вин. п., а *брата* — род. п. принадлежности, то фраза может быть разбита на синтагмы следующим образом: *Он замучил его | стихами брата* ||. Некоторая «двусмысленность» этого предложения вызвана омонимичностью словоформ *его* и *брата*. Если же заменить *брата* на *сестру* или *сестры́*, то двусмысленность пропадет, что отразится на количестве вариантов членения: *Он замучил его стихами | сестру* ||. — *Он замучил | его стихами сестру* || — *Он замучил его | стихами сестры* ||.

Постановка наиболее употребительного знака препинания древнерусской письменности — **точки** (см.) — во многих текстах, по видимому, определялась синтагматическим строением, т.е. точки членили древний текст на синтагмы. Современное русское письмо в большей степени опирается на **грамматический принцип пунктуации** (см.; см. также **Принцип пунктуации, Интонационный принцип пунктуации**).

СКОБКИ — парный выделяющий пунктуационный знак, который изолирует части текста, содержащие добавочные замечания и пояснения.

Все парные знаки препинания призваны ограничивать контекст, грамматически или семантически обособленный от основного высказывания, однако у скобок их роль как семантического ограничителя явно превалирует над грамматической. На это указывает, в частности, устойчивое сочетание *в скобках* ‘между прочим, попутно, кстати (сказать, заметить, упомянуть и т. п.)’: *Вот почему, говоря в скобках, так хороши наши светские условия и приличия* (Ф. Достоевский).

Впервые описаны в грамматике М. Смотрицкого (1619), указавшего, что квадратные скобки (*вместная*) призваны сделать излагаемое «удобным для разумения», а круглые скобки (*отложная*) предназначаются для передачи дополнительной информации (которая «ни ко предыдущему, ни к последующему прямого отношения не имеет, но сама по себе стоит»). (Заметим, что сам Смотрицкий широко использовал и еще один вид скобок — *фигурные*.) Грамматикой М. В. Ломоносова (1755) был узаконен единый пунктуационный знак для выделения любого типа вставок — круглые скобки (*вместительный <знак>*). Термин «скобки» устанавливается в начале XIX в. (ср. «замечу в скобках» в «Евгении Онегине»), хотя еще в Российской академической грамматике (2-е изд., 1809) используется название *вместительная*.

Основная роль скобок — выделять вставные конструкции, напр.: *В тридцатые годы (время Пушкина) часовня горит* (В. Солоухин); *Я вскочил (ночем мы всегда одетые) и вооружился* (А. Марлинский). Скобки — наиболее сильный (по сравнению с парными тире и парными запятыми) знак выделения вставки. Объем такой вставки может варьироваться от одной буквы (см. **Внутрисловные знаки препинания**) до нескольких предложений.

Круглые скобки выделяют любые по содержанию, объему и структуре вставные конструкции и используются в текстах всех функциональных стилей. В художественных и публицистических текстах с их помощью оформляются факультативные сведения, создающие двуплановость повествования. Традиция восходит к Н. М. Карамзину: *После сего Эраст и Лиза, боясь не сдержать слова своего, всякий вечер виделись (тогда как Лизина мать ложилась спать) или на берегу реки, или в березовой роще, но всего чаще под тению столет-*

них дубов (*саженях в осьмидесяти от хижины*) — дубов, осеняющих глубокий чистый пруд, еще в древние времена ископанный. Скобками также оформляются авторские ремарки: — Я, знаешь, и надумала (*она пробует улыбнуться*) — насчет, знаешь, землицы... (В. Короленко); Артемий Филиппович (*продолжая читать*). Надзиратель над богоугодным заведе... и... и... и... (*Заикается.*) (Н. Гоголь). В научном и деловом тексте использование круглых скобок способствует максимальной компрессии информации: читатель воспринимает сведения в скобках как уточнения, разъяснения, добавления, не отвлекаясь от основной мысли: *Вопросительный знак в скобках ставится для выражения отношения автора к чужому тексту (согласия, одобрения или иронии, возмущения)*... (Д. Розенталь). Скобки также оформляют лаконичные ссылки на источник информации при цитировании: *Природа не храм, а мастерская (И. Тургенев)*; авторские замечания в виде слов или знаков препинания внутри цитаты, напр.: «...Уже веселые и шумные вином, уже певучие (?) и светлые (!) кругами сидели у стола». Что за странный набор слов! (В. Белинский).

Другие виды скобок: квадратные (прямые) [...], угловые <...>, фигурные {...} употребляются в специальных целях. **Квадратные** скобки [...] используются в научных текстах: 1) для обозначения фонетической транскрипции; 2) для объяснения этимологии слова; 3) при цитировании: для расшифровки сокращений или внесения в текст мелких примечаний, напр.: Он [*Платон Каратаев*] сам не знал и не мог определить, сколько ему лет (Л. Толстой); 4) для указания на источник цитирования, напр.: *Типографское назначение пунктуации состоит в «расчленении целого текста на части с тем, чтобы представить текст не как аморфную массу символов, а в виде единицы, быстро и четко различаемых глазом» [Веденина Л. Г., 1975, 156]* (Н. Шубина); 5) для того, чтобы избежать употребления двойных скобок одного рисунка, напр.: добавка «Кола» [*краситель «Карамель» (E150)*]. **Угловые** (ломаные, рубленые) скобки <...> используются: 1) для обозначения пропуска в цитате, напр.: *По замечанию Чехова, «жизнь даётся один раз, и хочется прожить её бодро, осмысленно, красиво <...>, чтобы те же поколения не имели права сказать <...>: то было ничтожество»*; 2) для обозначения фонематической транскрипции. **Фигурные** скобки {...} чаще всего употребляются как знак, объединяющий заключенные в квадратные и круглые скобки элементы единиц (напр., в горизонтальной схеме сложного предложения {[B

один из вечеров нехстати пошел снег¹] и [подуло с севера²]], (точно опять наступала зима³) (Чехов) = {[...¹] и [...²]}, точно (...³) или в математических формулах).

Знаком препинания считают и одиночную скобку, которая применяется при цифровой или буквенной рубрикации перечислений: 1)..., 2)... или а)..., б)...

СКОРОПИСЬ — третий по времени появления почерк (вид) кириллического письма, который в XV в. пришел на смену **уставу** (см.) и **полууставу** (см.). Скоропись как особый тип письма, характерный в первую очередь для приказного языка, противопоставленного церковнославянскому (см. **Церковнославянский язык**), появляется одновременно и в связи с вторым южнославянским влиянием. Скоропись представляет собой еще более быстрое и значительно менее отчетливое письмо, чем полуустав. По сравнению с последним в скорописи увеличивается количество выносных букв и слитных (безотрывных) написаний соседних букв, сокращений, появляются многообразные начертания одной и той же буквы в зависимости от удобства пера. Отличается от полуустава и устава не только начертанием букв (**ѧ** постепенно изменяется в **я**), но также составом букв (напр., отсутствуют юс большой **ѡ**, диграф **оу** и др.) и орфографией (напр., безразлично употребляются юс малый **ѧ** и **ѧ**, **Ѹ** и **ѹ**). К скорописи восходит современный рукописный шрифт. Скоропись начала XVIII в. в несколько переработанном виде была положена при Петре I в основу русского **гражданского шрифта** (см.). К скорописи восходит современный рукописный шрифт.

В греческой и латинской **палеографии** (см.) термину «с скоропись» соответствует термин «курсив».

СЛЕШ (/) [англ. *slash*, букв. ‘разрез’] — небуквенный знак в виде косой вертикальной черты .

Предшественниками слеша в русском письме можно считать математический знак, указывающий на соотношение величин ($2/8 = 1/4$), а затем и компьютерный символ, используемый для обозначения вложенности папок (напр., запись *C:/Documents/Personal/poetry.doc* указывает, что файл с названием *poetry.doc* помещен в папку *Personal*, которая, в свою очередь, лежит в папке *Documents*, и все это находится на диске C:). Кроме того, схожий по графическому облику символ — двойная косая черта (//) — был описан в «Грамматике» М. Смотрицко-

го (1619) в качестве знака переноса (**принѣдѣ//тѣ**) под названием «единитная».

Сфера применения слеша постепенно расширяется: первоначально его употребляли лишь в технических характеристиках (напр., на упаковке: *Macca/Net Weight: 200 g/g*) для указания на вариантность форм выражения одного и того же содержания. Затем этот знак в функции, близкой к роли союзов *и* или *или*, проник в научную речь, где стал соединять однородные компоненты, находящиеся в синтаксическом противопоставлении, и указывать на альтернативность понятий: *проблема слитных/раздельных написаний* (в значении союза как... так и...); *в режиме замены/вставки* (в значении союза либо... либо...); *различия в пунктуации однородных/неоднородных определений* (в значении с одной стороны... с другой стороны...). В деловой речи и графических сокращениях функции слеша аналогичны функциям математического символа: он употребляется для указания на соотношение каких-либо параметров, напр.: *соотношение цена/качество, км/ч*.

В художественных и публицистических текстах слеш нередко выступает в качестве знака, который подчеркивает возможность самостоятельного выбора читателем одного из нескольких значений, подразумеваемых автором текста, или одной из форм, существующих в употреблении (в значении 'а может быть, и'): *правдиво/искренне/начистоту, повинуются/поддаются, подоплеку/основания* (П. Крусанов); *выпившие свой/свое кофе* (П. Кашин).

СЛОВЕСНОЕ ПИСЬМО́ (то же, что **ЛОГОГРАФИЯ**) — тип письма (см.), в котором основной языковой единицей, передаваемой письменным знаком — **логограммой** (см.), является слово. Поскольку основную единицу словесного письма — **логограмму** — часто (по мнению многих лингвистов, неправильно) называют **идеограммой** (см.), его называют также **идеографическим**. В разных письменностях, которые относятся к типу словесного письма, основную графическую единицу письма — идеограмму — называют **иероглифом** (см.), поэтому словесное письмо имеет и еще одно название — **иероглифическое**. Примером словесного письма является современное китайское иероглифическое письмо.

В словесных письменностях логограмма (идеограмма) как основная единица письма передает не столько звучание, сколько значение единицы языка: китайский иероглиф, являющийся логограммой, может быть по-разному произнесен и носителями разных китайских

диалектов, и тем более соседними народами — японцами, корейцами, чьи языки не находятся в каком-либо родстве с китайским, однако понят будет одинаково. В чистом виде словесное письмо практически не встречается, оно часто включает элементы слогового, поэтому фактически все известные словесные письменности являются словесно-слоговыми.

СЛОВЕСНО-СЛОГОВОЕ ПИСЬМО (то же, что **Словесное письмо**)

СЛОГ — средство структурирования потока речи, которое обеспечивает организацию непрерывной последовательности фонем в процессе речевой деятельности. С одной стороны, слог является минимальной произносительной и перцептивной единицей речевого потока. Звуковой отрезок, меньший, чем слог, носитель языка просто не может произнести и воспринять. Соответственно, любая фраза должна содержать как минимум один слог. С другой стороны, в тех языках, где выделяются фонемы, слог представляет собой структуру, состоящую из фонем, и может быть охарактеризован как минимальный отрезок речевого потока и минимальный контекст, который необходим для реализации фонем. Обе эти стороны слога — собственно фонетическая и фонологическая — тесно связаны между собой.

Есть серьезные основания для того, чтобы считать слог реальной единицей, важной для носителей языка.

Во-первых, важность слога в речевой деятельности носителя языка подтверждается фактами истории письма. При передаче звучащей речи в зависимости от типа письма основные письменные символы могут передавать разные языковые единицы (см. **Тип письма**). В мире существует много систем письма, в которых буквы обозначают именно слоги, а не отдельные фонемы, составляющие эти слоги (см. **Буквенно-слоговое письмо**). Это относится не только к так называемым слоговым, но и к фонемным языкам, таким как японский, корейский, санскрит и др. Более того, к слоговому финикийскому (семитскому) письму восходит и греческий алфавит, в котором впервые в истории письма появились (сначала факультативно) отдельные буквы для передачи гласных, что привело в конечном счете к обозначению всех согласных и гласных фонем специальными буквами. В свою очередь, к греческому алфавиту восходят **латиница** (см.) и **кириллица** (см.), а также алфавиты других языков, созданные на их основе.

Во-вторых, о том, что слог представляет для носителя языка некую реальность, свидетельствует стихосложение, а стихотворная речь была и есть у всех народов, независимо от языка, на котором они говорят. В основе типичной (прототипической) стихотворной речи лежит ритмичность, основанная на том, что такая речь членится на соразмерные отрезки (стихи), обладающие внутренней мерой (размером). Размер стихов в значительной степени связан со слоговой структурой. В русском языке (как и в других языках со свободным ударением) основу ритма составляет повторение ударных слогов. При этом в качестве дополнительного источника ритмизации может служить и расположение безударных слогов. Что же касается слоговых границ как таковых, то они сами по себе особого значения для ритма не имеют, так как с точки зрения ритма все слоги в стихе воспринимаются как единицы одинаковой длительности, т. е. ритмически равноценны.

Несмотря на то что имеется достаточно оснований предполагать, что слог представляет реальность для носителей языка, дать определение слога непросто, что связано как с его многоаспектностью и многофункциональностью, так и с тем, что роль слога в звуковом строе разных языков различна.

Обязательным компонентом слога (его вершиной) является слогообразующий элемент — обычно гласный, при котором может быть один или несколько неслогообразующих элементов — согласных. Вместе с тем слог — это не просто гласный или последовательность гласных и согласных звуков, но и произносительное единство с общей артикуляторной программой для составляющих его звуков. Слоги делят на несколько структурных типов — в зависимости от расположения составляющих элементов: 1) *открытый* слог, заканчивающийся гласным (в зависимости от начального элемента такой слог может быть *прикрытым*, т. е. начинающимся с согласного, или *неприкрытым*, не содержащим согласного элемента вообще); 2) *закрытый* слог, в котором конечным элементом является согласный (закрытый слог также может быть *прикрытым* и *неприкрытым*). Простейшим по своей структуре отрезком речи, своего рода «идеальным слогом» является прикрытый открытый слог, состоящий из последовательности «согласный + гласный». Языков, где имелись бы закрытые слоги, но не было бы открытых, не существует, однако есть языки, в которых нет закрытых слогов. Таким был древнерусский язык до падения **редуцированных гласных /ъ/ и /ь/** (см.). Тенденция к открытости слога присутствует и в современном русском языке. Ее можно обнаружить

в ходе простого опыта: если попробовать быстро произносить цепочку закрытых слогов, напр. [at.at.at.at...] (в **международном фонетическом алфавите** (см.) точкой обозначаются слоговые границы), то скоро (помимо вашей воли) обнаружится, что звучит цепочка открытых слогов [ta.ta.ta.ta...].

Одной из главных проблем слога в русском языке является вопрос о **слогоделении**, т. е. об определении границы между двумя слогами (не путать с **переносом** (см.) слов со строки на строку, которыми занимается не фонетика, а орфография!) в случаях стечения согласных в положении между гласными. Так, легко делятся на слоги слова *го-ло-ва*, *до-ро-га* и подобные им, труднее решается этот вопрос в таких словах, как *парта* (*па-рта* или *пар-та?*), *рассказ* (*ра-сказ*, *рас-сказ* или *расс-каз?*) или *построить* (*по-строить*, *пос-троить* или *пост-роить?*). Трудности определения границы между слогами вызваны тем, что в русском языке слогоделение не связано со смыслом: значение слова не зависит от того, как мы делим его на слоги. Носитель русского языка всегда хорошо знает, сколько слогов в словоформе, но определение границ между слогами в ряде случаев представляет для него трудность. Предлагались различные критерии для установления слоговых границ, но до сих пор в лингвистике нет единства взглядов на этот вопрос.

В русском и в большинстве известных нам языков минимальной языковой единицей является **фонема** (см.), однако существуют языки, в которых фонетические единицы меньше слога не выделяются. Таковы некоторые языки Юго-Восточной Азии (китайский, вьетнамский, бирманский и др.). В этих языках минимальной звуковой единицей является слог, поэтому их называют *слоговыми языками*. Границы слога и морфемы в слоговых языках совпадают, т. е. морфема не может быть «короче» слога, а морфемная граница внутри слога невозможна. Таким образом, в слоговых языках слог и слогоделение тесно связаны со смыслом, а минимальную языковую единицу иногда называют *слогоморфемой*.

СЛОВОБОЕ ПИСЬМО́ (см. **Буквенно-слоговое письмо**, **Словесное письмо**)

СЛОВОВОЙ ПРИНЦИП ГРАФИКИ — основной принцип **русской графики** (см.), определяющий координацию букв и фонем. Слоговой принцип графики предполагает, что буквы пишутся и чита-

ются с учетом соседних букв. В его основе лежит своего рода «графический слог», т. е. соединение согласной буквы с гласной или с мягким и твердым знаком. «Графический слог» выступает как базовая единица русской графики.

Слоговой принцип графики имеет две сферы действия: обозначение твердости/мягкости согласных и обозначение фонемы /j/.

Применение слогового принципа к согласным буквам связано с различием согласных по твердости/мягкости, которое на письме отражается в разном написании не согласных, а гласных букв: твердость и мягкость согласных фонем /d/ и /d'/ в словах *вода* /vadá/ и *водянка* /vad'ánka/ передается разными гласными буквами **а** и **я**, первая из которых обозначает не только фонему /a/, но и указывает на твердость предшествующего согласного звука, вторая — обозначает /a/ и одновременно мягкость /d'/. Если необходимо обозначить мягкость согласного в абсолютном конце слова и перед согласным внутри слова, то она передается постановкой мягкого знака после согласного: *банька* /ban'ka/ — *банка* /banka/, *конь* /konʹ/ — *кон* /kon/ и т. п. Соответственно, отсутствие в подобных случаях **ь** оказывается значимым и указывает на твердость предшествующего согласного.

В соответствии со слоговым принципом русской графики фонема /j/ («йот») обозначается двумя разными способами в зависимости от позиции: на конце слова и перед согласными — посредством буквы **й**, а перед гласными (в начале слова, а также внутри слова после гласных и после согласных) обозначается при помощи так называемых йотированных букв **е, ё, ю, я, и** (см. **Буквы йотированные**), причем в позиции после согласных йотированные буквы обозначают /j/ после разделительных **ъ** и **ь** (ср. *льёт* /l'jot/ — *лёт* /l'ot/, *съёма* /sjóma/ — *Сёма* /sóma/).

Слоговой принцип русской графики имеет одно существенное ограничение в своем употреблении: он распространяется лишь на обозначение твердости/мягкости парных по этому признаку согласных. Непарные согласные не нуждаются в специальном указании на их фонетическую твердость или мягкость, поэтому написание йотированных или нейотированных гласных после букв, обозначающих непарные по твердости/мягкости согласные (твердые /ž/, /š/, /c/ и мягкие /č/, /š':/), определяется правилами орфографии (см. **Ограничения слогового принципа графики**).

В некоторых случаях слоговой принцип графики в русском письме нарушается: ср. написания типа *пенсне* (а не *пенснэ), *бульон* (а не

*бульён), йод (а не *ёд) и др. (см. **Нарушения слогового принципа графики**).

СМАЙЛИК [от англ. *smiley (face)* ‘улыбающееся (лицо)’ + рус. суф. -ик] — то же, что **ЭМОТИКОН** (см.).

СМЫСЛОВОЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ — то же, что дифференцирующий принцип орфографии (см. **Дифференцирующие написания**).

СМЫСЛОВОЙ ПРИНЦИП ПУНКТУАЦИИ — принцип постановки знаков препинания, при котором знаки используются для членения текста на смысловые единицы.

Чаще всего смысловые знаки препинания совпадают с грамматическими, т. е. структурное членение текста и его смысловое членение оказываются взаимосвязанными. Но в некоторых случаях смысловое членение текста оказывается определяющим по отношению к структурному членению. Напр., в зависимости от места знака в известной фразе *Казнить нельзя помиловать* по-разному группируются члены предложения и, как следствие, меняется общий смысл. Ср. подобные же примеры: *Брат — мой учитель* и *Брат мой — учитель*; *Она говорила долго только о нем* и *Она говорила долго, только о нем*; *Надя чувствовала: сестра не зря вызвала ее* и *Надя, чувствовала сестра, не зря вызвала ее*.

Смысловой принцип определяет постановку знаков препинания, которые являются факультативными и могут быть опущены без изменения основного смысла предложения. Главная цель употребления таких знаков — выделить тот или иной отрезок предложения. Так, многоточие внутри предложения подчеркивает логическую или эмоциональную несовместимость соединяемых понятий: *В лесу... без леса* (заголовок в газете). Запятая между определениями указывает на то, что в данном контексте их следует воспринимать как однородные: *С моря дул влажный, холодный ветер...* (М. Горький); *Среди бледных москвичей его темный, южный загар бросался в глаза* (Д. Гранин). Факультативные смысловые знаки препинания часто используются при обособлении того или иного члена предложения. Напр., обособление определения, расположенного перед определяемым словом, является факультативным и придает ему оттенок причинности или условия (*Раскрашенный в цвета осени, сад был тоже наполнен красноватой*

духотой. — М. Горький); обособление обстоятельства в предложении *Четверка ехала по дороге, **шагом**, с напряжением вытаскивая из грязи тяжелый экипаж.* (А. Чехов) способствует его логическому выделению. Оформление присоединительных и парцелированных конструкций также связано с использованием факультативных смысловых знаков препинания: *Лестницы тоже исчезнут — **до следующего раза*** (В. Распутин); *В полдень приходил обедать, после обеда спал часа полтора и опять уходил к своим жеребяткам — **до поздней вечера*** (В. Панова). Тире в этих предложениях факультативно и может быть опущено, однако с изменением смысла: член предложения, отделенный при помощи тире, имеет добавочное, комментирующее значение относительно основного высказывания. При парцелляции знаки препинания разбивают одно предложение на несколько высказываний; напр.: *Злое солнце встает над тайгой. Сквозь черный дым встает над тайгой. Сквозь черный дым пожарищ. Сквозь пелену туч. Сквозь стоячий морозный туман якутской зимы* (из газет). Разбиение одного предложения на несколько частей способствует смысловому выделению каждого компонента, оформленного как отдельная фраза.

Второй случай употребления смысловых знаков препинания представляют примеры, когда знак препинания обязательно должен быть употреблен, но у пишущего есть возможность выбрать либо один из имеющихся в пунктуационной системе знаков препинания, либо место его постановки. Пишущий по-разному может сгруппировать члены предложения и, исходя из этого, по-разному организовать общий смысл предложения. Так, подобный случай постановки знаков препинания действует в сложноподчиненном предложении при употреблении сложных союзов типа *потому что, оттого что, до тех пор пока* и т. д. Такие союзы могут расчленяться в зависимости от смысла предложения. Напр.: *Это трудно понять молодежи **потому, что** этой России уже нет* (К. Паустовский). В данном предложении расчленение союза приводит к акцентированию, подчеркиванию причины. При иной постановке запятой (*Это трудно понять молодежи, **потому что** этой России уже нет*) придаточная часть имеет мотивирующее значение без какого-либо подчеркивания причинно-следственных отношений. Ко второму случаю употребления смысловых знаков препинания также относятся бессоюзные предложения: характер смысловых отношений между их частями подчеркивается выбором знака. Напр., в предложении *Тяжелая лесная сырость и ду-*

хота кончились, потянуло сухим ветерком. (П. Проскурин) между частями устанавливаются перечислительные отношения, но при замене запятой на двоеточие (или тире) между частями актуализируются уже причинно-следственные отношения: *Тяжелая лесная сырость и духота кончились: потянуло сухим ветерком.*

СОГЛАСНЫЕ БУКВЫ — буквы современного русского алфавита, предназначенные для обозначения согласных фонем. В фонетической системе русского языка 36 согласных фонем — /p/, /pʲ/, /b/, /bʲ/, /m/, /mʲ/, /f/, /fʲ/, /v/, /vʲ/, /t/, /tʲ/, /d/, /dʲ/, /n/, /nʲ/, /c/, /č/, /s/, /sʲ/, /z/, /zʲ/, /ʃ/, /ʒ/, /š:/, /ʒ:/, /l/, /lʲ/, /j/, /r/, /rʲ/, /k/, /kʲ/, /g/, /gʲ/, /x/, /xʲ/, однако для их передачи на письме в алфавите имеется 21 согласная буква: **п, б, м, ф, в, т, д, н, ц, ч, с, з, ш, ж, щ, л, й, р, к, г, х**. Соответственно, согласных букв в русском языке значительно меньше, чем согласных фонем. Это несоответствие регулируется **слоговым принципом графики** (см.).

В русском алфавите 15 согласных букв (**п, б, м, ф, в, т, д, н, с, з, л, р, к, г, х**), которые могут обозначать как твердую, так и мягкую согласные фонемы, которые различаются только признаком твердости/мягкости, 3 буквы (**ж, ш, ц**) могут обозначать только твердые согласные фонемы и 3 буквы (**ч, щ, й**) — только мягкие фонемы. В зависимости от графической позиции каждая из 15 букв, обозначающих парные по твердости/мягкости фонемы, имеет два звуковых значения: 1) перед **нейотиrowанными гласными буквами** (см. **Буквы йотированные**) и перед **пробелом** (см.), а также во многих случаях перед согласными обозначают соответствующие твердые фонемы (*мал* /mal/, *палка* /pálka/); 2) перед **йотированными гласными буквами** и перед мягким знаком, а иногда и перед согласными буквами они обозначают соответствующие мягкие фонемы (*няньки* /nʲanʲkʲi/, *пенсия* /pʲénʲsʲija/). **Буква твердый знак** (см.), как и **буква мягкий знак** (см.) в разделительном значении, не используются в русском письме для обозначения твердости и мягкости согласных (ср. *адъютант* /adʲjutant/, *семья* /sʲimʲjá/).

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК — древний литературно-письменный язык, сложившийся во второй половине IX в. в процессе переводческой деятельности Кирилла и Мефодия и их ближайших учеников. В том виде, в каком слависты представляют себе его существование в IX — нач. X в., старославянский язык является результатом реконструкции. Начальное состояние этого языка приходится

реконструировать по более поздним памятникам письменности, т. к. старославянские рукописи, относящиеся к этому периоду, не сохранились. Дошедшие до нас старославянские письменные памятники, в том числе содержащие кирилло-мефодиевские переводы, могут быть датированы концом X — XI в. Эти памятники являются копиями древнейших, что и позволяет более или менее точно реконструировать начальное состояние старославянского языка. Этот язык в Средневековье выполнял функцию международного надэтнического литературного языка славян.

Старославянские памятники написаны двумя видами письма — **глаголицей** (см.) и **кириллицей** (см.). Диалектной основой старославянского языка послужил южнославянский (македонский) говор г. Солу́на (совр. греческий г. Сало́ники). Старославянский язык появился не в результате спонтанного развития древнемакедонского говора, а в процессе перевода на понятный славянам язык греческих богослужебных текстов. Будучи в первую очередь языком литургическим, церковным (поэтому его иногда называют **древнецерковнославянским языком**), старославянский язык выражал понятия и идеи, далекие от быта древних славян, что потребовало введения в него большого количества новых слов — заимствований и калек.

Создание письменной традиции и расцвет письменности на старославянском языке имели место в Первом Болгарском царстве (поэтому старославянский язык иногда называют древнеболгарским), где в 893 г. старославянский стал языком церкви и государства наряду с греческим. Из Болгарии он распространяется на другие территории. Во 2-й пол. X в. тексты на старославянском языке начинают проникать в Киевскую Русь, где дают начало формированию письменности восточных славян.

Дальнейшее распространение старославянских текстов на разных территориях привело к возникновению территориальных разновидностей, или изводов, старославянского языка: среднеболгарского, сербского, хорватского, русского. Традиционно язык памятников русского извода называют **церковнославянским языком** (см.).

СТРОЧНАЯ БУКВА — см. **Прописная и строчная буквы**.

СУПРАГРАФЭМИКА [от лат. *supra*- ‘сверху, над’ и гр. *γράφω* (= *graphō*) ‘пишу’] — 1. Система графических средств шрифтового выделения; 2. Раздел **параграфемике** (см.), изучающий выбор средств

шрифтового выделения и механизмы шрифтового варьирования.

К супраграфемным средствам, которые называют также **каллиграфемами** (см.), относятся курсив, подчеркивание, разрядка или сжатие, цветовое окрашивание, шрифт другой гарнитуры, кегля и т. п., используемые для выделения части текста.

Часть шрифтовых выделений служит графическим средством передачи **логического ударения** (см.). Напр.: «Мне стало еще досаднее и совестнее, и чтобы загладить чем-нибудь свой отказ, я поспешил сообщить, что я не буду дома, потому что должен быть у князя Ивана Иваныча, у княгини Корнаковой, у Ивина, того самого, что имеет такое важное место, и что верно буду обедать у княгини Нехлюдовой. Мне казалось, что, узнав, к каким важным людям я еду, они уже не могли претендовать на меня» (Л. Толстой); «Если человеку суждено стать богом, то престолом его будет **книга**» (Л. Андреев).

В современных текстах (особенно в художественных) супраграфические приемы приобретают все большее значение и часто выступают в качестве объекта языковой рефлексии. Так, Д. Быков в предисловии к роману «Орфография» сообщает, что, «стараясь сделать сочинение удобным для широкой аудитории, он выделил *курсивом* места, которые можно пропускать без особого ущерба для фабулы, а **полужирным шрифтом** — те, которые сам он относит к “хитовым”». С. Носов замечает по поводу своего романа «Хозяйка истории»: «... Там важны размер шрифта, игра курсивом и даже отступы на полях... <...> Иначе вообще ничего не понять».

Критики отмечают удачность использования в поэтических сборниках издательства ОГИ шрифта «Officina», который был разработан для функционального чтения, для деловых документов: «такой шрифт не дает стихам погружаться в успокаивающий контекст “изящной словесности”, он жестко и безжалостно акцентирует в них каждое слово».

Капитализация [из англ. *capitalization* ‘письмо прописными буквами’, от англ. *capital letter* ‘прописная буква’] — набор прописными буквами (см. **Прописная и строчная буквы**) какой-либо части текста — может свидетельствовать об интонационном выделении (напр., о чрезвычайно громком или эмоциональном произношении: *И тогда вам придется иметь дело с ИДИОТОМ. Все буквы большие.* — О. Негин; в строчках А. Вознесенского *У каждого своя Секвойя, / Мы Садим Совесть Словно Сад.* прописная «С» обращает внимание на **ал-**

литерацию) или смысловом акцентировании (*Когда люди все время вместе, они становятся ОДНО.* — В. Токарева). Можно сказать, что в таких случаях письменная форма доступными ей средствами пытается имитировать устную речь: жест, мимику, интонацию. Подобное варьирование в современном русском языке сделалось средством повышения/понижения стиля или указания на высокий/низкий статус называемого объекта: «*Эта репродукция подарена мне Ею!*» Очевидно, что в это «Ею» он вкладывает некий высший смысл (О. Негин); **социализм с маленькой буквы** — только социально-политическая программа, но есть и **Социализм с буквы заглавной**: он является «*религиозной идеей, новой верой и новым знанием, идущим на смену знанию и старой вере христианства*» (В. Ходасевич); — *Добрый день, это щелкунов,* — *представился я с маленькой буквы* (А. Щербаков).

В рекламных слоганах и заголовках публицистических текстов при помощи прописных букв могут выделяться наиболее значимые элементы: названия рекламируемого товара или фирмы (*куПИКквартиру в агентстве «ПИК»*); части высказывания, сигнализирующие о его двояком прочтении (*компания «МегаФон»* — ср. *мега* 'огромный' + *фон*); *ОдноПОЛчане* (газетная статья о людях одного пола).

Стилистическое значение имеет и выбор шрифтовой гарнитуры, т. к. многие гарнитуры вызывают отчетливые исторические ассоциации. Так, к давнему прошлому отсылает шрифт «*GyrllicOld*», а к эпохе первых лет советской власти — гарнитура «*Родченко*». Другие шрифты могут иметь эмоциональные ассоциации — изящества и легкомысленности или, наоборот, солидности и основательности и т. д.

ТИП ПИСЬМА́ — характеристика письма, определяющая то, какие языковые единицы передаются его основными знаками.

Традиционно различают следующие типы письма: **пиктографическое** (см.; оно же **рисуночное**), **словесное** (см.; оно же **идеографическое**, или **словесно-слоговое**, **иероглифическое**), **буквенно-звуковое** (см.; оно же **алфавитное**) с двумя разновидностями — **буквенно-слоговое** (см.) и собственно **буквенно-звуковое**. Именно в таком порядке появлялись эти типы письма в истории человечества. Пиктографическому письму предшествовало примитивное средство передачи информации на расстоянии — так называемое **предметное письмо** (см.), которое можно считать письмом весьма условно. Для передачи информации в нем использовались не начертательные знаки, а непосредственно предметы — оливковая ветвь или белый

флаг (знак примирения), черная метка или веревка (предупреждение) и т. п. В пиктографии определенное сообщение передавалось уже при помощи сочетаний схематичных рисунков, обозначающих предметы (напр., древние наскальные рисунки и граффити). Однако между предметным и пиктографическим письмом нет четкой границы, поскольку с точки зрения способов передачи информации нет различия между предметом и его изображением на другом предмете. Рисуночное письмо, как и предметное, отражает общее содержание сообщения, но не языковых единиц, при помощи которых это содержание передано. **Пиктограмма** (см.) не привязана к конкретной языковой системе, и переданное таким способом сообщение может быть «прочитано», т. е. «озвучено» и понято на любом языке (напр., знаки дорожного движения). Поэтому если рассматривать письмо как фиксацию человеческой речи (и соответственно, ее единиц), а не просто как обозначение общего содержания сообщения, то придется признать, что и предметное письмо, и пиктографию нужно отнести не к собственно письму, а к предписьменностям, или протописьму. Собственно же письмо — идеографическое (словесное, словесно-слоговое) и буквенно-звуковое — передает звучание языковых единиц, а через него — языковое значение. Поэтому типы собственно письма привязаны к конкретной языковой системе и ее единицам — фонемам (и их сочетаниям), слогам, морфемам и словам. Однако звуковую сторону языков каждый из этих типов письма передает по-разному.

Тип письма обычно соответствует звуковому строю языка. Для языков, в которых основной единицей является фонема, больше подходит буквенно-звуковое письмо, для языков, где основная звуковая единица **слог** (см.), совпадающий со словом (морфемой), удобно словесное (иероглифическое) письмо. Если для письменной фиксации текстов на фонемном языке заимствуется система словесного письма, то для такого языка можно ожидать создания собственного буквенно-звукового письма, как это произошло в Японии и Корее, где сначала пользовались китайскими иероглифами.

ТИПЫ НАПИСАНИЙ — единицы расчленения множества нормативных написаний букв в конкретных словах с точки зрения соответствия буквы обозначаемой фонеме (фонетическая типология) и с точки зрения определимости написаний произношением в рамках морфологического принципа орфографии (морфологическая типология).

В аспекте фонетической типологии различаются фонетические и нефонетические написания, которые более точно следовало бы называть соответственно **адекватнофонемными** (см. **Адекватнофонемные написания**) и **неадекватнофонемными** (см. **Неадекватнофонемные написания**), поскольку в буквенно-звуковом письме буквы обозначают именно фонемы.

В аспекте морфологической типологии все написания могут быть разделены на опорные (см. **Опорные написания**), проверяемые (см. **Проверяемые написания**; они же косвенно проверяемые произношением) и беспроверочные написания (см. **Беспроверочные (беспроверочные, непроверяемые) написания**). Эта классификация тесно связана с взаимодействием **морфологического** (см.) и **традиционного принципов орфографии** (см.), в основе которых лежит возможность или невозможность проверки **орфограмм** (см.) по опорным написаниям.

ТИРЁ (—) [от фр. *tiret* < *tirer* ‘тянуть’] — одиночный отделяющий или парный выделяющий пунктуационный знак в виде горизонтальной черты, который в современном русском письме ставится внутри простого и между частями сложного предложения, а также при оформлении прямой речи, напр.: *Искусство писать — это искусство сокращать* (А. Чехов); *Октябрь уж наступил — уж роица отряхает / Последние листы с нагих своих ветвей* (А. Пушкин).

Тире, употребляющееся в русской печати с конца 1760-х гг., впервые описано в грамматике А. А. Барсова (1783–1788) как знак, отделяющий на письме реплики диалога или указывающий на паузу («молчанка», «черта», «горизонтальная черта»); необходимость знака «горизонтальная черта» для русской пунктуационной системы обоснована Е. Филомафитским (1822). Многообразие функций тире: грамматических и смысловых, в том числе выделения значимой информации (актуальное членение предложения), эмоционально-экспрессивных, — определяет широкое распространение знака в разных текстах и трудности кодификации его употребления в справочной литературе.

1. В простом предложении знак выполняет разделительную функцию, если 1) разделяет при отсутствии глагольной связи подлежащее и сказуемое: *Человеческие взаимоотношения — вещь сложная* (Тэффи); 2) указывает на пропуск одного или нескольких членов предложения: *Нам свежесть слов и чувства простоту / Терять не то*

ль, что живописцу (~~терять~~) — зренье, / Или актеру (~~терять~~) — голос и движенье, / А женицине прекрасной (~~терять~~) — красоту? (А. Ахматова); 3) отделяет обобщающее слово от стоящего перед ним ряда однородных членов: *И гам лесной и шум нагорный — / Все вторит весело громам* (Ф. Тютчев).

В выделительной функции тире используется, напр., при обособлении 1) распространенного приложения: *Испанский драматург — **невысокий человек в клетчатом костюме** — сидел на диване и все время как-то тревожно смеялся* (Г. Газданов); 2) определения: *Ты пойми, что сегодня точь-в-точь / Нашей первой зимы — **той, алмазной** — / Повторяется снежная ночь* (А. Ахматова). Парный выделяющий знак превращает оформленные им слова во вставную конструкцию, т. к. сообщает конструкции большую смысловую самостоятельность, т. е. знак выполняет и смысловую функцию, напр.: *История эта могла показаться значительной — **как и громадное большинство слушающихся с людьми событий** — только тем, кто в ней непосредственно участвовал...* (Г. Газданов).

2. В сложном бессоюзном, реже в сложносочиненном предложении разделительное тире выполняет одновременно и грамматическую, и смысловую функции, т. к. не только разграничивает простые предложения в составе сложного, но и указывает на различные отношения между ними: 1) условные: *Волков бояться — в лес не ходить*; 2) причинно-следственные: *Спою — и сразу мне делается спокойно* (Е. Шварц); 3) временные: *Настанет день — исчезну я, / А в этой комнате пустой / Все то же будет...* (И. Бунин); 4) на контрастное противопоставление: *На дворе палил летний зной — в доме было прохладно...* (И. Бунин). Такую же смысловую функцию выполняет тире в простом предложении, заменяя противительный союз: *Я не знаю, как остальные, но я чувствую жесточайшую / не по прошлому ностальгию — (а) ностальгию по настоящему* (А. Вознесенский); 5) на неожиданную смену событий или восприятие чего-то неожиданного: *Оборачиваюсь — он: и опять в совершенно приличном виде* (Г. Газданов).

3. Тире является типичным знаком выделения конструкции экспрессивного синтаксиса «именительный темы», напр.: ***Забвенье боли и забвенье нег** — / За это жизнь отдать не мало* (А. Ахматова); ***Сорок лет чужой судьбы** — как это много!* (Ю. Олеша).

4. В тексте грамматическая функция тире реализуется при оформлении прямой речи, которая включается двумя способами: 1) каждая

реплика оформляется в отдельный абзац без кавычек, тире ставится перед репликой и после нее — сигнал начала слов автора, напр.: — *Ну и что же? — спросила Лизочка.* <абзац> — *Ну и ничего* (Тэффи); стоящие в середине прямой речи слова автора отделяются от прямой речи парным тире: — *Дорогая! — сказал Берестов.* — *Отчего вы такая грустенькая?* (Тэффи); 2) реплики, включенные в текст без абзацного выделения (они, как правило, заключаются в кавычки), отделяются друг от друга тире (*Сил нам нет кружиться доле; / Колокольчик вдруг умолк; / Кони стали: «Что там в поле?» — / «Кто их знает? пень иль волк?»* — А. Пушкин), как и слова автора, сопровождающие прямую речь, напр.: «*Весна, — вдруг говоришь себе, — ах, вот она какая, весна!*» (Ю. Олеша). В современных художественных текстах тире часто разделяет реплики непоименованных персонажей (без их типичного оформления кавычками; без указания на начало прямой речи): *Регистрация, паспортный контроль, пустое томление зоны отчуждения, гейт-контроль, посадка, место. Здрасьте — здрастье — как, и вы? — да вот так, ненадолго, по делам практически — ах-ха-ха, ох-хо-хо...; Процедура завершена: подтверждение — билет на стойке — бла-бла-бла — будьте за сорок минут до вылета — с радостью — паковать и в аэропорт* (Вл. Соловьев). Такое оформление авторского повествования и диалога — знак типичности ситуации, реплик.

Новой семантической функцией тире (соединительное тире) является передача значения «от... до», напр.: *Поезд Москва — Питер еще не тронулся...* (Т. Толстая).

Как факультативную семантическую функцию тире следует рассматривать выделение с помощью данного знака наиболее значимых, с точки зрения пишущего, слов (знак актуального членения предложения) — *ремы*, напр.: *Я вас любил. Любовь еще — быть может. / Не ей не быть и Я — вас любил. Любовь — еще быть может... / Не вас, не к вам* (В. Соснора).

Подчеркнутое смысловое выделение определенных слов с помощью тире превращает их в попутный комментарий оценочного типа (в присоединительную конструкцию), напр.: *Через пятнадцать лет я снова оказался на этом шоссе — и опять на велосипеде* (В. Пелевин).

В связи с тем что данный знак указывает на паузу, часто передающую экспрессивно-эмоциональное отношение пишущего, в пунктуационной практике писателей и поэтов наблюдается расширение функций тире, которое заменяет другие знаки препинания: двоеточие, запятую, скобки, точку. Отмеченная А. Барсовым способность

тире прерывать речь «для выражения жестокой страсти» или готовить читателя «к какому-нибудь чрезвычайному и неожиданному слову или действию» в полной мере используется в художественном тексте, открытом для различных прочтений смысла, что определяет употребление в одном контексте тире в различных функциях, напр.: *Многочисленные его чувства стали прозрачными, как вода, и они так же различно звучали — то как ручей на лугу, то как шипение пены, то — и это бывало перед наступлением ночи — как гул прилива* (Г. Газданов). В прозе Б. Пильняка эффект «неожиданности» усиливается употреблением последовательности из двух и более тире в позиции одного пунктуационного знака: *в голове окончательно спутаны мозги, бред, ерунда, а желудок, кишечник, — желудок лезет в горло, в рот — — — и тогда все все равно, безразлично, нету качки, — единственная реальность — море, бред, ерунда — —...*

ТОПОГРАФЕМИКА [от гр. τόπος (= *topos*) ‘место’ и γράφω (= *graphō*) ‘пишу’] — 1. Совокупность приемов размещения текста на плоскости. 2. Раздел **параграфемике** (см.), изучающий такие приемы. То же, что **геометрия текста** (см.)

ТОЧКА (.) [от праслав. *тъська, родственного *ткать, ткнуть* < др.-рус. **тъкати, тъкнѹти**; ср. также др.-рус. **тыцька** ‘пунктуационный знак’ от **тыкати**; ср. лат. *punctum* ‘укол, точка (от укола)’ < *pingo* ‘колю’] — одиночный отделяющий знак препинания, который служит границей повествовательного невосклицательного предложения: *Ночь была тихая, лунная. Пассажиров ни души. Все спали. Пароход скользил в луне и в море, весь легкий и белый* (Тэффи). Постановка точки указывает на то, что предложение закончено и что его нужно произнести с постепенным спокойным понижением тона в конце фразы.

Точка известна в русских рукописях с древнейших времен, однако первоначально этот знак ставился достаточно произвольно и служил для выделения значимых или относительно завершенных фрагментов текста, причем точка (или любая комбинация точек) могла быть поставлена не только внизу (.), но и вверху (') или посередине строки (·). Впервые идея о том, что этот знак должен служить в русском письме правой границей высказывания, была сформулирована грамматиком Максимом Греком (XVI в.).

Для официально-деловых и научных текстов точка, универсальный сигнал конца повествовательных эмоционально не окрашенных

предложений, служит единственным знаком, указывающим на границы предложения.

В художественной литературе и публицистике функции точки более многообразны. При пунктуационном оформлении текста точка конкурирует со знаком точки с запятой. Последовательное отделение предложений небольшого размера друг от друга точкой передает прерывистую интонацию всего текста: *Среди ночи я проснулся. Пронзительное и тревожное чувство пустоты охватило мои мускулы и мой мозг. Я поднялся с кровати и повернул выключатель. Синий свет из-под синего абажура лампы осветил комнату.* (Г. Газданов) — ср. с объединением в одно целое с точкой в конце самостоятельных в смысловом отношении предложений, разделенных точкой с запятой, что создает цельную картину происходящего или наблюдаемого: *В горнице было тепло, сухо и опрятно: новый золотистый образ в левом углу, под ним покрытый чистой суровой скатертью стол, за столом чисто вымытые лавки; кухонная печь, занимавшая дальний правый угол, ново белела мелом; ближе стояло нечто вроде тахты, покрытой пегими попонами, упиравшейся отвалом в бок печи; из-за печной заслонки сладко пахло щами — разварившейся капустой, говядиной и лавровым листом.* (И. Бунин). В тексте точка также используется для оформления законченности разрывающих прямую речь слов автора (с двух сторон выделены тире), если вторая часть прямой речи оформлена как самостоятельное предложение: — *Милостивый государь! — строго прервала его актриса. — Я пришла вам сказать, что вы поступили непорядочно* (Тэффи).

С помощью точки оформляются конструкции экспрессивно-го синтаксиса: 1) цепочки назывных (номинативных) предложений: *Двор. Кирпичная стена. Солнце* (Е. Шварц); 2) парцелляция: *Это был главный отрезок пути. По величине и по значению* (Ю. Олеша).

Семантика точки как знака, символизирующего бесповоротную окончательность и определенность, легла в основу таких устойчивых сочетаний, как *ставить точку (на чем)* ‘заканчивать что-либо, останавливаться на чем-либо’; *до точки* ‘досконально, в мельчайших подробностях, в совершенстве (знать, видеть и т. п.)’; *доходить [додоводить, доиграться и т. д.] до точки* ‘доходить (доводить и т. д.) до безвыходного, отчаянного положения’. То же демонстрируют и художественные тексты: *Живем взахлеб, живем вовсю, / Не зная, где поставим точку* (Д. Самойлов); *Всё. Точка. / В просторечии — крышка* (Б. Слуцкий); *И глаза бы мои не глядели, как время мое / Через силу*

идет в коллективное небытие. / Обездолят вконец, раскулачат — и точка (С. Гандлевский). В современной интернет-коммуникации точка как знак конца текстовых сообщений часто опускается, т. к., по ощущению многих, такая точка нагружена особым значением: она служит для читающего сигналом нежелания пишущего продолжать диалог — сообщает, что сказать ему больше нечего и потому длить разговор нет смысла.

ТОЧКА С ЗАПЯТОЙ (;) — одиночный отделяющий знак препинания, который используется в сложном или простом предложении для разграничения относительно самостоятельных частей: *Теперь зима; мороз запушил стекла окон; в темной комнате горит одна свеча; я сижу, забившись в угол, а в голове все звенит да звенит: «Как хороши, как свежи были розы»* (А. Кони). Данный знак по сравнению с запятой графически более резко отделяет части предложения друг от друга. Можно сказать, что семантика знака «точка с запятой» формируется в противопоставлении семантике знака точки (в первую очередь) и знака запятой (во вторую). *«Где запятой мало, а точки много, там надо точку с запятой»*, — простодушно формулирует герой чеховского рассказа «Восклицательный знак». Точка с запятой редко используется пишущими — возможно, именно потому, что в этом знаке, с одной стороны, ощущается присущая точке символика завершенности (не случайно в ряде контекстов упоминание о точке с запятой соседствует со словами, выражающими идею конца: *Того гляди, все кончится бедой... / Но тут я ставлю точку с запятой;* (М. Щербаков); — *Точка? / — Вывернулся ловко / Из-под крышки гробовой Теркин твой. — Лиха концовка. — Точка все же с запятой...* (А. Твардовский); с другой же — символика незаконченности, свойственная запятой (*Жизнь — только миг (и точка с запятой); / Жизнь — только миг; небытие — навеки. / Крутится во вселенной шар земной, / Живут и исчезают человеки. / Но сущее, рожденное во мгле, / Неистребимо на пути к рассвету. / Иные поколения на Земле / Несут все дальше жизни эстафету* (Ю. Андропов).

Знак запятая в середине строки (*distinctio media*), функционально соответствующий современной точке с запятой, отмечается в средневековых европейских рукописях V–VI вв. В средневековых русских (церковнославянских) текстах пунктуационный знак (;) (*подстолия*), по начертанию совпадающий с современной точкой с запятой, использовался в функции вопросительного знака. Такую же функцию

он выполняет и в современном **церковнославянском языке** (см.). В русской гражданской печати точка с запятой в более или менее современном употреблении известна с XVIII в.: она введена В.К. Тредиаковским как промежуточный знак между запятой и двоеточием, которое в то время разделяло период на части.

В современной письменной практике точка с запятой используется в следующих случаях.

- 1) Внутри сложного предложения: а) в бессоюзном сложном предложении разделяет части, которые обладают смысловой самостоятельностью и/или имеют в своей структуре осложненные части: [*Воды синеют*]; [*чернеют леса*]; [*сереют груди скученных камней*] (И. Тургенев); [*В горнице было тепло, сухо и опрятно*]: [*новый золотистый образ в левом углу, под ним покрытый чистой суровой скатертью стол, за столом чисто вымытые лавки*]; [*кухонная печь, занимавшая дальний правый угол, ново белела мелом*]; [*ближе стояло нечто вроде тахты, покрытой пегими попонами, упиравшейся отвалом в бок печи*]; [*из-за печной заслонки сладко пахло щами — разварившейся капустой, говядиной и лавровым листом*] (И. Бунин); б) в сложном предложении ставится перед союзом, соединяющим сильно распространенные части, представляющие собой смысловые блоки: [*Я сказал, что матушка меня любила*]; [**но** *бывали минуты, когда она меня отталкивала, когда мое присутствие ей было тягостным, несносным*] (И. Тургенев); — [*У вас тут такой закон, что после одиннадцати часов и по коридору не гуляй, и самовара не проси*]; [**а** *после театра страсть как чаю хочется!*] (А. Чехов); [*Умчался век эпических поэм, / И повести в стихах пришли в упадок*]; [*Поэты в том виновны не совсем / (Хотя у многих стих не вовсе гладок)*]; / [**И** *публика не права между тем*] (М. Лермонтов); [*И ни одному из них не приходит в голову*], [**что** *время идет, жизнь со дня на день близится к закату, хлеба чужого съедено много, а еще ничего не сделано*]; [**что** *они все трое — жертва того неумолимого закона, по которому из сотни начинающих и подающих надежды только двое, трое выскакивают в люди, все же остальные попадают в тираж, погибают, сыграв роль мяса для пушек...*] (А. Чехов).
- 2) Внутри простого предложения между однородными членами, если они значительно распространены: [*Он схватил со*

стола подкову и хотел ее разогнуть], [но, обессилев от радости и от боли в плече, он ничего не мог сделать; ограничился только тем], [что обнял доктора левою рукой ниже талии, поднял его и пронес на плече из кабинета в столовую] (А. Чехов).

- 3) При оформлении перечней в официально-деловых текстах для отделения каждой пронумерованной рубрики от последующей.

ТРАДИЦИОННО-ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЕ НАПИСАНИЯ (см. Традиционный принцип орфографии)

ТРАДИЦИОННО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ НАПИСАНИЯ (см. Традиционный принцип орфографии)

ТРАДИЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ — орфографический принцип, основная идея которого заключается в том, что написание оправдывается лишь письменной традицией, установившейся к моменту кодификации. Традиционным принципом в русской орфографии регулируются написания, которые не могут быть объяснены морфологическим или фонетическим принципами орфографии (см. **Морфологический принцип орфографии**; **Фонетический принцип орфографии**), так как для них невозможна проверка по **опорным написаниям** (см.).

В большинстве случаев такая проверка в рамках морфологического принципа невозможна — вследствие того, что фонема находится в слабой позиции, т.е. когда ее нельзя проверить по сильной позиции и обозначить в соответствии с морфологическим принципом (напр., таковы фонемы /a/ и /g/ в слове *вокзал* /vəgzəl/). Фонема здесь оказывается в морфологически изолированной, своего рода абсолютно слабой позиции. В таком случае она обозначается одной из тех букв, которыми эта фонема могла бы быть теоретически обозначена по морфологическому принципу, если бы проверка по сильной позиции в данной морфеме была возможна. В слове *вокзал* для /a/ это только буквы **а** или **о** (но не **у**, **ы**, **и** и др.), а для /g/ — только буквы **г** или **к** (но не **п**, **б**, **л** и др.). Написание в этом случае именно букв **о** и **к**, а не **а** и **г** объясняется исключительно традицией, принятым обычаем, договоренностью, а вот то, что не пишутся **у**, **ы** и **п**, **б**, **т**, **д**, объясняется принципами русской **графики** (см.), которая регулирует соот-

ношение алфавита и системы фонем. Поэтому такая разновидность традиционного принципа называется **фонемно-традиционным принципом** (а написания — **фонемно-традиционными**). Название «традиционный» отражает, что данные орфограммы проверке не поддаются и пишутся по традиции (этот принцип также называют *историческим*). В большинстве случаев написание соответствует древнему или, по крайней мере, достаточно старому написанию (и произношению), хотя совсем не обязательно этимологии (ср. *здоров* < др.-рус. *съдоровъ*, *карман* < др.-рус. *корманъ* < *кърманъ* и др.).

Особой разновидностью традиционного принципа является правописание безударных гласных в ряде корневых морфем *рост-/раст-*, *зор-/зар-*, *клон-/клан-*, *гор-/гар-*, *скоч-/скач-* и т. п. Это своего рода пересечение морфологического, фонетического и традиционного принципов. Здесь, в отличие от фонемно-традиционного принципа, который применяется в случае невозможности проверки по сильной позиции, проверка возможна, но под ударением в соответствующих морфемах оказываются и /o/, и /a/ (ср. *рост*, *выращивать*; *зорька*, *зарев*), поэтому правописание безударного гласного регулируется довольно сложными правилами (ср. *росток*, *поросль*, но *возраст*, *отрасль*; *заря*, *озарение*). Такие написания попадают в категорию нарушений **морфологического принципа** (см.) русской **орфографии** (см.).

Но есть еще одна, принципиально иная разновидность традиционного принципа. Ее называют **традиционно-иероглифическим принципом**, а написания — **традиционно-иероглифическими**. Определение **иероглифический** указывает на то, что написания в соответствии с этим принципом вообще никак не связаны с отношениями букв и фонем, установленными алфавитом и графикой. Фонема при этом находится в сильной позиции. Наиболее ярким примером является обозначение фонемы /v/ буквой *г* в окончании род. ед. прилагательных и местоимений: *добр*ого /dóbrava/, *его* /jivó/ и т. п. (ср. *стро*го /stróga/, *доро*го /dóraga/). «Иероглифичность» таких написаний заключается в том, что фонемы /g/ и /v/ в русском языке не чередуются, поэтому в современном языке никакого фонетического объяснения для такого обозначения фонемы /v/ нет, хотя есть историческое. В сущности, их следует интерпретировать не как проявление особого принципа орфографии, а как написания, нарушающие правила русской **графики** (см.).

К традиционному принципу относят также написание **ь** в частицах *лишь*, *вишь*, *ишь*, *бишь* и глаголах *иде*шь и т. п., где мягкий знак не

имеет ни фонетического, ни морфологического значения. Такие написания называют *традиционно-этимологическими*.

Что касается написания **ь** в формах существительных 3-го склонения *ночь*, *рожь*, в императиве *режь*, инфинитиве *беречь*, то эти случаи, хотя их иногда причисляют к традиционному принципу орфографии, лучше относить к *принципу морфолого-графических аналогий* (см. *Морфолого-графических аналогий принцип орфографии*).

ТРАНСКРИПЦИЯ¹ [от лат. *transcriptio* ‘переписывание’; лат. *trans* ‘пере-, через’ и *scribo* ‘пишу’] — специальное фонетическое письмо, графическая фиксация речи с помощью особых символов для решения научных или педагогических задач. Целью транскрибирования является представление единиц звукового строя языка.

В транскрипции часто используются латинские буквы, которые лежат в основе системы символов **международного фонетического алфавита** (см.). Существует и давняя традиция транскрибирования русской речи при помощи кириллических символов.

Выделяют два типа транскрипции — *фонематическую* и *фонетическую*. Фонематическая транскрипция, как правило, заключается в косые скобки (/stol/ *стол*, /máma/ *мама*), а фонетическая — в квадратные ([s^ʰɔl], [máml̩]). В фонетической транскрипции используется ряд специфических транскрипционных знаков и более широкий круг **диакритических знаков** (см.): в [s^ʰɔl] знак градуса справа и сверху от [s] и [t] означает, что эти согласные произносятся с округлением губ, а знак тильды над [a] и [л] в [máml̩] указывает на то, что эти гласные — назализованные. Степень подробности такой транскрипции может быть различной в зависимости от задач транскрибирования.

Для осуществления фонематической транскрипции фонетисты руководствуются той или иной теорией фонемы (поэтому фонематические транскрипции разных фонологических школ могут различаться), знать инвентарь **фонем** (см.) и их реализации (аллофоны) в разных позициях (для гласных, напр., под ударением и в безударной позиции и т. п.). Фонематическая транскрипция передает не все особенности звучащей речи, а только ее фонемный состав. Фонетическая транскрипция дает более подробные сведения об особенностях произношения, ее символы обозначают не фонемы, а их аллофоны. Так, фонематическая транскрипция словоформы *голова* — /galavá/. Фонема /a/ представлена в этой форме 3 раза и в каждом случае по-разному, поэтому, если фонетисты хотят объяснить (напр., иностран-

цу), как произносятся звуки этого слова, они должны уточнить фонематическую транскрипцию: напр., показать, что /a/ в первом слоге этой словоформы произносится короче второго и более закрыто, а второй произносится короче третьего и тоже более закрыто. Эти различия между /a/ в разных позициях по отношению к ударению и месту в слове в фонетической транскрипции должны быть переданы графически, поэтому для обозначения трех разных /a/ в фонетической транскрипции используются три разных символа — [gʲɫʌvá].

ТРАНСКРИПЦИЯ² [от лат. *transcriptio* ‘переписывание’; лат. *trans* ‘пере-, через’ и *scribo* ‘пишу’] — передача на письме звукового состава заимствованного слова при помощи графических символов заимствующего языка; наряду с **трансплантацией** (см.) и **транслитерацией** (см.) один из способов графического освоения заимствованного слова.

Транскрипция не может служить совершенным способом передачи иноязычных слов и лишь приблизительно передает их звуковой облик вследствие несовпадения фонологических систем различных языков, поэтому принцип транскрипции обычно сочетается с принципом транслитерации, тем более что во многих случаях они дают один и тот же результат. Ср. фр. *Breguet* (марка швейцарских часов) → *брегёт*: здесь в значительной части результаты транскрипции и транслитерации совпадают (**брег-е-**), но лат. *u* в русском написании не передается (т. е. не **брегует*) — это элемент транскрипции, и, наоборот, **t**, которое во французском не произносится, в русском отражено — это элемент транслитерации. При адаптации фамилии часовщика А.-Л. Бреге (основателя фирмы *Breguet*), максимально использован принцип транскрипции (*Bréguet* → рус. *Брегé*).

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ [от лат. *trans* ‘пере-, через’ и *littera* ‘буква’] — побуквенная передача написаний одной графической системы буквами другой графической системы; наряду с **трансплантацией** (см.) и **транскрипцией** (см.) один из способов графического освоения заимствованного слова. В отличие от транскрипции, которая стремится передать произношение адаптируемого слова в ущерб его графическому облику в языке-источнике (ср. англ. *Newton* /'nju:tən/ → *Нью́тон*), транслитерация ориентируется на максимально однозначные буквенные соответствия между графическими системами контактирующих языков (англ. *Newton* → рус. устар. *Невто́н*).

При отсутствии соответствия между двумя буквами разных алфавитов транслитерация допускает введение сочетаний букв для передачи одной буквы, **диакритических знаков** (см.). Напр., буква **ш** с помощью латинского алфавита может быть транслитерирована и как **sh**, и как **š**; буква **щ** — как **š**, **šč**, **shch** и т. п., в зависимости от принятой системы транслитерации. Напр., в графике немецкого языка принято для транслитерации русских **ш**, **ч** и **щ** использовать сочетания (**полиграфы** (см.)) соответственно **sch**, **tsch** и **schtsch**: *Шостакович* → *Schostakowitsch*, *Щедрин* → *Schtschedrin* (ср. англ. *Shostakovich*, *Shchedrin*).

В чистом виде транслитерация обычна при наличии у одного языка двух графических систем, как напр. **кириллицы** (см.) и **латиницы** (см.) в сербском языке (ср. *коњ* ↔ *konj*, *земља* ↔ *zemlja*). При передаче на письме иноязычных слов принципы транслитерации и транслитерации, которая в этом случае основывается на правилах графики соответствующего языка, часто комбинируются. Так, немецкая фамилия *Heine* (читается ['haɪnə]) при транслитерации имеет облик *Гейне*, при транскрипции (которая, впрочем, не бывает последовательной из-за несходства фонологических систем) — *Хайне*, а при совмещении принципов транслитерации и транскрипции — *Хейне*.

ТРАНСПЛАНТАЦИЯ [от лат. *transplantatio* ‘пересаживание’; лат. *trans* ‘пере-, через’ и *plantare* ‘сажать’] — перенесение заимствованного слова в инородную графическую среду языка-рецептора с сохранением графики языка-донора; один из способов адаптации иноязычных слов на раннем этапе заимствования (см. также **Транскрипция** и **Транслитерация**).

Трансплантация, широко применявшаяся во 2-й пол. XVIII и XIX вв. (роман английского писателя *Hooka* был издан на французском языке *Lagrange'em*), в настоящее время встречается в научных текстах, СМИ и особенно часто в рекламе (по более ранним данным *Clemencen* и *Vielsen*; *откройте для себя огромный выбор часов Breguet на Chrono24 — крупнейшей в мире площадки для онлайн-торговли часами*). Это способ имеет как свои положительные (слово выделяется в окружающем тексте и сразу опознается как иноязычное), так и отрицательные (его произношение очевидно только для тех читателей, которые знакомы с языком-донором) стороны. Трансплантация может сочетаться с транскрипцией или транслитерацией: *в работе Циммермана (Zimmermann)*.

ТРЕМА́ [от гр. τρήμα (= *trema*) ‘отверстие’] — то же, что **диерезис** (**диэрезис**) (см.).

УДАРЕ́НИЕ — основное супraseгментное (т. е. «надсегментное») звуковое средство, которое обеспечивает единство фонетического слова, синтагмы или фразы в потоке речи. Оно как бы «накладывается» на последовательность фонем, составляющих звуковую оболочку соответствующего отрезка речи. Если специально не оговаривается иное, то под ударением обычно подразумевают словесное ударение, т. е. такое ударение, которое объединяет фонетическое слово в единое целое и в значительной степени определяет произношение безударных слогов. Есть и другие виды ударения — синтагматическое, фразовое, логическое. В многосложных словах может появляться второстепенное, или побочное ударение. Раздел языкознания, изучающий природу и функционирование ударения, называется **акцентологией**.

В фонетическом отношении словесное ударение представляет собой выделение одного из слогов слова посредством удлинения этого слога, усиления его интенсивности (громкости) и изменения высоты тона. Обычно говорят об ударных и безударных гласных, однако ударность и безударность — это свойства слога в целом, а не только его вершины (см. **Слог**). Экспериментально-фонетические исследования показывают, что русское ударение является количественным, а не динамическим (силовым), т. е. основным средством выделения ударных слогов в русском языке является длительность, а не громкость. Важно, однако, что ударение воспринимается носителем языка как некий самодовлеющий признак словоформы. Носитель языка обычно знает, куда падает ударение. Знание о месте ударения хранится в его внутреннем лексиконе, поэтому в качестве ударного часто опознается тот слог слова, который с точки зрения носителя языка должен быть ударным в данной словоформе. Так, удлинение первого предударного гласного может использоваться в качестве интонационного средства и не интерпретируется носителями языка как словесное ударение: ср. несколько манерное произношение *Дорогой!* [dʔra:ɡój], *Говори!* [gʔva:rʲi]. Подобное просодическое удлинение как ударных, так и безударных слогов может передаваться на письме: ср. *Пе-е-етька-а-а-а!!* (В. Катаев); *Тогда она... завyla по-бабьи, качаясь, будто пьяная: — Уха-а-ал!..* (Ю. Казаков).

Словесное ударение в русском языке является обязательной принадлежностью звуковой оболочки слова, как и любая из составляю-

щих ее фонем. Некоторые слова могут полностью совпадать по составу фонем и различаться лишь местом ударения: ср. *муку* /mu'ku/ — *му́ку* /'muku/, *жа́ра* /ža'ra/ — *жа́ра* /'žara/ и т. п. При нарушении места ударения слово теряет характерный для него звуковой облик, хотя состав звуков (фонем) может не меняться: ср. *за́гар* вместо *зага́р*, *кули́нар* вместо *кулина́р*. Однако есть более или менее привычные для носителей русского языка колебания ударения, которые в принципе не мешают опознавать слово в потоке речи: ср. *творо́г* — *тво́рог*, *кулина́рия* — *кули́нария*. Такие варианты ударения изучаются в **орфоэпии** (см.).

Слово, в том числе и знаменательное, может как бы «терять» ударение в составе фонетического слова: ср. *ру́ку* — *на́ руку*, *го́лову* — *за́ голову*. Такие «оттяжки» ударения на предлог все реже встречаются в русской речи, сохраняясь главным образом в фразеологизмах: ср. (*надела перчатку*) *на́ руку* и *на ру́ку*, но (пока) только *нечист на́ руку*. Безударное слово, входящее в состав фонетического слова, называется **кλίтикой** [от гр. κλίνω (= *klínō*): 'наклоняю, приставляю']. Если клитика находится перед ударным словом, ее называют **прокли́тикой** [от гр. проκλιτικός (= *proklitikós*) 'наклоняющийся вперед'], если она находится после ударного слова — **энкли́тикой** [от гр. ἐγκλιτικός (= *enklitikós*) 'наклоняющийся назад, отступающий']. Некоторые служебные слова в русском языке не могут находиться под ударением, напр. энклитические частицы *ли*, *же* и некоторые другие.

Русское словесное ударение может падать на любой по счету слог фонетического слова, т. е. оно является **свободным (разноместным)**, и при этом в словах, состоящих из 3–5 слогов, тяготеет к середине слова, а в многочисленных двусложных словах распределяется практически поровну между первым и вторым слогами. Будучи свободным, русское ударение может находиться как на корнях слов, так и на приставках, суффиксах и окончаниях. В связи с этим в большой части частотной лексики ударение является **подвижным**, т. е. может менять место при словоизменении (напр., *жен-а́*, *жен-ы́*, *жен-е́*, *жен-у́*, *жен-ой*, о *жен-е́*, но *жён-ы*, *жён-__*, *жён-ам*, *жён-ами*, о *жён-ах*) и словообразовании (напр., *сто́л-__*, *сто́л-а́*, *сто́л-у́*..., но *сто́лик-__*, *сто́лик-а*, *сто́лик-у*). Подвижность ударения используется в русском языке как дополнительное средство для выражения морфологических категорий, как в приведенном противопоставлении форм единственного и множественного числа слова *жена*.

На письме русское ударение не обозначается, за исключением особых случаев (см. **Акут, Гравис, Диакритические знаки**).

УМЛА́УТ (УМЛЯ́УТ) [нем. *Umlaut* ‘перегласовка’] — надстрочный знак (¨; ̥) (см. **Диакритические знаки**) в виде двух точек над гласной буквой, указывающий на то, что фонема, обозначенная буквой с умляутом, отличается от фонемы, обозначенной буквой без умлаута. Так, в немецком языке буква **a** обозначает фонемы переднего ряда /a/ или /a:/, а **ä** — фонемы переднего ряда /ɛ/ и /ɛ:/ того же подъема (ср. *Gans* ‘гусь (ед. ч.)’ — *Gänse* ‘гуси (мн. ч.)’). Сходные отношения имеются между **o** (/ɔ/ и /o:/) и **ö** (/ø/ и /ø:/), **u** (/ʊ/ и /u:/) и **ü** (/y/ и /y:/). Термин «умлаут» используется для обозначения не только надстрочного знака, но и самого фонетического изменения — перегласовки (перехода гласного заднего ряда в передний), которая привела к появлению новых гласных фонем переднего ряда в результате ассимилятивного воздействия переднего гласного следующего слога, а затем и к возникновению исторического чередования, обслуживаемого в немецкой графике парами **a/ä**, **o/ö** и **u/ü**. Знак умлаута встречается в древневерхненемецких памятниках XII–XIII вв. и восходит к маленькому ̥, надписанному над гласными. В свою очередь **ḁ**, **o̥**, **u̥** возникали из диграфов **ae**, **oe**, **ue**. Постепенно это ̥ превратилось сначала в две черточки над гласным, а затем и в две точки. Таким образом, эволюцию знака умлаута можно схематично представить следующим образом: **oe** > **o̥** > **ö**. Считается, что термин *Umlaut* впервые был употреблен в 1774 г. поэтом Фридрихом Гютлибом Клопштоком, а впервые применил его по отношению к древневерхненемецкому фонетическому изменению один из основоположников сравнительно-исторического языкознания Якоб Гримм уже в XIX в. В русском письме аналогом немецкого умлаута является надстрочный знак в виде двух точек над **ё**. Необходимость в такой букве для русского письма, как и в немецком, была вызвана фонетическим изменением. В отличие от немецкого, в результате древнерусского перехода /e/ в /o/ новой фонемы не появилось, но после этого перехода фонема /o/ оказалась возможной в позиции после мягкого согласного, чего до этого не было (см. **Буква ё**). Умлаут следует отличать от внешне совпадающего с ним **диэрезиса (диэрезиса)** (см.). В последние десятилетия значительное распространение получил так называемый хеви-метал-умлаут (англ. *Metal umlaut*, также *röck döts*) — две точки над гласной, не имеющие никакого фонетического значения, а служащие лишь графическим средством выразительности: они используются в декоративных целях — для придания слову (как правило, названию рок-группы, имени

музыканта и т. п.) «нордического» вида: *Blue Öyster Cult*, *Motörhead*, *Mötley Crüe* и др.

УСТА́В (УСТАВНО́Е ПИСЬМО́) — древнейший из трех последовательно сменявших друг друга почерков, или видов кириллического письма (см. **Полуустав**, **Скоропись**). Уставное письмо XI–XII вв., представленное в пергаменных рукописях, — это медленное, торжественное письмо в границах двух параллельных линеек, причем буквы писались прямо, перпендикулярно к строке. В XI в. буквы устава более квадратные, чем в XIII в., когда они вытягиваются вверх. Уставом написаны Остромирово евангелие 1056–1057 гг. (древнейшая дошедшая до нас точно датированная восточнославянская рукопись) и Мстиславова грамота около 1130 г. (самый ранний из сохранившихся памятников официально-деловой письменности Древней Руси). Кириллический устав восходит к греческому унциальному письму, а со 2-й пол. XIV в. сменяется **полууставом** (см.), сохраняясь, однако, до XVI в. в торжественно оформленных богослужебных рукописях.

В греческой и латинской **палеографии** (см.) термину *устав* соответствует термин **унциал** (от лат. *uncialis*). Начертания букв древнейшей **кириллицы** (см.) первоначально палеографически не отличались от начертаний букв византийского унциального письма.

ФИТА́ — название буквы **ѳ**, занимавшей предпоследнее место в составе русского алфавита до орфографической реформы 1917–1918 гг.

Как начертание, так и само название кириллической буквы **ѳ** восходят к греческой букве **θ** (др.-гр. и визант. название θῆτα (= *têta*), в рус. традиции *méta*). В древнегреческом **θ** имела звуковое значение /t^h/ (**t** придыхательное), но в греческом языке византийского периода **θ** читалась как межзубный щелевой глухой согласный [θ] (примерно соответствующий произношению первого английского согласного в слове *think* ‘думать’).

Соответствовавшая кириллической **ѳ** глаголическая буква **ѣ**, скорее всего, отсутствовала в первоначальной глаголице и была включена в нее позднее — из кириллицы, где она была предназначена для передачи греческого /θ/ в словах, заимствованных старославянским языком из греческого. В произношении двуязычных славянских книжников такой согласный, видимо, существовал, однако славяне, в языке которых подобного звука не было, обычно заменяли его своим звуком /t/

(ср. гр. Μάρθα > ст.-сл. **марѣта** / **марѣѡа** / **марѡа**). Иногда славянские книжники в процессе заимствования заменяли /θ/ фонемой /f/, которой также не было в то время в славянской фонетической системе, но, возможно, такое произношение было более приемлемым для славянских книжников, контактировавших с греками. Для передачи [f] в греческих заимствованиях служила буква **φ** (*ферт*) (ср. гр. φαρισαῖος (= *pharisaeus*) > ст.-сл. **фарисен**). (ср. гр. Γολγοθᾶ (+ *Golgorpha*) > ст.-сл. **голѣгота** / **голѣгофа** / **голѣгофа**). Отсутствие в древних славянских языках звуков [f] и [θ] в конце концов способствовало смешению букв **ф** и **ѡ** в текстах славянских, а потом и русских книжников, которые не владели греческим произношением, что привело к дублетности букв **ф** = **ѡ**, а потом и **ф** = **ѡ** (см. **Дублетные буквы**).

В дореформенном русском письме буква **ѡ** получила то же звуковое значение, что и **ф** — /f/: ср. *ѡмѡамъ* (совр. *фимиам*, но *тимѡанъ* — совр. *тимьян*), *ѡма* (*Фома*, но *Томъ*), *Марѡа* (совр. *Марфа*) — хотя изредка (в словах с корнем *ѡео-* из гр. θεός (= *theos* 'бог') в ряде случаев передавала и фонему /t/: *ѡеология* (*теология*), *ѡеогонѡя* (*теогония*), *ѡеократѡя* (*теократия*). Буква **ѡ** оценивалась как избыточная для Русского алфавита уже в филологических сочинениях XVIII в. После Орфографической реформы 1917–1918 гг. *ѡита* была исключена из алфавита, а во всех случаях, где она использовалась, стали писать букву **ф**. С утратой буквы **ѡ** стали выходить из употребления и устойчивые выражения, связанные с ее названием (напр., у нее ротик *ѡитою*), а также шуточные пословицы на тему учебы (ср. *От ѡиты подвело животы* или *ѡита да ижица, к ленивому плеть движется*).

ФОНЕМА — минимальная, т. е. линейно не делимая, функциональная единица звукового строя языка, которая, сама по себе не обладая значением, используется для образования и различения звуковых оболочек значимых языковых единиц — слов и морфем; единица языковой системы, которая обозначается буквами **буквенно-звукового письма** (см.). В известном смысле фонема — это то же самое, что и широко распространенное понятие «звук речи», однако фонетисты пришли к необходимости разграничить эти термины. Понятие звука речи как бы раздвоилось: звук речи как единицу языковой системы стали называть фонемой, а звук речи как артикуляторно-акустическое соответствие фонемы, как ее реализация в речевом потоке получил наименование **аллофона** (см.). Именно фонемы, а не аллофоны фонем обозначаются буквами алфавита в буквенно-звуковом письме.

Разграничить понятия фонемы и звука речи (аллофона) пришлось, во-первых, потому, что в речевом потоке отсутствуют границы между отдельными его сегментами, которые соответствовали бы членению на фонемы. Ни акустический анализ, ни рентгенокиносъемка не обнаруживают таких физических границ между звуками речи. Во-вторых, наивный носитель языка осознает как функциональные звуковые единицы именно фонемы, а не их реализации — аллофоны, существования которых он в обычной ситуации не замечает. Фонемы как языковые единицы имеются не во всех языках. В некоторых языках (таких, как китайский, вьетнамский и др.) слог, который одновременно является и морфемой, далее не членится на отдельные фонемы, согласные и гласные. В таких языках (их иногда называют слоговыми), в качестве минимальной единицы выступает слог (слогоморфема), а фонемы как особые языковые единицы не выделяются. Русский, как и большинство других языков мира, относится к фонемным языкам, в которых минимальной фонетической единицей является фонема.

Каждая фонема в зависимости от позиции реализуется в разных своих оттенках — аллофонах, вариантах. Так, фонема /j/ реализуется разными аллофонами, которые в фонетической транскрипции обозначаются символами [j], [j°] и [i̯]: щелевой согласный [j] представлен в позиции перед ударным неогубленным гласным ([jáxɬɮ] *яхта*), щелевой огубленный [j°] — перед ударным огубленным гласным ([júrɕɮ] *юбка*), [i̯] — после гласных перед согласными и на конце слова ([da̯i] *дай*, [ta̯iɡá] *тайга*). Эти реализации фонемы не противопоставлены друг другу, т. е. у каждого аллофона фонемы — своя фонетическая позиция по отношению к ударению, соседним фонемам и месту в фонетическом слове, поэтому носителями языка они и рассматриваются как «один звук». Такое распределение аллофонов фонемы, когда они не пересекаются и каждый из них имеет свою собственную позицию, лингвисты называют дополнительной дистрибуцией (распределением). Те аллофоны фонем, которые фонетисты считают важными для описания звуковой системы какого-либо языка или для обучения произношению, отражаются в *фонетической транскрипции* (см. *Транскрипция*).

ФОНЕМАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ (см. *Фонетический принцип орфографии, Морфологический принцип орфографии*)

ФОНЕТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ — орфографический принцип, в соответствии с которым находящиеся в слабой позиции фонемы, участвующие в живых фонетических чередованиях, передаются — несмотря на нарушение графического единообразия морфем — теми буквами, которыми эти фонемы должны быть обозначены в соответствии с **главными значениями букв** (см.). Ему в русском письме противостоит **морфологический принцип орфографии** (см.).

Фонетический принцип действует в русском письме ограничено — лишь в тех случаях, где теоретически возможно применение морфологического принципа, но он по правилам русской орфографии не применяется. Так, фонетический принцип действует в правописании приставок на -з-: ср. *разлить* /razl'it'/ (сильная позиция /z/) — *разбить* /razb'it'/ (слабая позиция /z/) — *распить* /rasp'it'/ (слабая позиция /s/). Для фонемы /a/ во всех трех случаях в приставке слабая позиция, которую можно проверить по сильной (ср. *рб́злив*, *рб́спись*). В соответствии с главным принципом русской орфографии — морфологическим — приставку *роз-* следовало бы писать, сверяясь с опорными написаниями, представленными в слове *розлив*: **розбить*, **розпить*. Таким образом, теоретически написания по фонетическому принципу можно с легкостью перевести на морфологический принцип (напр., до орфографической реформы 1917–1918 гг. (см. **Реформа орфографии**) морфологический принцип частично действовал и в приставках на -з-: ср. *безпорядокъ*, *безцѣнный*, *безчестіе*, *изстари*, *разселить* и др.). Точно так же орфограммы, пишущиеся по морфологическому принципу, можно перевести на фонетический принцип орфографии и, соответственно, писать не *вода*, *вод*, а **вада*, **вот*. В русском письме фонетический принцип противоположен гласному принципу русской орфографии — морфологическому.

Не всякое **фонетическое написание** (см. **Типы написаний**) в русском письме является результатом применения фонетического принципа орфографии. Напр., в таких словах, как *дом*, *мука́*, *конь*, *тюле́нь* и под., написания всех букв — **фонетические** (= **адекватно-фонемные**), но здесь нет орфограмм, так как графика не предоставляет выбора пишущему, и, соответственно, нет необходимости изменять какой-либо из принципов орфографии (ни морфологический, ни фонетический). Все эти написания вытекают из правил русской графики. Наоборот, некоторые из написаний в этих словах, напр. *дом*, *мука́*, *конь*, являются **опорными** (см. **Опорные написания**) для орфо-

грамм в словоформах *домá*, *мук*, *коней*, которые пишутся по **морфологическому принципу орфографии** (см.).

В связи с тем что в буквенно-звуковом письме буквами обозначаются **фонемы** (см.), вместо традиционного термина «фонетический принцип орфографии» иногда используется термины «фонологический» или «фонематический принцип орфографии». В русистике дополнительным осложнением терминологии в сфере обозначении орфографических принципов является то, что в связи с разным пониманием фонемы представителями различных фонологических школ некоторые лингвисты называют морфологический принцип фонематическим принципом орфографии.

ФОНЕТИЧЕСКОЕ НАПИСАНИЕ — то же, что **Адекватно-фонемное написание** (см.).

ФОНЕТИЧЕСКОЕ СЛОВО — акцентно самостоятельная (т. е. обладающая в потоке речи собственным словесным **ударением** (см.)) словоформа, одна или с примыкающими к ней клитиками (см. **Кли-тика**). С одной стороны, фонетическое слово является минимальной сегментной единицей речевого потока, организующей слоги вокруг одного словесного ударения в единое целое, а с другой — результатом членения **синтагмы** (см.) на меньшие ритмические единицы. Фонетические слова иногда называют **ритмическими**, или **тактовыми** группами. Ср. членение на синтагмы (символы | или ||) и фонетические слова (непрерывное подчеркивание) отрывка из басни Крылова «Квартет»: ср. *Прокáзница-Марты́шка* |, *Осёл* |, *Козёл* | *Да косола́пый Мы́шка* | *Затéяли сыграть Квартéт* ||. *Доста́ли нóт* |, *баса́*, | *альта́* |, *двэ скрýпки* | *И сéли на лужóк под ли́пки* | *Пленя́ть сво́йм иску́ством свéт* ||. *Уда́рили в смычки́* |, *деру́т* |, *а то́лку нéт* ||. Здесь 26 синтагм и 27 фонетических слов, причем в ряде случаев (*Осел*, *Козел*, *баса*, *альта*, *дерут*) границы между синтагмами и фонетическими словами совпадают (когда фонетическое слово состоит из одной словоформы), а в большинстве случаев не совпадают. Напр., первая и последняя синтагмы состоят каждая из двух фонетических слов, причем в первой каждое из них имеет собственное основное словесное ударение, хотя слова пишутся через дефис (*Прокáзница-Марты́шка*), а в последней первое фонетическое слово состоит из двух слов — **проклитики** (см.) союза *а* и акцентно самостоятельной словоформы *то́лку*, а второе — из акцентно самостоятельной словоформы *нет*. Понятие фонетиче-

ского слова играет важную роль при выборе слитного, раздельного либо дефисного написания. Так, слитно пишущиеся сложные прилагательные, которые употребляются как термины и являются сочетанием наречного слова на *-о* или *-е* и прилагательного или причастия, представляют собой одно фонетическое слово: *быстрорежущий*, *всеобъемлющий*, *малозначащий* и т. п.

ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ (см. Фонетический принцип орфографии, Морфологический принцип орфографии)

ФРАЗОВОЕ УДАРЕНИЕ — просодическое (супraseгментное) выделение одного из словесных ударений фразы. С одной стороны, оно объединяет фразу в единое целое, обеспечивая ее целостность, а с другой — противопоставляет выделенный элемент сообщения как наиболее важный в смысловом отношении другим, менее важным. Фразовое ударение тесно связано со словесным, так как оно в нормальном случае совпадает со словесным ударением выделяемого слова. Обычно подразумевается, что во фразе имеется одно фразовое ударение, но в действительности для нее характерна некоторая градация усиления словесных ударений, отражающая дифференциацию элементов сообщения по степени важности. Такая градация формирует интонационный контур высказывания. Поскольку главное фразовое ударение выделяет слово, несущее наиболее важную смысловую нагрузку, его также называют логическим или эмфатическим.

Фразовое ударение — одно из важнейших средств актуального (тема-рематического) членения предложения; кроме того, оно выполняет и другие функции.

Поскольку фразовое ударение семантизировано, оно, хотя и факультативно, может находить отражение на письме. Для передачи фразового ударения используются такие традиционные графические средства, как знаки препинания, прежде всего тире (*А сам он тоже не думал о том, как будет жить после войны. Он сам был — война.* — К. Симонов; *...объединяет всю эту деятельность разнообразных художников, вдыхает в них творческую волю — режиссер.* — Л. Чуковская) и кавычки (*Итак, порядок слов выступает как «организатор» предложения.* — Н. Валгина; *Ее [хату] купили другие люди и позволили ему только «дожить» в ней.* — И. Бунин), шрифтовые выделения (курсив, полужирный шрифт, разрядка, прописные буквы; см. **Кал-**

лиграфема, Супраграфемика): «— Ты ведь любишь тюрбо? — сказал он Левину, подъезжая. — Что? — переспросил Левин. — Тюрбо? Я ужасно (в других изданиях разрядка — у ж а с н о) люблю тюрбо» (Л. Толстой). Кроме того, возможно использование и других способов графического обозначения фразового ударения:

а) постановка знака ударения для маркирования именно фразового, а не словесного ударения: *А Степан Аркадьич был не только человек честный (без ударения), но он был **чѣстный** человек (с ударением), с тем особенным значением, которое в Москве имеет это слово, когда говорят: **чѣстный** деятель, **чѣстный** писатель, **чѣстный** журнал, **чѣстное** учреждение, **чѣстное** направление, и которое означает не только то, что человек или учреждение не бесчестны, но и они способны при случае подпустить шпильку правительству. Степан Аркадьич вращался в Москве в тех кругах, где введено было это слово, считался там **чѣстным** человеком и потому имел более, чем другие, прав на это место (Л. Толстой);* одновременно с разграничением омонимов, напр. относительного местоимения *что* и союза *что*: *Я пришел к тебе с приветом / <...> / Рассказать, что отовсюду / На меня весельем веет, / Что не знаю сам, **что́** буду / Петь, — но только песня зреет (А. Фет);*

б) удвоение гласного при помощи дефиса (см. **Дефис**): — *Много еще земли-то — Земли, брат, **о-очень** много! (М. Горький); Сними-ите меня! — жалобно кричал отец Федор (И. Ильф и Е. Петров);*

в) дефисно-послоговое (см. **Слог**) написание слова: — *Эти люди, слышите, Киса, **вы-и-гра-ли** пятьдесят тысяч рублей (И. Ильф и Е. Петров);*

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ (ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИЙ) ЯЗЫК — язык богослужения главным образом у православных славян (русских, украинцев, белорусов, болгар, сербов, македонцев). Церковнославянский язык является прямым продолжением старославянского языка (который иногда называют древнецерковнославянским) на различных славянских территориях. Термин «церковнославянский» подчеркивает постепенное сужение — в условиях формирования и становления национальных литературных языков — функций старославянского языка, который первоначально был не только богослужебным, но литературно-письменным языком. Язык письменных памятников восточных славян XII–XVII вв., связанных с кирилло-мефодиевской традицией, также принято называть

церковнославянским. В связи с этим церковнославянский язык, принятый в современном богослужении и церковных книгах, называют **новоцерковнославянским**, орфографические и морфологические нормы которого сформировались в середине XVII в. в ходе кодификации, происходившей в ходе реформ патриарха Никона.

Новоцерковнославянский язык в целом сохраняет старый кириллический алфавит (40 букв, включая такие, которые отсутствуют в современном русском алфавите — **Ѣ, оу, ѡ, Ѡ, Ѣ** и др.) и орфографию, сокращения слов под титлами (**ДХЪ** — дух, **МТИ** — мать), обязательное использование знаков ударения (**рѡбѣ** род. ед. ‘раб’, **рѡбѣ** род. мн. ‘рабов’), знаков придыхания в подражание греческому (**ѡггѣль**), в ней присутствуют старые грамматические формы (напр., формы аориста — **плѣтѡхѣ** ‘(я) плел’, ‘(ты) плел’ и ‘(он) / (она) плел(а)’, **плѣтѡхомѣ** ‘(мы) плели’ и т. д.). Ср. текст на церковнославянском языке: **Мѡрфа оубо ѣгда оуслыша ѡквѣнѣнѣ градѣтѣ, срѣтѣ ѣго: маріа же дома сѣдѣше** (Ев. от Иоанна, 11, 20) ‘Марфа, когда услышала (аорист), что Иисус идет, встретила (аорист) его, Мария же сидела (имперфект) дома’.

Кроме новоцерковнославянского, принятого в богослужении в Русской православной церкви (называется также синодальным или новомосковским изводом церковнославянского языка), существуют новоцерковнославянские языки, употребляющиеся в католическом богослужении у хорватов и чехов.

ЦИФІРЬ [от *цифра* ‘знак, обозначающий число’ из нем. *Ziffer* < итал. *cifra* < араб. *ṣifr* ‘пустота, ноль’] — система письменных знаков, обозначающих числа. В XVIII в. в России слово «цифирь» употреблялось в значении ‘арифметика, счисления’, позднее — ‘числительные арабские знаки’. В древней славянской письменности числа обозначались буквами глаголического и кириллического алфавитов. Славянская буквенная цифирь была заимствована греческого письма, в котором буквы передавали не только фонемы, но и числа, однако числовые значения букв в глаголице и кириллице не совпадали.

В кириллице для обозначения цифр использовались в основном те буквы, которые были взяты из греческого алфавита, причем каждая из них сохранила то числовое значение, которое имела в греческом: **а аз** — 1, **в веде** — 2, **г глаголи** — 3 и т. д. Соответственно, буквы, специально созданные для обозначения славянских фонем (**ѡ, ж, ш, Ѣ** и др.), не имели числового значения. Поскольку в кириллицу не вош-

ли некоторые греческие буквы, использовавшиеся в греческом только для обозначения чисел, то их числовые значения получили некоторые кириллические буквы: 6 — з (**З**) *зелó*, 90 — ч *червь*, 900 — ц *цы*. Для того чтобы показать, что буква обозначает число, а не звук, ее выделяли с двух сторон точками, а над ней ставили титло: ср. $\cdot\overline{\text{ВГ}}\cdot$ = др.-рус. **ДЪВѢ НА ДЕСАТЕ РЫБѢ** '12 рыб' (*в веде* — '2', **Г** и десятиричное (см.) — '10')

На смену буквенной цифири пришла так называемая арабская цифири, которая появилась в V в. н. э. в Индии. После усовершенствования арабами она в X–XII вв. распространилась в Европе, а в XIV–XV вв. появляется на Руси. В процессе Петровской реформы азбуки 1708–1710 гг. арабская цифири была узаконена для гражданской печати, однако в **церковнославянском языке** (см.) буквенная цифири сохраняется до настоящего времени.

ЧЕРЕДОВАНИЯ ФОНЕМ — мена фонем в пределах одной и той же морфемы. Чередующиеся фонемы называются альтернантами. В морфеме могут чередоваться как отдельные звуки (ср. /b/||/p/: *дубы* — *дуб*, /s/||/š/: *склеить* — *сшить*), так и сочетания звуков (ср. /vʲ/||/vʲʲ/: *ловить* — *ловлю*), а также звук с нулем звука (/o/||/#: *сон* — *сона*, *соровать* — *сорывать*; /ʲ/||/#: *весть* — *вестник*). Кроме того, в морфеме может чередоваться место ударения (ср. *ловлю́* — *лóвишь*, *лóвит* и т. д., *стенá*, *стенý*, *стенé*... — *стéны*, *стéн*, *стéнам* и т. д.). Развитая система разнообразных чередований является одной из ярких особенностей русского языка: напр., в паре словоформ *ловлю́* — *лóвишь* имеются три разных чередования — /vʲ/||/vʲʲ/, /a/||/o/ и мена места ударения. Чередования буквально пронизывают систему склонения, спряжения и словообразования русского языка, охватывая наиболее частотный пласт лексики и являясь важным грамматическим средством. Эта черта в значительной степени определяет **морфологический принцип орфографии** (см.).

Чередования обычно возникают в результате фонетических изменений. Некоторые из звуковых изменений и развившихся на их базе чередований возникли еще до появления письменности на русском языке. Именно поэтому они получили отражение на письме: /k/||/č/: (*теку* — *течешь*), /g/||/ž/: (*берегу* — *бережет*), /x/||/š/: (*тих* — *тишина*), /o/||/a/ и /dʲ/||/ž/: (*заходит* — *захаживает*) и т. п. Другие чередования возникли сравнительно поздно, уже в условиях развитой и устойчивой письменной традиции, поэтому на пись-

ме обычно не отражаются: /d//t/ (*пруды* — *пруд*), /o//a/ (*воду* — *вода*), /a//i/ (*пяты* — *пяти*), но могут и отражаться на письме: /e//#/ (*день* — *дня*), /o//#/ (*сон* — *сна* и *лёд* — *льда*), /o//e/ (*бёдра* — *набедренный*) и др.

Одни чередования — напр., мена ударного гласного /o/ и безударного /a/ (*дѣм* — *дома*, *стѣл* — *стола*) или замена глухого согласного парным звонким перед звонким согласным (*косить* — *косьба*) и звонкого согласного парным глухим перед глухим согласным в позиции перед глухими (*клубок* — *клубка*) — распространяются на столь большое число морфем и слов, что это производит впечатление фонетической закономерности, не знающей исключений. Условия таких чередований можно легко описать в фонетических терминах, поэтому их называют **живыми фонетическими чередованиями**. Эти чередования также называют **позиционными**, поскольку чередующиеся звуки находятся как бы в разных фонетических позициях: один — в **сильной** (для гласных это позиция под ударением, для звонких и глухих согласных — перед гласным или сонантом), а другой — в **слабой** (для гласных — это безударная позиция, для звонких и глухих согласных — конец слова или положение перед другим шумным согласным).

Другие чередования, как правило, отражаются на письме и не поддаются или с трудом поддаются описанию в фонетических терминах. Такие чередования называются **историческими**. Однако разграничить живые и исторические чередования не всегда легко. Некоторые лингвисты рассматривают мену твердых и мягких согласных перед /e/ (*вода* /vadá/ — *воде* /vadě/, *стол* /stol/ — *в столе* /f stal'ě/) как живое фонетическое чередование, т. к. перед /e/ в русском языке, как правило, бывают только мягкие согласные; другие же считают его историческим, поскольку в современном литературном языке широко распространилось произношение твердых согласных перед /e/ (ср. *тест* /test/, *фонема* /fanéma/ и т. п.), а значит, нет запрета на сочетание твердых согласных со следующим /e/.

Чередования как грамматическое средство изучается в особом разделе лингвистики — **морфонологии**.

ЭКСПРЕССИВНАЯ ОРФОГРАФИЯ — одно из **графических средств выразительности** (см.): стилистически значимое нарушение норм правописания, заключающееся в использовании **орфографических тропов** (см.) и **графонов** (см.).

ЭМОГРАММА — то же, что **ЭМОТИКОН** (см.).

ЭМОДЗИ [от яп. 絵 — картинка и 文字 — знак, символ; (= *emodji*)] — пиктограммы, используемые в интернет-коммуникации. Близки к графическим эмодиконам (см. **ЭМОТИКОН**), однако, в отличие, от них призваны не только передавать эмоцию пишущего, но и служить заместителями слов, поэтому при помощи эмодзи могут быть созданы целые тексты. Напр.:

(«Хочешь сладких апельсинов? / Хочешь вслух рассказов длинных? / Хочешь, я взорву все звезды, / Что мешают спать?» — строки из песни Земфиры.) Уже создано множество сервисов, способных переводить любой текст, как письменный, так и устный, на язык эмодзи и наоборот. Такого рода тексты фактически представляют собой разновидность **пиктографического** (см.) или **идеографического (словесного) письма** (см. **Словесное письмо, Логография**), а их создание для пользующихся русским письмом является своего рода видом языковой игры.

ЭМОТИКОН [англ. *emoticon* < *emotion* ‘эмоция’ + *icon* ‘образ’] — письменный символ, служащий для передачи эмоционально-оценочного отношения пишущего к собеседнику или содержанию своего сообщения в интернет-коммуникации (переписке по электронной почте, в форумах и т.п.). Изначально эмодикон представлял собой последовательность знаков, которые имеются на клавиатуре компьютера (цифр, букв, знаков препинания и др.), напр.

:-) ‘улыбка’; ;-) ‘ироническая улыбка’; :-(‘грустное лицо’; 8-[‘лицо с отвисшей челюстью и широко раскрытыми глазами; имеет значение очень сильного удивления или испуга’ и т.п.

С течением времени подобные текстовые эмотиконы трансформировались в графические — изображение лица, выражающего ту или иную эмоцию. Эмотикон одновременно выполняет иероглифическую функцию и замещает знак препинания конца предложения (точку или восклицательный знак). Эмотиконы называют также *смайликами* [от англ. *smiley (face)* ‘улыбающееся (лицо)’ + рус. суф. *-ик*] и *эмограммами* [от англ. *emo(tion)* ‘эмоция’ + гр. *γράφμα* ‘письменный знак, буква’].

ЭНКЛІ́ТИКА [из др.-гр. *ἐκλιτικός* (= *enklitikos*), от *ἐκκλίνω* (= *enklinō*) ‘наклоняю’] — **клитика** (см.), примыкающая к ударному слову справа и входящая вместе с ним в одно **фонетическое слово** (см.): ср. *вышел ли он на вóлю?*; *положи́-ка книгу на сто́л*; но *ты́ же не сказал ему об это́м* и т. п. (энклитики выделены полужирным шрифтом, фонетические слова подчеркнуты).

ЭТИМОЛОГИ́ЧЕСКИЙ ПРИ́НЦИП ОРФОГРА́ФИИ (см. **Морфологический принцип орфографии**)

Ю́СЫ — общее название четырех букв древних славянских алфавитов **глаголицы** (см.) и **кириллицы** (см.). В кириллице это **ѡ** (*юс большой*), **ѣ** (*юс большой йотированный*), **Ѣ** (*юс малый*) и **ѣ̑** (*юс малый йотированный*), которые в **старославянском языке** (см.) обозначали носовые гласные — особые фонемы, унаследованные из праславянского языка: **ѡ** — /ɔ̑/ *о носовое*, а **Ѣ** — /ɛ̑/ *е носовое*: ст.-сл. **рѡка** /rɔka/ ‘рука’, **зѡжкъ** /zvɔkъ/ ‘звук’, **мѡта** /mɛta/ ‘мята’, **врѣмѡ** /vrɛmɛ̑/ ‘время’. Йотированные юсы передавали носовые гласные в сочетании с йотом или после мягких согласных: **моѡж** **землѡж** ‘мою землю’, **ѣзѡкъ** ‘язык’. В древнерусском языке носовые гласные утратились в первой половине X в.: /ɔ̑/ совпал с /u/, а гласный /ɛ̑/ превратился в новую неносовую фонему переднего ряда /ä/.

Поскольку носовые гласные, передававшиеся юсами, утратились в древнерусском еще в дописьменный период, писцы, приспособившая старославянскую кириллицу к своему произношению, стали смешивать буквы **ѡ/оу**, **ѣ/ю**, **Ѣ/ѡ/а**. Обычно вместо **рѡка** писали **роука**, вместо **зѡжкъ** — **звѡжкъ**, вместо **мѡта** — **мѡта**, вместо **чѡдо** — **чадо** и т. п. В XII в. юс большой и оба йотированных юса выходят из употребления. Юс малый использовался на письме дольше, став дублетом буквы **ѡ** (**йотированное а**), причем их употребление стихийно

стало упорядочиваться. Так, во многих древнерусских рукописях ѡ пишется после согласных, а ѡ — в начале слова или после гласных, т. е. для передачи сочетания /ja/ (напр. ѡВЛАТИСѡ, ѡЗЫКЪ, ср. ст.-сл. ѡВЛАТИСѡ, ѡЗЫКЪ). Были и другие правила распределения этих графических дублетов.

В современном русском письме непосредственным продолжением буквы ѡ является буква я, которая, скорее всего, восходит к начертанию в **скорописи** (см.) именно юса малого, а не ѡ. В современном **церковнославянском языке** (см.) ѡ пишется в начале (ѡМА, ѡСН), а ѡ — в середине и в конце слова (пѡАСТЬ, ЗЕМЛѦ, СІНАѡ), за исключением двух слов: местоимения ѡ 'их (вин. п. мн. ч.)' и слова ѡЗЫКЪ в значении 'язык' (в отличие от ѡЗЫКЪ в значении 'народ'). Юсы ѡ, ѡѡ и ѡѡ в современном церковнославянском не используются (ср. рѡКА, рѡКѡЮ, ср. ст.-сл. рѡКА, рѡКОѡ).

ЯТЬ — название буквы Ѣ дореформенного русского алфавита. Является продолжением буквы Ѣ древней **кириллицы** (см.), куда она как буква, обозначающая специфическую славянскую фонему, для которой не было подходящей греческой буквы, вошла из **глаголицы** (см.) — Ѧ. В глаголице и кириллице первоначально служила для обозначения открытого гласного переднего ряда типа [ä] (похожего на англ. [æ] в слове *cat* 'кот', ср. болг. *вяра* < ст.-сл. вѢРА), который в праславянском языке традиционно обозначается символом *ĕ. В древнерусском языке, видимо, после утраты носовых гласных (см. **Юсы**) изменил свое произношение и стал гласным средневерхнего подъема типа [ê] (возможно, дифтонгоидом [ĕe]), входившим в состав фонем древнерусского языка (обычно в соответствии с названием буквы этот гласный также называют «фонема ять»).

Этот звук выступал прежде всего в определенных корнях слов, а также в окончаниях некоторых падежных форм, на конце наречий, отдельных суффиксах, напр.: *стыра, дѣло, на столь, кромь, добръ, сильнѣе, видѣти* и мн. др. Впоследствии фонема /ê/ (*ять*) в литературном языке и в большинстве русских диалектов совпала с фонемой /e/, в результате чего буквы Ѣ и е стали читаться одинаково. Интересно, что в говорах, на которых базировался литературный язык, прежде всего в московском, /ê/ > /e/, перед этим /e/ перед твердыми согласными перешел в /o/ (см. **Буква ё**): ср. *мелѣ* /melʲ/ (глагол прош. вр.) > *мель* /mɔl/ и *мѣлѣ* /mêlʲ/ (сущ.) > *мель* /mʲel/, причем эти словоформы в результате двух изменений сохранили различие в произ-

ношении (ср. совр. *мел* и *мёл*, а в дореформенной орфографии *мѣль* и *мѣль/мѣль*). Тем не менее **е** и **ѣ** при обозначении фонемы /e/ стали **дублетными буквами** (см.), в связи с чем стали появляться предложения об исключении буквы ять из русского алфавита.

В результате орфографической реформы 1917–1918 гг. (см. **Реформа орфографии**) буква **ѣ** была упразднена и заменена на **е**, однако следы ее бывшего присутствия в алфавите остались в русской фразеологии: ср. шутовое выражение *Он пишет «корову» через ять* характеризует безграмотного человека, фразеологизм *знать на ять* (сокращение сочетания *знать слова на ять*, т. е. с ятем) является синонимом превосходных познаний, а его вариант *на ять* используется в значениях ‘хорошо, наилучшим образом’ и ‘прекрасный, превосходный’.

Научное издание

*ДРУГОВЕЙКО-ДОЛЖАНСКАЯ Светлана Викторовна,
ПОПОВ Михаил Борисович*

**СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ ПИСЬМО:
ГРАФИКА, ОРФОГРАФИЯ, ПУНКТУАЦИЯ**

Терминологический словарь

Редактор *Е. П. Парфенова*
Корректор *А. С. Яшина*
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*
Обложка *А. В. Самойловой*

Подписано в печать 01.07.2019. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 12. Тираж 108 экз. Заказ №

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11. Тел./факс +7(812)328-44-22
publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Книги **Издательства СПбГУ** можно

ЗАКАЗАТЬ

на сайте издательства: **publishing.spbu.ru**

в интернет-магазинах: **ozon.ru**; **bookvoed.ru**; **URSS.ru**

ПРИБРЕСТИ

*в книжных магазинах СПбГУ **Дом университетской книги***

Менделеевская линия, д. 5

6-я линия В.О., д. 15

Университетская наб., д. 11

А также в магазинах

Санкт-Петербурга: Сеть книжных магазинов «Буквоед»

Санкт-Петербургский Дом книги, Невский пр., д. 28

«Подписные издания», Литейный пр., д. 57

Москвы:

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, д. 6/3

«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., д. 12/27

Перми:

«Пиотровский», ул. Ленина, д. 54
